

БРОНГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.

БИБЛИОТЕКА САМООБРАЗОВАНІЯ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ПРОФЕССОРОВЪ: П. И. Броунова и В. А. Фаусена.

**ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.**

Рудольфа Эйслера.

Перевелъ съ третьяго дополненнаго и вновь переработаннаго нѣмецкаго изданія

А. Лютшъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. СПб. Прачешный пер., 6.

Предисловіе къ русскому изданію.

Въ текстѣ перевода никакихъ измѣненій противъ оригинала не сдѣлано. Пересмотру подвергся только перечень литературы, гдѣ пришлось пополнять и сокращать соотвѣтственныя указанія подлинника. Эта часть книги составлена почти заново, и при этомъ сообразуясь съ кругомъ читателей, для котораго она прежде всего предназначается.

Въ списокъ литературныхъ пособій включены оригинальные русскіе труды по вопросамъ культурной исторіи, затрогиваемымъ книгою; въ нѣмецкомъ подлинникѣ, по весьма понятнымъ причинамъ, они отсутствуютъ. Приводя, далѣе, иностранную литературу, я считалъ бесполезнымъ перечислять заглавія либо устарѣлыхъ, либо слишкомъ специальныхъ сочиненій, которыя или сами имѣютъ въ настоящее время преимущественно историческое значеніе, или на которыя неминуемо наводитъ интересующагося читателя собственное ознакомленіе съ предметомъ. Поэтому не стремленіе къ внѣшней полнотѣ, а требованіе новизны и абсолютной научной цѣнности, въ соединеніи съ популярнымъ, общедоступнымъ изложеніемъ, имѣлось въ виду при пересмотрѣ литературнаго указателя въ настоящей книгѣ; насколько удачно это требованіе выполнено, судить, конечно, приходится другимъ.

Расположены пособія въ указателѣ по главамъ и въ такомъ порядкѣ, что сперва называется иностранная литература, что позволяетъ попутно отмѣчать имѣющіеся во многихъ случаяхъ переводы

Предисловіе къ русскому изданію.

на русскій языкъ, а за ней уже слѣдуютъ русскія, исключительно самостоятельныя, непереводныя работы.

Знакомство съ указываемой литературой наполнить живымъ и осязательнымъ содержаніемъ чрезвычайно широкія и потому часто блѣдныя, хотя, правда, почти всегда научно обоснованныя, обобщенія, къ которымъ, строго говоря, сводится все изложеніе настоящей книги. Быть-можетъ, выводы, къ которымъ приходитъ ея авторъ, дѣйстви-тельно возбуждаютъ у читателя интересъ къ болѣе подробному изученію цѣлой области или отдѣльнаго вопроса культурной жизни человѣчества,—въ такомъ случаѣ нѣкоторымъ подспорьемъ при удовлетвореніи его любознательности и долженъ служить прилагаемый указатель.

А. Л.

ЧАСТЬ I.

Основные понятія культурной исторіи.

§ 1. Сущность культуры. Задача культурной исторіи. Что такое «культура»? Спрашивая такимъ образомъ, мы имѣемъ въ виду либо «объемъ» понятія культуры, т.-е. все то, къ чему оно приложимо, либо «содержаніе» этого понятія, т.-е. тѣ признаки, которые составляютъ понятіе культуры. какъ таковое. Раньше чѣмъ отвѣтить, въ томъ или другомъ смыслѣ, на поставленный нами вопросъ, постараемся уяснить себѣ, какъ возникаетъ понятіе культуры: пріобрѣтается ли оно на основаніи опыта, или же оно вытекаетъ изъ самой природы нашего духа? Культура—понятіе эмпирическое, или апріорное, лежащее уже въ самомъ основаніи нашего опыта? На первый взглядъ можетъ казаться, будто это понятіе простое обобщеніе извѣстныхъ фактовъ. Проживаніе въ прочныхъ, безопасныхъ жилищахъ, рациональное веденіе хозяйства, употребленіе орудій и машинъ, разработка наукъ, занятія искусствами, соединеніе людей въ стройную общественную организацію, въ государство, подъ сѣнью законовъ и т. д.: совокупность всего этого, повидимому, исчерпываетъ собою понятіе «культуры». Но не трудно убѣдиться въ томъ, что изъ всего приведеннаго, путемъ простого сложенія, нельзя создать понятія культуры, а что во всѣхъ перечисленныхъ областяхъ или проявленіяхъ культурной дѣятельности заключается нѣчто общее, опредѣляемое нами словомъ «культура». То, въ чемъ наука, искусство, техника, нравственность и т. д. сходны между собою, даетъ возможность подвести эти явленія подъ понятіе культуры. И это общее, составляющее самое содержаніе понятія культуры, не заключается въ названныхъ предметахъ въ готовомъ видѣ, какъ нѣчто «данное», оно не есть признакъ въ себѣ, оно обнаруживается только въ опредѣленномъ къ нему же отношеніи со стороны человѣческаго духа, въ оцѣнкѣ, про-

изводимой ему нашимъ сознаниемъ. Культура, стало-быть, понятие, содержащее въ себѣ извѣстную оцѣнку, и въ этомъ смыслѣ она понятие относительное. Что то или другое явленіе мы считаемъ культурою, обуславливается тѣмъ, въ какомъ оно находится отношеніи къ нашимъ стремленіямъ и идеаламъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы видимъ, что эти стремленія и идеалы приблизительно осуществляются, мы примѣняемъ понятие культуры; стало-быть, мы черпаемъ его изъ глубины нашего духа, изнутри нашего существа, а не изъ внѣшняго опыта. Мы не только «опытомъ воспринимаемъ» культуру, но мы толкуемъ и оцѣниваемъ извѣстнаго рода опытные воспріятія сообразно нѣкоторой идеѣ, именно идеѣ культуры.

Этотъ характеръ понятія культуры (вѣрнѣе постулата культуры, изъ коего выводится ея понятіе) имѣетъ важное значеніе. Непониманіе этого ея характера является бѣльшею частью причиною колебаній, замѣчаемыхъ при попыткахъ наполнить понятіе культуры опредѣленнымъ содержаніемъ; оно отчасти повинно также въ спорахъ, столь часто возникающихъ относительно цѣнности самой культуры. Нерѣдко полное содержаніе идеи культуры односторонне сводится къ одному какому-нибудь признаку этого понятія, или же, безъ долгаго размышленія надъ его содержаніемъ, въ тѣхъ же видахъ просто останавливаются на одной изъ сторонъ, составляющихъ объемъ понятія культуры.

Постулатъ, выражаемый понятіемъ культуры, заключается въ требованіи челоуѣческаго совершенствованія въ цѣляхъ высшаго объединенія всѣхъ имѣющихся въ челоуѣкѣ дарованій, побужденій и стремленій. Это совершенствованіе, это развитіе является для челоуѣческаго духа цѣлью, которую онъ ставитъ себѣ сознательно, и сообразно съ которою онъ взвѣшиваетъ и оцѣниваетъ каждое новое свое завоеваніе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно должно разсматриваться и какъ изначально присущая челоуѣческой природѣ тенденція, еще до всякой рефлексіи инстинктивно стремящаяся себя проявить и развернуться. Идея совершенствованія въ духѣ челоуѣчности и есть то, съ чѣмъ мы подходимъ, какъ съ чѣмъ-то апріорнымъ, ко всему нами переживаемому, и подведеніе послѣдняго, т.-е. переживаемаго, подъ первое, т.-е. идею совершенствованія, и создаетъ понятіе культуры. Это понятіе мы прилагаемъ къ ряду дѣяній и продуктовъ, съ помощью коихъ нѣчто данное. «природа», опредѣленнымъ образомъ формуется и претворяется. Но только подчиненіе этой творческой дѣятельности идеѣ челоуѣческаго совершенствованія, только приведеніе соответственнаго дѣянія въ связь съ начальной цѣлью челоуѣческихъ стре-

мленій дѣлаетъ эту работу культурною. Для наличности культуры необходимы двѣ вещи: форма (активная, претворяющая дѣятельность) и содержаніе (идея), направляющее эту работу. Итакъ, мы приходимъ къ слѣдующему опредѣленію понятія культуры: культура— активное претвореніе, обработка данныхъ природы, естественныхъ матеріаловъ въ духѣ и на службѣ идеи человѣческаго совершенствованія.

Всякая направленная въ эту сторону дѣятельность будетъ культурною дѣятельностью, культурною работою, каждое произведеніе ея будетъ культурнымъ фактомъ, объективною культурою, «культурою» въ объективномъ смыслѣ.

Стремленіе къ совершенствованію, къ развитію является апріорнымъ фактомъ, первоосновою всякой культуры. Это совершенствованіе, это развитіе сводится къ тому, чтобы дать развернуться человѣческимъ дарованіямъ и силамъ, всесторонне использовать наличные духовные задатки и содѣйствовать проявленію вновь нарождающихся. Подъ «природою», формуемою человѣкомъ, надо разумѣть всѣ данныя какъ внѣшней, тѣлесной природы, такъ и внутренней, т.-е. всю сумму побужденій и наклонностей, заключающихся въ самомъ человѣкѣ. Идея «совершеннаго» человѣка означаетъ не что иное, какъ гармоничное развитіе всѣхъ его способностей. Не допустить гибели однѣхъ и возобладанія другихъ и направить всѣхъ совокупно къ достиженію наивысшаго общаго результата—въ этомъ, въ послѣднемъ счетѣ, вся суть человѣческаго развитія, именуемаго «прогрессомъ». Вотъ единственно вѣрный масштабъ для производства оцѣнки съ точки зрѣнія понятія культуры. Начатки культуры встрѣчаются уже у первобытныхъ народовъ, но полнота культуры—идеаль, къ которому мы, пожалуй, можемъ и будемъ все болѣе и болѣе приближаться, но который никогда и нигдѣ пока не былъ осуществленъ въ полной законченности; въ этомъ случаѣ дѣло обстоитъ совершенно такъ же, какъ со всѣми идеями и идеалами вообще.

Культура не есть дѣло рукъ или ума отдѣльныхъ лицъ, а плодъ усилій цѣлыхъ поколѣній. Правда, индивидуумъ можетъ дѣйствовать культурно, содѣйствовать культурѣ, обогащать и видоизмѣнять ее, но явленія, которыя столь же обусловливаютъ, сколько и знаменуютъ собою прогрессъ человѣчества, какъ-то языкъ, наука, религія, техника и т. д., создаются только путемъ комбинированной дѣятельности многихъ лицъ въ обществѣ и многихъ преемственно смѣняющихся въ немъ поколѣній. Культура, стало-быть, прежде всего дѣло рукъ человѣческихъ, въ противоположность природѣ, затѣмъ, она—явленіе духовнаго порядка, и, наконецъ, она продуктъ

соціально творчества. Изъ этого вытекаетъ, что истории культуры, какъ съ факторами культурнаго развитія, приходится считаться, во-первыхъ, съ свойствами человѣка и окружающей его «среды», во-вторыхъ, съ духовными силами человѣка вообще и въ частности, въ третьихъ, съ соціальною основою культуры. Различія въ этихъ факторахъ неминуемо влекутъ за собою и различія въ характерѣ и степени культуры въ той или другой группѣ людей.

Культурная исторія имѣетъ своею задачею изобразить ходъ развитія культуры отъ ея началъ до той вершины, которой она достигла въ данное время. Выступая какъ всеобщая исторія культуры, она даетъ обзоръ наиболѣе важныхъ и характерныхъ результатовъ всѣхъ эпохъ; въ видѣ же спеціальной исторіи культуры она трактуетъ о культурѣ или отдѣльныхъ народовъ, или извѣстныхъ періодовъ, или, наконецъ, о развитіи того или другого культурнаго явленія. Въ качествѣ вспомогательныхъ наукъ, культурная исторія пользуется прежде всего политической исторіею, въ соединеніи съ коей она составляетъ универсальную исторію, далѣе, палеонтологіею, антропологіею, этнологіею, археологіею, сравнительнымъ языкознаніемъ, сравнительною исторіею религіи, права, искусства и литературы, хозяйства, техники и т. д.; особенно важны для нея соціологія и коллективная психологія (психологія народовъ).—Методы культурной исторіи тѣ же, что и исторіи вообще. Выводамъ психологіи она должна удѣлять большое вниманіе. Культурныя дѣянія суть акты духовнаго порядка, которые, какъ таковые, должны изучаться психологически, съ точки зрѣнія внутреннихъ мотивовъ и внѣшнихъ къ нимъ поводовъ; всюду требуется вскрывать духовныя побужденія, изъ коихъ сознательно или безсознательно, преднамѣренно или непроизвольно возникаетъ культурная дѣятельность.

§ 2. Происхожденіе культуры. Не о возникновеніи культуры во времени мы здѣсь намѣрены вести рѣчь, должно вскрыть настоящій источникъ культуры. Тотъ механизмъ, которымъ она непрерывно порождается. Дѣло идетъ о свойствахъ и силахъ культурной дѣятельности, которая дѣлаютъ ее, какъ таковую, понятной и возможной. Если человѣкъ есть факторъ, творящій культуру, то надо себѣ выяснитъ сущность человѣческой природы, которая лежитъ въ основѣ всякой культуры, и изъ которой мы только въ состояніи вывести специфическое содержаніе понятія культуры. Каково бы ни было происхожденіе человѣка, несомнѣнно то, что онъ не прерываетъ собою общей цѣпи природы, и что, какъ организмъ, онъ обозначаетъ собою прежде всего одну изъ ступеней въ развитіи самой природы. Правда, человѣкъ возвышася надъ при-

родою, выступая по отношенію къ ней самостоятельно, но это на самомъ дѣлѣ означаетъ лишь то, что, въ лицѣ его, природа возвышается надъ самой собою, преодолеваетъ себя же, хотя, конечно, не какъ природа въ прямомъ смыслѣ, не какъ совокупность матеріальныхъ силъ, а какъ нутро природы, какъ духъ, какъ духовная активность, возможность къ коей, въ зародышномъ состояніи, должна таиться уже въ стихійномъ бытіи. Въ человѣкѣ, какъ принято выражаться, природа начинаетъ приходить къ сознанию своей собственной внутренней сущности. По подобію другихъ существъ, человѣкъ выступаетъ на поприще своей дѣятельности какъ твореніе природы, въ дальнѣйшемъ же ходѣ своего развитія онъ все болѣе и болѣе удаляется отъ первоначальнаго «естественнаго» состоянія, съ одной стороны видоизмѣняя природу по-своему, съ другой — преобразовывая себя самого въ существо особаго порядка, пытающееся, въ конечномъ счетѣ, возстановить, на этотъ разъ уже сознательно и по свободному влеченію, утраченную связь съ природою. Много у человѣка общаго съ сродными ему твореніями природы, животными. Подобно имъ, онъ обладаетъ цѣлесообразно устроенными органами для поддержанія своей жизни, подобно имъ онъ надѣленъ суммою инстинктовъ, побуждающихъ его стремиться къ полезному и избѣгать вреднаго. Но есть еще извѣстныя тѣлесныя преимущества, отличающія человѣка отъ животныхъ. Четыре главныхъ качества, вмѣстѣ взятая, органически образуютъ человѣческое существо: прямая осанка, свободное пользованіе руками, обладаніе органами рѣчи и, наконецъ, чрезвычайное развитіе мозга, центральной нервной системы вообще. Тогда какъ въ отношеніи другихъ органовъ и функцій человѣкъ долженъ уступать другимъ животнымъ, онъ, благодаря указаннымъ четыремъ преимуществамъ, высоко подымается надъ всѣми животными. Въ особенности структура нервнаго аппарата отводитъ человѣку совершенно исключительное положеніе, несмотря на все его родство съ другими живыми существами. Правда, болѣе сложное и тонкое строеніе центральной нервной системы не есть, какъ полагаетъ поверхностный матеріализмъ, «причина», но зато безусловный симптомъ, какъ бы внѣшняя сторона или объективация болѣе дифференцированной, утонченной духовной жизни, болѣе совершенной духовной организаціи. И она-то и является той линіею, которая, проходя между человѣкомъ и животнымъ, отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга.

Что человѣкъ надѣленъ болѣе сложною центральной нервной системой или, что то же, болѣе высокими духовными способностями, только отчасти можетъ быть объяснено внѣшними и внутренними вліяніями. Конечныя причины этого теряются въ отдаленнѣй-

шемъ прошломъ общаго процесса развитія, пройденнаго частью организмовъ, оказавшихся въ сравнительно болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Несомнѣнно лишь то, что человѣкъ произошелъ изъ рода организмовъ, у которыхъ приспособленіе къ условіямъ жизни и «естественный отборъ», поскольку онъ имѣлъ мѣсто, содѣйствовали дифференціаціи и утонченію какъ-разъ именно нервныхъ органовъ. Дальнѣйшее развитіе человѣка точно также коснулось менѣе его тѣлесной, нежели мозговой организаціи. Съ точки зрѣнія психологіи, точкою отправленія эволюціи человѣка является его духъ, психика, сознание. Эта эволюція показываетъ, что пассивная, чисто-реактивная жизнь инстинктами все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто состоянію активной, самопроизвольной духовной дѣятельности, что мышленіе, т.-е. самостоятельное сужденіе и заключеніе (разсудокъ и разумъ), комбинирующая фантазія, сознательная воля, планомерное поведеніе, говоря коротко, методически дѣйствующій умъ получаетъ все болѣе и болѣе перевѣсъ надъ чувственною жизнью и простымъ ассоціированіемъ представленій. Къ этому привели два обстоятельства: недостатки тѣлесно-духовной организаціи человѣка въ естественномъ состояніи въ связи съ его повышенными потребностями, обусловленными его болѣе тонкою нервной системою. Человѣку недостаетъ многихъ вѣрныхъ инстинктовъ, многихъ навыковъ и силъ, присущихъ другимъ живымъ существамъ, и, несмотря на это, въ немъ сильно пріобрѣтенное эволюціоннымъ путемъ стремленіе къ жизни, къ «хорошей» жизни. Онъ—существо, сознающее несовершенство своей природы, не мирящееся спокойно съ этимъ положеніемъ и обладающее разнообразными потребностями. И эти-то потребности и не даютъ человѣку покоя до тѣхъ поръ, пока онъ не превозможетъ недостатки своей естественной организаціи. Онѣ заставляютъ его создавать себѣ, взаменъ тонкихъ природныхъ органовъ, искусственныя орудія, приспособлять къ своимъ надобностямъ какъ внѣшнюю, такъ и собственную внутреннюю природу, въ виду невозможности самому приспособляться къ природѣ удовлетворительнымъ образомъ, однимъ словомъ, дѣлаютъ изъ него существо культурное. Стремленіе къ улучшенію, обезпеченію, обогащенію и утонченію нашего существованія, а чрезъ это и насъ самихъ, стремленіе къ совершенствованію и есть послѣдній субъективный источникъ того, что мы называемъ культурою. Поскольку человѣкъ самой природою вынуждается самодѣятельно устраивать, направлять и культивировать свою жизнь, онъ долженъ разсматриваться какъ существо, отъ природы предна-

значенное къ культурѣ, и уже однимъ этимъ произносится приговоръ надъ дѣлаемыми часто попытками устанавливать между культурою и природою абсолютно враждебныя отношенія. Стремящійся къ культурѣ человѣкъ удалился отъ природы, заставилъ природу себѣ служить, но онъ никогда отъ нея не «отрекался», не измѣнялъ ей, ибо сама природа желала видѣть его своимъ господиномъ. Какъ въ этомъ своемъ стремленіи онъ подчасъ сбивается на ложный путь, и почему это происходитъ, мы увидимъ потомъ.

Въ культурѣ человѣческій духъ создаетъ себѣ новый міръ, міръ, болѣе отвѣчающій его потребностямъ, желаніямъ и требованіямъ, нежели одна природа, міръ, предоставляющій ему все новыя возможности приложенія и развитія соответственныхъ силъ и способностей. Но одинъ только интеллектъ, одна лишь воля еще не производятъ культуры; только разумъ въ соединеніи съ дѣятельною энергіею, съ сильною волею можетъ совершить это чудо.

§ 3. Созидательныя силы культуры. Инстинкты и потребности вызываютъ созидательную культурную дѣятельность, потребности, отчасти заключающіяся изначально въ природѣ человѣка (первичныя инстинкты), отчасти обусловленные особымъ состояніемъ физической среды, отчасти составляющія уже осадокъ, произведеніе самой культуры (вторичныя инстинкты и потребности). Прежде всего жизненная нужда побуждаетъ человѣка создавать себѣ новыя средства, когда средства природы оказываются недостаточными для удовлетворенія инстинктовъ самосохраненія. Не слѣдуетъ, однако, думать, что недостатокъ, какъ таковой, или одинъ недостатокъ самъ по себѣ и есть то, чему мы обязаны своею культурою. Примѣръ многихъ «дикихъ» народовъ свидѣтельствуешь о томъ, что даже весьма неблагопріятныя, скверныя условія жизни сами по себѣ еще не даютъ импульса къ улучшенію существованія, Для того, чтобы этотъ толчокъ былъ данъ, требуется наличіе особаго момента, а именно, помимо способности ощущать недостатокъ какъ таковой, еще и сильное побужденіе къ его устраненію и, главное, энергія воли, для того, чтобы направить свои усилія въ этомъ смыслѣ и уже настойчивымъ образомъ довести начатое до конца. Тамъ, гдѣ эти качества отсутствуютъ, или нѣтъ вовсе культуры, или же достигается только минимальная культура, господствуетъ скудость культуры. Почему извѣстнымъ расамъ, народамъ присущи указанныя качества, не можетъ быть совершенно ясно рѣшено. Многое придется отнести на счетъ среды, которая отчасти путемъ «прямого приспособленія», отчасти путемъ подбора создаетъ такую энергію воли и дѣйствія. Стоитъ, однако, всмотрѣться въ то, какъ различно реагируютъ группы людей, находящихся въ одинаковыхъ жизненныхъ условіяхъ,

и мы убѣдимся, что, къ какимъ отдаленнѣйшимъ физическимъ обстановкамъ ни отодвигать зарожденіе творящихъ культуру свойствъ человека, приходится остановиться на чемъ-то не поддающемся дальнѣйшему расчлененію, что дѣлаетъ однѣ расы «благородными» и дѣятельными, другія же «низкими» и вовсе неспособными къ культурѣ.

Къ первичнымъ потребностямъ принадлежатъ не только такія потребности, которыя вызываются ощущеніемъ какого-либо недостатка, которыя лежатъ въ основаніи нашего попеченія о жизни, но и потребности «функциональныя». Подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть потребности, коренящіяся въ стремленіи тѣлесныхъ и духовныхъ органовъ къ соотвѣтственной дѣятельности, къ отправленію своихъ функцій. Чувства хотятъ быть заняты, тѣло нуждается въ движеніи, фантазія, мышленіе не желаютъ бездѣйствовать или функционировать односторонне. Накопляющаяся временами, вслѣдствіе бездѣйствія или непримѣненія, энергія требуетъ себѣ выхода, разряженія, и это вызываетъ именно дѣйствія, поступки, изъ коихъ возникаютъ, по крайней мѣрѣ, начатки культурныхъ явленій. Въ особенности эстетическая культура восходитъ сюда однимъ изъ своихъ корней. Всякая игра первымъ долгомъ основывается на такой потребности въ функционированіи. Занятіе ради забавы въ формѣ игры, однако, часто предшествуетъ серьезной, сознательной культурной работѣ, предваряетъ ее. Значеніе игры для упражненія и совершенствованія тѣлесно-духовныхъ функцій должно быть оценено во всей своей важности (что, впрочемъ, теперь уже дѣлается К. Гросомъ, Балдвинномъ и др.).

Вторичныя инстинкты и потребности являются порожденіями самой культуры и, въ свою очередь, вліяютъ на ходъ ея развитія. Все заново создаваемое лишь съ помощью долгой и упорной работы многихъ поколѣній, все, могущее служить къ большому обезпеченію и увеличенію удобствъ жизни, къ удовлетворенію ума и сердца, благодаря именно тому, что обладаніе всѣмъ этимъ входитъ въ привычку, становится какъ бы органическою потребностью культурнаго человека. Оно постепенно преобразовываетъ все его существо настолько, что жить безъ этихъ пріобрѣтеній культурной работы ему кажется почти невозможнымъ; мало того, они даютъ ему импульсы къ новымъ усиліямъ по пути уже достигнутыхъ успѣховъ. Первоначально довольно скромные запросы на всякаго рода культурныя блага, благодаря самой культурѣ, все болѣе и болѣе разрастаются какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ. Пресыщеніе старымъ и жажда новизны играютъ при этомъ такую же роль, какъ и измѣнившееся объективное состояніе культуры, возбуждающее уже какъ таковое все новыя потребности.

Большую важность для динамики культурной жизни имѣетъ

психологическій законъ гетерогоніи цѣлей. Онъ гласитъ, что дѣйствія и слѣдствія какихъ-либо поступковъ, совершаемыхъ съ извѣстною цѣлью, могутъ сами стать цѣлями дѣятельности, хотя бы эти дѣйствія раньше таковыми вовсе не были. Такъ возникаютъ постоянно новыя цѣли, новые стимулы для культурной дѣятельности; такъ расширяется область цѣлесообразнаго и цѣннаго для человѣка, безъ того, чтобы знаніе, предвидѣніе всѣхъ этихъ слѣдствій должно быть заранѣе налицо. Всякое культурное пріобрѣтеніе можетъ, такимъ образомъ, стать исходнымъ пунктомъ для новыхъ успѣховъ. Для примѣра, сошлемся на использованіе побочныхъ продуктовъ промышленнаго производства, послѣдствія усовершенствованныхъ средствъ сообщенія и т. д.

Одного взгляда на эволюцію культуры достаточно, чтобы убѣдиться въ дѣйствительности общаго закона духовнаго развитія: переходъ чувственно-инстинктивнаго и полупассивнаго сознанія въ активную мысль, въ ясную телеологию, въ самостоятельно дѣйствующую творческую волю, и «механизація» духовной жизни, т.-е. ускоренное и инстинктивное отправленіе волевыхъ актовъ благодаря повторенію, упражненію и навыку, чѣмъ сберегается масса духовной энергии для свободнаго приложенія ея къ новымъ цѣлямъ.

Что касается отдѣльныхъ пружиныхъ культуры, то достаточно здѣсь указать на разнообразіе потребностей и мотивовъ, могущихъ вызывать дѣятельность человѣка. Совмѣстнымъ дѣйствіемъ матеріальныхъ и духовныхъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ или эстетическихъ, индивидуальныхъ и социальныхъ потребностей создаются различныя частныя области культуры, о которыхъ придется говорить ниже. Подчеркнемъ въ этомъ мѣстѣ еще лишь одинъ моментъ, важный для культурнаго развитія: это—стремленіе къ счастью, эвдемонистическое начало. Данное стремленіе, безъ сомнѣнія, играетъ фундаментальную роль въ исторіи человѣчества; но все же слѣдуетъ остерегаться двухъ заблужденій. Одно заблужденіе — это вѣра, будто абстрактное «стремленіе къ счастью» руководитъ людскими дѣйствіями. Большею частью дѣло обстоитъ не такъ, ибо сознательное стремленіе къ одному только счастью, къ счастью, какъ ближайшей цѣли, во-первыхъ, во многихъ отношеніяхъ само по себѣ продуктъ культурнаго развитія, и, во-вторыхъ, оно является скорѣе индивидуальнымъ, частнымъ явленіемъ, нежели фактомъ коллективнаго порядка. Вообще же—и это будетъ уже вторымъ заблужденіемъ—удовольствіе и неудовольствіе могутъ быть мотивами, но не цѣлями дѣятельности: мы обыкновенно желаемъ и дѣлаемъ что-нибудь потому, что намъ доставляетъ удовольствіе дѣлать и имѣть это, или же потому, что неимѣніе его причиняетъ намъ неудовольствіе; но наша воля отнюдь не направлена прямо на достиженіе этого состоянія чувствъ, какъ г а к о в о г о .

Очень часто только опытъ, доказывающій, что извѣстные предметы вызываютъ собою удовольствіе, побуждаютъ насъ домогаться ихъ ради нашего благополучія, хотя и это имѣетъ мѣсто лишь тогда, если человекъ вслѣдствіе притупленія, чрезмѣрнаго возбужденія, насыщенія или слабости воли перестаетъ находить удовлетвореніе въ своихъ дѣйствіяхъ и ихъ объективныхъ продуктахъ. Здоровый, «нормальный», свѣжій человекъ работаетъ, дѣйствуетъ ради самого дѣла, которое онъ хочетъ осуществить; онъ хочетъ проявить свои силы, «изжить» себя, при условіи, что неблагоприятныя обстоятельства жизни, лишенія и неудачи не принудятъ его къ чрезмѣрно суровому, не свойственной его природѣ труду. Этимъ объясняется, почему, несмотря на всѣ сопряженныя съ культурною дѣятельностью неудобства и тягости, несмотря на всѣ заминки и нарушенія, вносимыя ею въ спокойное теченіе личнаго житья-бытья, ряды сильныхъ тѣломъ и духомъ людей продолжаютъ шествовать впередъ по разъ избранному пути культуры, не останавливаясь ни передъ какими заботами и муками, горестями и страданіями, при этомъ выпадающими на ихъ долю. Итакъ, человекъ выступаетъ существомъ, завоевывающимъ себѣ культуру.

§ 4. Ростъ и упадокъ культуры. Необходимы благоприятныя условія, дабы могла зародиться культура, необходимы благоприятныя обстоятельства, дабы эта культура могла сохраниться и развернуться.

Если существенными факторами возникновенія всякой культуры являются раса и среда, то, кромѣ этого, должны быть налицо еще другія, нерѣдко довольно сложныя причины, вліяющія на развитіе культурной жизни, дающія ему то или другое направленіе. Эти причины могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ: къ отношеніямъ одного народа къ другимъ народностямъ и къ состоянію культуры народа, которое, будучи само слѣдствіемъ предыдущаго развитія, въ свою очередь, становится причиною новыхъ перемѣнъ. Отношенія къ другимъ народамъ различаются съ точки зрѣнія ихъ дружественнаго или непріязненнаго характера. Исторія неоднократно поучаетъ насъ о томъ, какъ, благодаря покоренію какого-нибудь народа и заселенію его страны побѣдителями, видоизмѣняются двѣ культуры, принимаютъ нѣсколько иное направленіе. Оба народа заимствуютъ другъ у друга кое-что въ отношеніи культуры; ихъ культуры смѣшиваются, но такимъ образомъ, что высшая культура, получая все большее и большее преобладаніе, накопецъ, зачастую пріобрѣтаетъ полное и исключительное господство. Новая жизнь, новая энергія вливаются такимъ путемъ въ культуры, либо уже застывшія, либо, при иныхъ условіяхъ, способныя только къ болѣе медленному развитію. Примѣрами образованія

культуры вслѣдствіе вооруженнаго завоеванія служатъ столкновенія между семитическими вавилонянами и туранскими аккадами, между германцами, римлянами и кельтами. Но еще въ одномъ отношеніи война оказывается факторомъ, содѣйствующимъ культурѣ. Она приводитъ людей извѣстной группы въ соприкосновеніе съ чужими странами и народами, знакомитъ ихъ съ новыми предметами, отношеніями и установленіями, изъ коихъ многое, иногда положительно цѣнное, иногда, однако, и вредное либо само по себѣ, либо въ отношеніи только даннаго народа и его жизненныхъ условій, переносится ими на родину. Подтвержденіемъ такого рода обогащенія культуры могутъ служить крестовые походы. Не трудно, наконецъ, понять, что при всѣхъ потеряхъ матеріальными средствами и жизнями, при общемъ пониженіи умственнаго и духовно-нравственнаго уровня, которое война легко можетъ повлечь за собою, она все-таки можетъ принести и непосредственную пользу культурѣ, независимо отъ отношеній къ чужимъ культурамъ: отмѣтимъ только обусловливаемое ею возрастаніе мужества и энергіи, готовности самопожертвованія и общественной солидарности, интеллигентности и техники; ко всему этому ею предъявляются высокія требованія, побуждающія къ новымъ усиліямъ и изобрѣтеніямъ. Мирное общеніе различнымъ образомъ способствуетъ культурѣ, на примѣръ, благодаря торговымъ сношеніямъ, которыя знакомятъ съ новыми благами и, увеличивая благосостояніе, дѣлаютъ возможнымъ также подъемъ духовной культуры. Культурные успѣхи того или другого народа мирными путями постепенно или быстро распространяются по обширнымъ пространствамъ среди другихъ группъ людей. Дѣло обстояло такъ, вѣроятно, уже съ самыхъ древнихъ временъ; не слѣдуетъ только отстаивать крайняго мнѣнія, будто вся культура первоначально возникла въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, среди одного народа. Ученіе объ «этнографическихъ параллеляхъ» (Тэйлоръ и др.), о «національныхъ идеяхъ» (Ад. Бастіанъ) содержитъ въ себѣ много истиннаго: одинаковыя основныя черты, которыми отмѣченъ «духъ» разныхъ народовъ, большею частью объясняютъ сходства въ главныхъ культурныхъ явленіяхъ у разобщенныхъ другъ отъ друга группъ, какъ, наоборотъ, различія народныхъ типовъ должны породить собою и культурныя противоположности. Сходныя формы религіи, обычаевъ, нравственности, общественной организаціи точно такъ же, какъ произведенія эстетическаго и техническаго творчества, главнымъ образомъ, должны быть отнесены на счетъ отчасти однородности среды, отчасти общихъ наклонностей и инстинктовъ и сродныхъ направленій ума. «Теорія заимствованій», при всѣхъ своихъ преувеличеніяхъ, имѣетъ, въ свою очередь, ту заслугу, что настойчиво обращаетъ вниманіе научной мысли на отношеніе народовъ другъ къ

другу и происходящаго на этой почвѣ между ними взаимодействія. Но мирное общеніе (подобно враждебному) имѣетъ также свои темныя стороны: вредныя установленія, нравы и обычаи часто вносятъ порчу въ родную культуру, рабское подражаніе чужому иногда тормозитъ самостоятельное развитіе собственной культуры.

Культура сама оказываетъ вліяніе на собственное свое развитіе, способствуя послѣднему, а иногда, впрочемъ, и тормозя его. Развивая и укрѣпляя силы и задатки человѣка, она тѣмъ самымъ все болѣе и болѣе расширяетъ кругъ того, что поддается устроению и организаціи. Новые импульсы возникаютъ, духовные горизонты раздвигаются, то, что раньше въ голову не приходило, или что, въ виду отсутствія необходимыхъ техническихъ приспособленій, не могло быть осуществлено, благодаря успѣхамъ въ той или другой области, становится возможнымъ и ведетъ къ неожиданнымъ результатамъ, которые, въ свою очередь, дѣйствуютъ оплодотворяюще на другія сферы культуры, побуждаютъ къ новымъ усиліямъ. Отмѣтимъ плодотворныя взаимныя отношенія, существующія между хозяйствомъ и техникою, между естествознаніемъ и медициною, между медициною и техникою и т. д. Конечно, ростъ культуры не всегда и не вездѣ, во всѣхъ областяхъ, одинаково великъ; многое зависитъ отъ внѣшнихъ условій и отношеній, которыя могутъ благопріятствовать этому процессу, но могутъ также его тормозить. Часто проходитъ много времени, раньше чѣмъ достигаются хотя бы самые незначительные успѣхи, но затѣмъ вдругъ слѣдуетъ толчокъ съ какой-либо стороны культуры, происходитъ то или другое открытіе или изобрѣтеніе, по своимъ послѣдствіямъ напоминающее дѣйствіе взрыва. Вообще въ движеніи культуры наблюдается аналогія съ физическимъ явленіемъ паденія; чѣмъ дольше идетъ движеніе, тѣмъ съ болѣею скоростью оно совершается, почему дозволительно говорить прямо о законѣ кумулятивнаго развитія культуры. Когда время назрѣло, достаточно немногихъ лѣтъ, чтобы сдѣлать шагъ впередъ, превосходящій своимъ значеніемъ усилія цѣлыхъ столѣтій. Фактомъ фундаментальной важности является именно то, что всякій результатъ, всякое созданіе, всякая реализованная цѣль культурнаго развитія можетъ стать и когда-нибудь дѣйствительно становится рычагомъ для новыхъ усилій на почвѣ культурнаго строительства.

Прогрессъ культуры, стало-быть, какъ мы видимъ, зависитъ отъ ряда факторовъ: отъ среды, расы, людскихъ сношеній, отъ хода самого культурнаго развитія, соціальныхъ и политическихъ событій и т. д. Идеальный прогрессъ требуетъ не болѣе и не менѣе, какъ наличность самой благопріятной комбинаціи всѣхъ этихъ факторовъ. Дѣйствительныя замедленія, прекращеніе или даже случаи возвраще-

нiя вспять культурнаго развитiя вытекаютъ изъ временнаго или продолжительнаго бездѣйствiя одного или нѣсколькихъ изъ этихъ факторовъ. Если прiостановка или попятное движенiе не принимаютъ слишкомъ большихъ размѣровъ, если прежде всего раса, народъ какъ и само ядро культуры здоровы, то, при улучшенiи обстоятельствъ или подъ давленiемъ желѣзной необходимости, можетъ наступить новый подъемъ культуры, народы пробуждаются отъ вѣкового сна къ новой, дѣятельной жизни, хотя бы въ рамкахъ тѣсно ограниченной, частной сферы культуры.

Въ попятномъ движенiи и прiостановленiи культуры бываетъ виновенъ недостатокъ указанныхъ нами фактовъ. Обособленность народа, недостаточное общенiе съ другими культурными странами и т. д., вызываютъ при случаѣ застои культуры, содѣйствуютъ ея развитiю въ одностороннемъ направленiи. Отъ односторонности же происходитъ бѣльшая часть урона, который культура испытываетъ отъ самой себя. Если вниманiе творящей культуру воли обращено исключительно на однѣ частныя области, при запущенiи другихъ, то отвѣчающiя послѣднимъ способности, если только онѣ имѣются, должны со временемъ атрофироваться, а отъ этого станутъ обнаруживаться неудобства, такъ какъ односторонне использованная энергiя задерживаетъ подъемъ въ областяхъ, гдѣ она не примѣняется; такъ, на примѣръ, крайняя погоня за улучшенiемъ материальной культуры можетъ не только препятствовать нравственному совершенствованiю, но даже прямо порождать нравственное зло. Односторонность культуры и пренебреженiе важными областями человѣческой жизни можетъ быть, какъ это доказывается судьбою римлянъ, причиною крушенiя громадной культурной державы. Уже вслѣдствiе одной ограниченности человѣческихъ силъ и того общаго психологическаго закона, что только сосредоточенiемъ вниманiя и воли на специальной области возможно осуществить нѣчто дѣльное и полезное, не всѣ стороны жизни могутъ разрабатываться съ равномернымъ успѣхомъ. Мало того, настоящiй прогрессъ въ культурномъ развитiи состоитъ въ томъ, чтобы въ послѣднемъ итогѣ ничего, къ нему относящагося, не подвергалось огульному небреженiю, и чтобы наносимый одностороннею культурою вредъ постоянно возмѣщался новою культурною работою. Дополненiе и уравненiе ради постепеннаго приближенiя къ идеалу культуры, гармоничное претворенiе всѣхъ человѣческихъ силъ въ объективныхъ созданiяхъ— вотъ въ чемъ заключается дѣйствительный масштабъ для опредѣленiя прогресса культуры и высоты ея уровня, но отнюдь не единичные выдающiеся успѣхи на какомъ-нибудь, къ тому же, пожалуй, второстепен-

номъ поприщѣ, не простая «цивилизация» въ смыслѣ одного технического совершенства, какъ самоцѣль, или какъ средство матеріальнаго удовлетворенія, быть-можетъ, только части совокупности; но цивилизація цѣнна какъ средство, ведущее къ цѣли, къ полнотѣ культуры среди возможно большаго числа людей. Только цивилизація, наросты и уклоненія которой постоянно искореняются, которая, возвышая человѣка все болѣе и болѣе надъ его животною природою, не увлекаетъ его, однако, отъ естественнаго въ сторону не- или противоестественнаго вырожденія, только подлинная, а не какая-нибудь лже- или мишурная культура можетъ быть съ полнымъ правомъ противопоставлена какъ истинное благо вождельніямъ хулителей культуры, приверженцевъ «естественнаго состоянія». Только путемъ медленнаго преодоленія чрезмѣрныхъ односторонностей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ большой стремительности и нервности и протекающаго отсюда громаднаго вреда возможно устранить «пресыщеніе» культурой и даже «отвращеніе» къ ней, навѣваемое на многихъ указанными особенностями ея развитія. А истинный прогрессъ, какъ доказывается исторіей, совершается также въ культурѣ, взятой въ ея цѣломъ, но совершается онъ только не вездѣ и не всегда, и не вездѣ и не всегда въ одинаковомъ темпѣ, съ равною интенсивностью и экстенсивностью, не безпрестанно и непрерывно, а зигзагами или спиралями, съ попятными движеніями и пріостановками, съ уклоненіями и извращеніями, со смѣною носителей культуры, расъ и народовъ: послѣдніе приходятъ, преемственно усваиваютъ культуру, творятъ ее и передаютъ затѣмъ дальше; они уходятъ, но культура остается, возрождаясь изъ мрака прошлаго къ новой, пышной жизни.

Психологическій законъ развитія контрастами дѣйствителенъ и для культурнаго развитія. Согласно этому закону «чувства и инстинкты, незначительной сперва интенсивности, постепенно усиливаются, благодаря контрасту съ преобладавшими въ теченіе извѣстнаго времени чувствами противоположнаго свойства, и, одолевъ, наконецъ, господствовавшіе дотолѣ мотивы, сами, на болѣе или продолжительное время, завладѣваютъ исключительнымъ господствомъ. Та же смѣна можетъ затѣмъ совершиться еще разъ или даже нѣсколько разъ. Но при такого рода колебаніяхъ обыкновенно одновременно вступаютъ въ силу принципы духовнаго роста и гетерогоніи цѣлей, такъ что послѣдующія фазы по общему направленію чувствъ будутъ сходны съ предыдущими однородными фазами, существенно различаясь, однако, отъ нихъ въ своихъ отдѣльныхъ составныхъ элементахъ» (Wundt, «Grundriss der Psychologie», стр. 401). Этотъ законъ проявляется въ теченіяхъ литературнаго и художественнаго творче-

ства, въ правилахъ моды, въ соціальныхъ и политическихъ формахъ, въ смѣнѣ предпочтительнаго влеченія къ духовнымъ или матеріальнымъ благамъ, умственнымъ или эмоціональнымъ сторонамъ психической жизни, къ «просвѣщенію» или романтизму, рационализму или мистикѣ, индивидуализму или коллективизму, этической суровости или разслабленности, глубокой религіозности или невѣрію и т. д. Онъ, т.-е. этотъ законъ самъ, такъ сказать, имманентнымъ, внутренне обусловленнымъ. способомъ приводитъ къ тому, что односторонности и крайности въ культурныхъ отношеніяхъ не могутъ удержаться чрезмерно долго, постоянно и необходимо вызывая синтезъ противоположностей, раствореніе ихъ въ высшемъ единствѣ, постепенное, хотя вполне никогда не достигаемое, приближеніе къ идеалу культуры. Съ внесеніемъ новыхъ культурныхъ цѣнностей въ наличную сокровищницу сопряженъ ростъ культурной энергіи, благодаря которому творческій синтезъ человѣческаго духа проявляется на все болѣе и болѣе высокихъ ступеняхъ.

§ 5. Духовные факторы культуры. Культура какъ таковая является непосредственнымъ созданіемъ духовнаго творчества, несмотря на то, что она проявляется лишь чрезъ посредство тѣлесной дѣятельности и заключена въ рамки внѣшняго физическаго міра. Въ созиданіи культуры участвуютъ духовные факторы, духовные въ двоякомъ смыслѣ, разумѣя подъ этимъ, съ одной стороны, всякую душевную, психическую, внутренне живую дѣятельность вообще, а съ другой — спеціально дѣятельность интеллектуальную, умственно-разсудочную, творчески-изобрѣтательную. Правда, душа, сознание не состоитъ изъ обособленныхъ частей или «потенцій», а представляетъ собою въ дѣйствительности только единую и цѣльную духовную силу. Эта сила, однако, проявляетъ себя въ различныхъ направленіяхъ и, анализируя ее, можно подмѣтить множество сторонъ, моментовъ и теченій психической жизни. Поскольку сознание ощущаетъ, воспринимаетъ, апперцепируетъ и мыслить, оно называется интеллектомъ (въ самомъ широкомъ смыслѣ); поскольку оно обнаруживаетъ удовольствіе и неудовольствіе, аффекты и страсти (эмоціи), оно называется чувствомъ; поскольку оно добивается измѣненій какъ своего собственнаго состоянія, такъ и всего окружающаго, оно выступаетъ какъ воля (въ самомъ широкомъ смыслѣ, включая инстинкты). Сознание, полное и цѣльное, есть въ то же время всегда и воля, но не абстрактная, лишенная содержанія воля, а хотѣніе, заключающее въ себѣ постоянно, въ той или другой формѣ, чувство и интеллектъ. Оставляя въ сторонѣ чисто-«рефлекторныя» движенія, всѣ дѣйствія человѣка (простыя или сложныя, инстинктивныя или обдуманно-произвольныя) являются

актами волевыми. Воля и есть непосредственно активное и дѣятельное начало въ человѣкѣ, его сила въ подлинномъ смыслѣ.

Итакъ, всѣ моменты сознанія являются факторами возникновенія и развитія культуры. Состоянія удовольствія или неудовольствія, другими словами, чувства, тревожатъ покой человѣка и изъ показателей его потребностей превращаются въ побудительныя причины его дѣйствій, которыя, часто только послѣ длиннаго ряда попытокъ, приводятъ къ удовлетворенію этихъ потребностей. Первые начатки культуры восходятъ къ ощущеніямъ, какъ голодъ, жажда, жара, холодъ, половое влеченіе. Къ этому присоединяются чувства, связанныя съ тѣми или другими представленіями и мыслями: чувства страха, опасности, любопытства, всѣ эстетическія, соціальныя, этическія, религіозныя чувства, коренящіяся въ природѣ человѣческаго духа. Ради удовлетворенія этихъ чувствъ, человѣкъ создаетъ себѣ второй міръ, міръ новыхъ порядковъ, представленій, образовъ и понятій, отвѣчающій его чувствамъ и потребностямъ въ бѣльшей мѣрѣ, чѣмъ это въ состояніи сдѣлать природа. И этотъ новый вторичный міръ, созданіе человѣческаго труда, вызываетъ новыя чувства, видоизмѣняетъ прежнія, искореняетъ устарѣлыя и непригодныя больше тенденціи и подымаетъ на дальнѣйшія усилія въ прогрессивномъ духѣ. При отсутствіи чувствъ, человѣкъ никогда не имѣлъ бы повода къ какимъ-нибудь самомалѣйшимъ измѣненіямъ въ самомъ себѣ и въ окружающей его обстановкѣ, и даже при условіи надѣленія человѣка чрезвычайно высокимъ разумѣніемъ во вѣки не состоялась бы никакая культура. Въ противоположность одностороннему «интеллектуализму» или «раціонализму» слѣдуетъ поэтому подчеркнуть неизмѣримо важное значеніе, которое имѣетъ чувство и настроеніе для психической, культурной жизни, а также указать на тотъ вредъ, который причиняется ей, если эмоціональная сторона человѣческаго сознанія подавляется или задерживается въ своемъ развитіи и, стало-быть, оскудѣваетъ. Не слѣдуетъ, конечно, увлекаться и противоположною крайностью искусственнаго прививанія безмѣрной чувствительности, мягкосердаго погруженія въ неиспыхаемыя горести и радости, сентиментализма и т. п., ибо такимъ образомъ затемняется ясное и хладнокровное благоразуміе, и подтачивается энергія. Итакъ, никакая односторонняя интеллектуальная или эмоціональная культура не можетъ способствовать культурному идеалу, заключающемуся именно въ гармонической полнотѣ человѣческой дѣятельности.

Чувства разряжаются въ волевые акты двойкой формы: внутренней волевой дѣятельности, т.-е. мышленія, и внѣшнихъ дѣйствій въ смыслѣ физическаго вмѣшательства въ отношенія внѣшняго міра. Возбуждаемое чувствами и инстинктами мышленіе въ теченіе

тысячелѣтій создало духовный міръ. Но культурная работа начинается не съ абстрактнаго, обобщающаго мышленія. Ему предшествуетъ первичная, даже примитивная, совершенно конкретная мысль, исходящая отъ отдѣльныхъ, частныхъ предметовъ, и отъ нихъ распространяющаяся на небольшой кругъ такихъ же частныхъ и отдѣльныхъ явленій; сильно завися отъ преходящихъ импульсовъ и «случайныхъ» ассоціацій, оно въ большой мѣрѣ питается воображеніемъ. Мысль такого характера создаетъ духовный міръ міеологіи и религіи, развиваетъ языкъ, являющійся какъ бы осадкомъ постоянно смѣняющихся системъ міросозерцанія и жизнепониманія, и творчески проявляетъ себя въ нравахъ и обычаяхъ, морали, общественной жизни, хозяйства и техники, военныхъ дѣйствій и т. д. Только постепенно человекъ достигаетъ ступени абстрактнаго мышленія, планомѣрнаго, обдуманнаго и сознательнаго, — открывающаго законы, проникающаго въ сущность вещей и ведущаго далеко за предѣлы обиходныхъ житейскихъ заботъ въ сферу научнаго познанія и философско-спекулятивныхъ построений. Мысль отправляется отъ практической жизни; созрѣвъ и вставъ на собственные ноги, она, въ свою очередь, стремится сознательно вліять на самую жизнь, руководя, такимъ образомъ, начавшейся уже на болѣе низкихъ ступеняхъ ея состоянія культурной эволюціей.

Мы теперь обратимся къ выясненію значенія, присущаго идеямъ въ ходѣ исторической жизни, въ процессѣ развитія культурной работы. Въ противовѣсъ всѣмъ крайне матеріалистическимъ или натуралистическимъ концепціямъ исторіи, отмѣтимъ первымъ долгомъ, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вліяніе физическихъ условій на исторію налицо, послѣднія могутъ оказать свое вліяніе не иначе, какъ чрезъ посредство человѣческой психики, сознанія человека. На почвѣ тѣхъ или другихъ влеченій и чувствъ въ сознаніи возникаютъ представленія и мысли, среди многообразія которыхъ выдѣляется рядъ типическихъ содержаній, стремящихся къ осуществленію и постепенно дѣйствительно переходящихъ въ жизнь. Въ какой бы формѣ, однако, эти общія содержанія ни выступали — тусклыхъ представленій или ясно очерченныхъ понятій, — они всегда будутъ силами духовными, идеями. Но эти идеи не самостоятельныя, существующія въ себѣ метафизическія сущности и не чисто-логическіе продукты человѣческаго ума; онѣ всегда выступаютъ какъ идеи-силы (*idées-forces*: A. Fouillée), т.-е. являются содержаніями воли, типическими направленіями волевыхъ тенденцій, и только какъ таковыя онѣ дѣйственны. Онѣ все въ болѣе мѣрѣ и все съ болѣею сознательностью наставятъ творческими факторами культуры. Онѣ возбуждаютъ

развитіе, распространяются во времени и въ пространствѣ, соперничаютъ между собою изъ-за власти, подчиняютъ своимъ цѣлямъ энергію дѣйствія. Всякая идея стремится какъ бы изжитъ, достигнуть своей высшей точки вліянія, уступая мѣсто другимъ идеямъ лишь послѣ того, какъ ея время миновало; если она еще не вывѣтрилась, она въ послѣдствіи можетъ снова войти въ силу и одерживать побѣды. Идеи комбинируются между собою самымъ различнымъ образомъ, вліяютъ другъ на друга, но такъ, что, смотря по обстоятельствамъ и фазамъ развитія, руководящее значеніе принадлежитъ идеямъ опредѣленнаго порядка (религіознымъ, хозяйственнымъ и т. д.). Громадное значеніе имѣютъ прежде всего р е л и г і о з н ы я идеи, различныя системы міросозерцанія и жизнепониманія; оно сказывается въ наукѣ и искусствѣ, въ экономической, моральной и соціальной жизни, призывая къ активному участию или воздержанію, опредѣляя выборъ и оцѣнку. Это въ особенности справедливо въ отношеніи древнѣйшихъ фазисовъ культурнаго развитія. Хотя религіозное и философское міросозерцаніе сохраняетъ большую долю своего вліянія и въ послѣдствіи. Но всѣ эти идеи—только разновидности одной и той же основной идеи культуры. Правда, сознательнымъ идеаломъ она становится лишь на сравнительно высокой ступени исторической жизни, хотя и тамъ, положимъ, остается доступною лишь меньшинству людей, но дѣйствительна она все-таки съ самаго начала исторіи. Какъ общая, «основная воля», она побуждаетъ къ развитію всѣхъ способностей чело-вѣческаго духа, ко всевозможнымъ изобрѣтеніямъ и открытіямъ. Немаловажную роль при этомъ играетъ «случай», но очень часто навстрѣчу ему идетъ извѣстнаго рода чутье и — что, пожалуй, еще важнѣе — способность разобратъ въ данныхъ обстоятельствахъ, ихъ понять и использовать. Не мало имѣется также примѣровъ того, когда отъ простаго «случая» зависитъ дать толчокъ къ новымъ, совершенно непредвидѣннымъ теченіямъ культуры. Поэтому совмѣстное дѣйствіе случая и планоустройной дѣятельности—фактъ, къ которому слѣдуетъ отнести съ надлежащимъ вниманіемъ. Послѣдней, подготавливая ее и указывая ей путь, нерѣдко предшествуетъ тоже игра, которая порождаетъ массу прямыхъ и косвенныхъ послѣдствій, могущихъ также стать объектомъ серьезнаго, сознательнаго труда. Разумѣется, мышленіе въ формѣ планоустройно-разумной дѣятельности проявляется не во всѣхъ областяхъ культуры въ одинаковой мѣрѣ, его сфера господства прежде всего обнимаетъ науку и технику. Но отсюда въ различныхъ направленіяхъ расходятся лучи духовнаго вліянія, въ корнѣ преобразовывающіе культурную жизнь во всей ея

совокупности. Изъ небольшихъ областей то медленнѣе, то быстрѣе распространяются тѣ или другія мысли; путемъ общенія, воспитанія и просвѣщенія онѣ протекаютъ въ самые широкіе круги, включаются въ составъ духовной жизни и проявляются затѣмъ какъ въ послѣдовательныхъ измѣненіяхъ міросозерцанія и жизнепониманія, такъ точно и въ объективныхъ дѣйствіяхъ и учрежденіяхъ. Итакъ, теорія и практика всегда находятся между собою въ самой тѣсной связи, хотя фактъ этотъ часто остается за порогомъ сознанія: мысли становятся мотивами дѣйствій, результаты коихъ, возбуждая новыя мысли, содѣйствуютъ росту духовной энергіи и дѣлаютъ возможнымъ синтезы достоянія нашего сознанія въ все болѣе и болѣе широкія понятія и ряды идей. Вначалѣ чисто-импульсивная, инстинктивная, возбуждаемая представленіями съ эмоціональною основою, воля затѣмъ становится разумною, направляемою мыслями и ставящею себѣ цѣли, сознательнымъ реализаторомъ тѣхъ или другихъ идей. При этомъ предполагается наличность сильной воли, обладающей достаточною энергіею, чтобы принять на себя какія угодно тягости и жертвы, и настойчивостью, дѣлающею ее способною неослабно добиваться осуществленія задуманнаго. Такое соотвѣтствіе между интеллектуальнымъ прогрессомъ и мощностью «доброй воли» является однимъ изъ главныхъ условій осуществленія культуры. Къ сожалѣнію, знаніе того, что слѣдуетъ почитать истиннымъ и благимъ, часто опережаетъ собою активную волю, такъ что, несмотря на прекрасное разумѣніе, продолжается масса зла и некультурности. Только съ ростомъ волевой энергіи въ смыслѣ интенсивности и съ ея экстенсивнымъ распространеніемъ подвигается впередъ дѣло осуществленія того, что уже въ болѣе раннія времена мысленно было предвосхищено небольшимъ кругомъ людей.

§ 6. Дарвинизмъ и культура. При томъ значеніи, которое имѣетъ эволюціонная теорія, всѣмъ извѣстная подъ названіемъ дарвинизма, общее введеніе въ исторію культуры, преслѣдующее своею задачею выясненіе главныхъ и основныхъ понятій ея, не можетъ не опредѣлить своего отношенія къ указанной теоріи. Здѣсь идетъ рѣчь о томъ, играютъ ли факторы развитія природы, какъ борьба за существованіе, отборъ, приспособленіе, измѣняемость, наследственность, извѣстную роль также въ культурной эволюціи? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить утвердительно, но съ оговоркою. При ближайшемъ разсмотрѣніи уже біологическаго развитія оказывается, что проповѣдуемая крайними дарвинистами теорія отбора не состоятельна для объясненія фактовъ развитія. «Естественный отборъ» несомнѣнно дѣйствуетъ, но онъ не есть

первичный факторъ развитія, онъ не можетъ создать цѣлесообразности, его дѣйствія имѣютъ только р е г у л и р у ю щ е е з н а ч е н і е. Онъ является только выраженіемъ того, что въ состязаніи за условія существованія болѣе живучее, лучше приспособленное легче выживаетъ, нежели нецѣлесообразное. Измѣняемость видовъ въ сущности основывается не на отборѣ, а на приспособленіи къ в н ѣ ш н и м ѣ у с л о в і я м ѣ. Это приспособленіе двоякое: «пассивное и активное». О п а с с и в н о м ѣ приспособленіи идетъ рѣчь во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда внѣшняя среда физико-химическимъ образомъ непосредственно дѣйствуетъ на организмы и ихъ постепенно видоизмѣняетъ въ угодномъ ей смыслѣ, напримѣръ, въ отношеніи цвѣта кожи. Къ этого рода приспособленію присоединяется, однако, какъ въ высшей степени важный факторъ, приспособленіе а к т и в н о е или «функциональное», которое заключается въ упражненіи органовъ въ смыслѣ ихъ согласованія съ особенностями окружающей среды. Это у п р а ж н е н і е есть явленіе психо-физическое; оно обусловлено всякаго рода жизненными потребностями и инстинктами, на высшихъ ступеняхъ также сознательными волевыми актами и планомѣрною дѣятельностью. Косвенное приспособленіе путемъ отбора дополняетъ собою процессъ развитія, вызваннаго тѣми или другими формами непосредственнаго приспособленія, а наследственность укрѣпляетъ вкоренившіяся измѣненія, ставшія органическими благодаря «упражненію» цѣлыхъ поколѣній. Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ в н ѣ ш н и м и и в н у т р е н н и м и с и л а м и; на постоянномъ дѣйствіи и взаимодействіи ихъ покоится все развитіе органическихъ формъ въ направленіи прогресса, совершенствованія, или же регресса, упадка, вырожденія.

Благодаря этой поправкѣ, вносимой въ «дарвинизмъ» въ духѣ «ламаркизма», развитіе природы утрачиваетъ присущій ему въ общемъ механически-случайный, внѣшній и слѣпой характеръ. Оказывается, что въ духовномъ развитіи наблюдаются аналогіи съ внѣшней природою, такъ какъ уже въ послѣдней дѣйствуютъ психическія силы. Но духовная эволюція представляется намъ въ двоякомъ смыслѣ иной, чѣмъ біологическая. Во-первыхъ, въ первомъ случаѣ мы находимся какъ бы внутри, въ центрѣ совершающагося процесса, испытываемъ силы и побужденія развитія непосредственно въ самихъ насъ и въ соціально-исторической жизни, тогда какъ природа намъ дана только съ внѣшней стороны. Во-вторыхъ, въ процессѣ духовнаго развитія психическія силы, непосредственное вмѣшательство и творчество не только играютъ б о л ь ш у ю р о л ь, чѣмъ въ природѣ, но въ немъ выступаютъ, взамѣнъ исключительно инстинктивнаго реагированія, еще н о в ы е духовные факторы, дающіе

мѣсто уже планомѣрнымъ волевымъ дѣйствіямъ, благодаря которымъ человѣкъ въ состояніи приспособлять не только себя къ средѣ, но и внѣшнюю среду къ своимъ цѣлямъ.

Претвореніе природы, согласно волѣ человѣка, составляетъ, какъ намъ извѣстно, культурную дѣятельность. Благодаря ей, человѣкъ вышшеается надъ (прежней) природой, какъ бы уклоняется въ извѣстномъ смыслѣ отъ закономерности, дѣйствующей въ (остальной) природѣ, т.-е. вступаетъ въ силу закономерность высшаго порядка или, выражаясь иначе, новая форма всеобщей закономерности развитія. Правда, естественный отборъ все еще дѣйствуетъ, полная эмансипація человѣка отъ окружающей естественной среды невозможна, пассивное и активное приспособленіе не исчезаетъ. Но располагаемая человекомъ духовныя силы, которыя впервые пробудились и сложились въ немъ въ борьбѣ съ природою и благодаря природѣ, и которыя вслѣдствіе постояннаго упражненія все болѣе и болѣе возросли, эти силы освободили человѣка отъ тиранніи внѣшней среды; онѣ, по крайней мѣрѣ, ослабили въ значительной степени ея власть надъ человекомъ. Культурный человѣкъ ни тѣлесно, ни духовно не припужденъ отдавать себя въ распоряженіе постоянныхъ и измѣнчивыхъ отношеній среды, сообразоваться съ ними; наоборотъ, онъ устраиваетъ отношенія такими, чтобы онъ могъ жить въ нихъ, не отказываясь отъ своихъ потребностей и цѣлей. Природа въ человѣкѣ и внѣ его, физическое и животное начала, должны приспособляться къ духу, должны слѣдовать движенію идей. Борьба за существованіе еще господствуетъ между людьми, и она не скоро прекратится. Но въ то время какъ борьба въ природѣ происходитъ съ желѣзной необходимостью и беспощадной жестокостью, она, благодаря культурѣ, постепенно должна подчиниться идейной силѣ, идеямъ справедливости, нравственности и гуманности. Идея культуры властно настаиваетъ на томъ, чтобы борьба за жизненные условія по возможности смягчалась, чтобы она принимала болѣе мирныя формы. Эта идея сперва овладѣваетъ только небольшимъ кружкомъ; по этотъ кружокъ непрерывно разрастается, и, можетъ-быть, недалеко то время, когда все человѣчество будетъ объединено въ одно великое культурное общество, внутри котораго прекратится и можетъ прекратиться всякая насильственная борьба за существованіе именно потому, что культурою будутъ завоеваны средства для пріостановленія этой борьбы.

Но это, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, отнюдь не равносильно непремѣнному ослабленію и вырожденію человѣческаго рода. Наоборотъ, всѣ тѣ силы, которыя до того истреблялись въ насильственной и несправедливой борьбѣ за существованіе, теперь освобождаются для истинно-культурной работы. И мы дѣйствительно видимъ, какъ

факторы развитія, конкуренція, отборъ, приспособленіе, въ культурѣ и ея созданіяхъ получаютъ плодотворныя примѣненія. Въ соревнованіи идей, цѣлей и средствъ, въ концѣ концовъ, торжество остается все-таки за лучшими въ смыслѣ бѣльшей цѣлесообразности, и то же самое наблюдается въ отношеніи культурныхъ дѣяній и продуктовъ во всѣхъ областяхъ жизни. Мирное состязаніе между ними все болѣе и болѣе повышаетъ уровень совершенства и полезности достигаемыхъ результатовъ, тогда какъ менѣе цѣнное погибаетъ, и притомъ не вслѣдствіе механическаго отбора природы, а въ силу основаннаго на потребностяхъ отбора и выбора болѣе пригоднаго въ такомъ именно направленіи, что хорошее постоянно замѣняется лучшимъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ естественнымъ отборомъ начинается отборъ культурный; онъ видоизмѣняетъ какъ внѣшнюю природу и ея мертвые и живые продукты, такъ и весь духовно-нравственный обликъ самого человѣка, его свойства, привычки и всякаго рода тенденціи, а также, наконецъ, создаваемые человѣкомъ установленія и порядки. Этотъ культурный отборъ первоначально дѣйствуетъ еще сильно въ направленіи отбора естественнаго, но съ тенденціею къ все бѣльшему смягченію и предупрежденію его рѣзкостей. Благодаря выработаннымъ имъ средствамъ, онъ дѣлаетъ возможнымъ не только сохранять слабосильныхъ людей, но—что гораздо важнѣе—укрѣплять неустойчивыхъ и ограничивать необходимость и возможность ихъ появленія. Приспосабливая природу къ себѣ, человѣкъ волей-неволей, поскольку онъ существо естественное, долженъ все болѣе и болѣе приспособлять и самого себя къ культурной идеѣ, ведущей его вверхъ по ступенямъ духовнаго развитія.

Взаимное приспособленіе отдѣльныхъ сторонъ культуры имѣетъ также громадное значеніе для ея развитія. Какъ единство организма требуетъ извѣстнаго «соотношенія» отдѣльныхъ его органовъ, такъ единство духовной жизни предполагаетъ постоянное согласованіе духовныхъ органовъ, созданій и функцій. Пере-мѣны въ одной области культуры, рано или поздно, влекутъ за собою болѣе или менѣе значительныя измѣненія въ другихъ областяхъ, каковымъ образомъ и совершается приспособленіе отдѣльныхъ сторонъ культуры другъ къ другу. Такъ, правовыя и соціальныя установленія должны постепенно приспособляться къ измѣнившимся экономическимъ отношеніямъ, и, наоборотъ, новый правовой и общественный строй вліяетъ на бытъ хозяйственный. Не слѣдуетъ только пытаться одну какую-нибудь область культуры выставить единственною «причиною» всѣхъ перемѣнъ, происходящихъ въ другихъ областяхъ, какъ это дѣлаетъ такъ называемая матеріалистическая концепція исторіи въ

отношеніи хозяйства. Въ дѣйствительности, каждая область культуры имѣетъ свою собственную, имманентную законмѣрность, коренящуюся въ особаго рода потребностяхъ, въ специфическихъ мотивахъ дѣятельности и мышленія. Приспособленіе отдѣльныхъ сторонъ культуры другъ къ другу означаетъ только вліяніе одной стороны на другую, благодаря чему первоначальное направленіе ихъ развитія измѣняется, причѣмъ тенденція къ установленію извѣстнаго единообразнаго общаго состоянія является общею причиною и подлиннымъ основаніемъ происшедшаго измѣненія развитія.

Біологической наслѣдственности и ея дѣйствіямъ въ области культуры отвѣчаетъ традиція (устная, письменная и печатная, или въ видѣ другихъ, вещественныхъ памятниковъ), дѣйствующая путемъ воспитанія и обученія, частнаго и общественаго, путемъ подражанія унаслѣдованному отъ предковъ, путемъ планомернаго охраненія старыхъ нравовъ, обычаевъ и учреждений. Пріобрѣтенія многихъ поколѣній передаются потомству, невидимая цѣпь связываетъ прошлое съ настоящимъ, старина живетъ въ новизнѣ, или переходитъ въ нее же, гдѣ не можетъ удержаться въ прежней своей формѣ. Преемственность духовнаго развитія, сліяніе цѣлаго ряда отдѣльныхъ моментовъ, импульсовъ и слѣдствій въ крупные результаты, является культурнымъ факторомъ громадной важности. Всякое нарушеніе этой преемственности въ народной жизни задерживаетъ прогрессъ, принуждаетъ начинать сызнова, и много времени уходитъ, пока завоевываються вновь пріобрѣтенія давно минувшихъ временъ. Но, несмотря на всѣ нарушенія и пробѣлы, дѣйствіе начала преемственности никогда вполне не прекращается, кое-какіе слѣды и нити всегда остаются, съ помощью которыхъ удается заполнять пропасты въ исторіи, какъ бы онѣ велики ни были. Въ великомъ дѣлѣ созданія культуры, которое никогда не можетъ быть закончено и всегда движется по направленію къ идеалу, сотрудиачаютъ народы, давно завершившіе свое земное существованіе, но все же жившіе не напрасно. Въ эпохи такъ называемыхъ ренессансовъ крупнаго масштаба, а также менѣе шумнымъ и замѣтнымъ образомъ бывшее снова входитъ въ силу, если и потому, что оно отвѣчаетъ потребностямъ лучше существующаго, или потому, что оно его дополняетъ, или, наконецъ, въ виду того, что оно служитъ промежуточнымъ фазисомъ развитія по направленію къ новому. «Возвращеніе старины» не есть абсолютное возрожденіе. Старина такъ или иначе принуждена приспособиться къ современнымъ условіямъ; она подвергается преобразованію, которое въ сущности только и дѣлаетъ ее пригодной къ дальнѣйшему существованію.

Какъ біологическая, такъ и культурная наследственность дѣйствуетъ охранительно, консервативнымъ образомъ. Она укрѣпляетъ завоеванное въ теченіе вѣковъ и дѣлаетъ это тѣмъ прочнѣе, чѣмъ больше эти завоеванія имѣли силу и времени войти въ плоть и кровь народнаго духа, и чѣмъ болѣе они органически связаны съ его стремленіями и запросами. Давнишнія привычки и старинное наслѣдіе, взлелѣянное и созданное предками, становится дорогимъ и цѣннымъ и для потомства, приспособленіе къ существующему, привычному и извѣданному предохраняетъ это достояніе отъ гибели, а благоговѣніе передъ предками, поддерживаемое религіею, еще искреннѣе привязываетъ къ нему. Такимъ образомъ, сохраняются элементы культуры еще во времена, когда они въ сущности являются уже устарѣлыми, отчасти въ видѣ безобидныхъ «пережитковъ» (survival) прежнихъ нравовъ и обычаевъ, отчасти же какъ задерживающій или прямо опасный тормозъ для развитія; то, что нѣкогда было благомъ, теперь становится мукою или, по крайней мѣрѣ, тягостью. Такимъ образомъ, противъ разлагающейся старины въ культурѣ борется тенденція къ цѣлесообразному, къ повторному приспособленію отношеній къ вновь нарождающимся потребностямъ. Эта тенденція поддерживается стремленіемъ личностей болѣе или менѣе индивидуалистическаго склада души, по крайней мѣрѣ, въ небольшомъ числѣ всегда имѣющихся налицо, къ новшествамъ, къ переменамъ вообще, — стремленіемъ, которое имѣетъ своимъ источникомъ пресыщеніе старымъ или притупленіе къ нему, причемъ вступаетъ въ силу вышеуказанный законъ «развитія контрастами».

§ 7. Раса и среда. Если мы хотимъ уяснить себѣ истинное значеніе того, что охватывается понятіями «расы и среды», то мы должны остерегаться преувеличеній и односторонностей, часто встрѣчаемыхъ въ толкованіяхъ этихъ понятій. Иногда думаютъ приписать естественной средѣ единственное участіе въ опредѣленіи свойствъ и интенсивности культурнаго процесса, иногда же при оцѣнкѣ культуры все ставится въ исключительную зависимость отъ расы. Свойство расъ, смѣшеніе расъ, борьба расъ и пр., — вотъ къ какимъ основаніямъ почти цѣликомъ сводятся существованіе, прогрессъ и упадокъ культуры. «Расовая точка зрѣнія», какъ односторонняя она бы ни была, заключаетъ въ себѣ извѣстную пользу, какъ реакція противъ натурализма въ исторіи, который хочетъ все объяснить изъ внѣшней среды, внѣшнихъ, физическихъ условій жизни. Но до сихъ поръ еще не удалось найти твердаго опредѣленія понятія о расѣ; раса понимается то въ болѣе узкомъ, антропологическомъ смыслѣ, то опять, смотря по обстоятельствамъ, въ смыслѣ этнической группы или національности.

Дѣйствительно, пригодно ли вообще понятіе расы для исторіи человѣка, это, во всякомъ случаѣ, еще вопросъ спорный. Безъ сомнѣнія, нужно пользоваться имъ съ осторожностью. Прежде всего слѣдуетъ различать между расою въ первичномъ и расою во вторичномъ смыслѣ. Первичными или прарасами можно назвать тѣ разновидности человѣческаго рода, которыя, если только («моногоенетическая») теорія единого происхожденія человѣчества вѣрна, дифференцировались изъ зоологическаго вида «человѣкъ». Эти гипотетическія прарасы постепенно развились въ вторичныя, третичныя и т. д. расы отчасти чрезъ приспособленіе къ средѣ (чистыя расы), отчасти путемъ скрещеній. Не будемъ тутъ обсуждать вопроса, поскольку среди «дикихъ народовъ» находятся чистыя расы; что нынѣшнія культурныя расы являются не расами чистыми, а смѣшеніями расъ, расами смѣшанными, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. И относительно предковъ этихъ расъ въ историческія и до-историческія времена, будутъ ли онѣ называться «арійцами», «сеμίтами», «гами-тами» и т. д., мы можемъ, съ большимъ вѣроятіемъ, предположить, что они были не первичными, а уже дифференцированными расами, не считая несомнѣнныхъ смѣшеній этихъ группъ народовъ съ другими расами въ болѣе позднія историческія времена.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что свойства, присущія опредѣленнымъ группамъ народовъ, образуютъ составъ такихъ признаковъ, которые сложились путемъ приспособленія къ средѣ, историческаго развитія и смѣшенія расъ, такъ что признаки отдѣльной расы, или первичной расы, скрыты и только мѣстами, гипотетически, могутъ быть представлены, какъ (относительно) коренныя свойства первичной расы. Это именно такія свойства, которыя принадлежатъ сообща множеству человѣческихъ группъ какъ предрасположенія (Dispositionen) и притомъ относятся къ сферѣ не столько тѣлесныхъ, сколько духовныхъ признаковъ, ибо первые недостаточны для яснаго разслоенія группъ, составляющихъ одно генетическое цѣлое. Но духовныя свойства и предрасположенія, образующія расу, «расовую душу», въ отдѣльности тоже не могутъ опредѣлить типа; это можетъ сдѣлать до нѣкоторой степени только извѣстная комбинація ихъ, встрѣчаемая какъ среднее явленіе. Но тутъ же слѣдуетъ подчеркнуть, что «расовая душа» столь же мало, какъ душа индивидуальная, представляетъ собой нѣчто постоянное и устойчивое; одна, какъ и другая, подлежитъ непрерывному, хотя и медленному, превращенію, и расовая душа измѣняется въ теченіе времени въ качественномъ отношеніи и въ интенсивно-экстенсивномъ направленіи, т.-е. она принимаетъ одни качества вновь, другія же теряетъ, усиливаетъ или осла-

б л я е т ь. Итакъ, расовая душа есть всегда только организованная извѣстнымъ образомъ душа какъ среднее за опредѣленный промежутокъ времени. При этомъ, конечно, надо различать между у с т о й ч и в ы м ь я д р о м ь и текучею, болѣе подвижною периферіею.

Измѣненіе расовой души, расы, слѣдуетъ прежде всего приписать косвеннымъ и непосредственнымъ воздѣйствіямъ среды, естественныхъ условій жизни. Сложившаяся въ «прасредѣ» «пра-раса», оказавшись въ новой, отличной отъ первой, обстановкѣ, должна тѣмъ сильнѣе измѣниться, чѣмъ больше новая среда отличается отъ старой. Если раса осѣдаетъ рано и безсмѣнно остается въ одной средѣ, то она принимаетъ свойства, удерживаемыя ею, съ болѣею настойчивостью, тогда какъ расы, неоднократно п е р е с е л я в ш і я с я, не такъ легко переходятъ въ состояніе устойчивости и застываютъ. Такимъ образомъ, по степени приспособляемости можно различать расы устойчивыя и неустойчивыя. Кромѣ среды, въ установленіи этого различія, имѣющаго большую культурную важность, участвуютъ также историческія судьбы, переживаемыя отдѣльными расами и націями. Въ то время какъ та или другая группа со временемъ приспособилась столь прочно, что она вовсе не можетъ участвовать въ культурномъ прогрессѣ (даже поскольку онъ является таковымъ для данной группы), или, если можетъ, то лишь съ большимъ трудомъ и очень медленно, другія группы умѣютъ быстро и удачно сживаться съ новыми обстоятельствами. Существуютъ далѣе расы болѣе сильныя и болѣе слабыя въ отношеніи культуры, т.-е. такія, которыя вообще создаютъ культуру (культурныя расы), и такія, которыя не идутъ дальше первыхъ начатковъ культуры или по собственному почину не могутъ такъ далеко идти впередъ, какъ другія (дикие народы). Какъ раса приспособляется къ естественной средѣ, такъ болѣе слабая въ отношеніи культуры раса можетъ приспособиться къ расѣ болѣе сильной, путемъ смѣшенія расъ, причемъ болѣе сильная можетъ кое-что перенять отъ болѣе слабой, хотя бы просто вслѣдствіе совмѣстной жизни и взаимнаго общенія, отчего вообще въ духовномъ (и даже тѣлесномъ) отношеніи во многомъ постепенно сближаются другъ съ другомъ родственныя между собой расы или группы одной, предположимъ, кавказской расы. Итакъ, «раса» можетъ принимать особенности другихъ расъ или подъ вліяніемъ ихъ видоизмѣняется. Стало-быть, общедѣйствительнымъ является слѣдующее положеніе: въ однородной средѣ, при однородныхъ условіяхъ жизни разныя расы становятся сходными между собою, и группы одинаковой расы разнообразятся въ различной средѣ всякаго рода. При этомъ слѣдуетъ, конечно, принять во вниманіе д л и е л ь н о с т ь приспособленія.

Подъ «расою» мы, стало-быть, разумѣемъ (относительно) «длительный типъ», пріобрѣтшій постепенно свои основныя качества и болѣе или менѣе удерживающій ихъ, но все-таки не представляющій собою нѣчто абсолютно неподвижное, а, хотя и въ разной степени, обладающій способностью къ дальнѣйшему приспособленію и развитію. Пріобрѣтенные расою въ «первичной средѣ» задатки оказываютъ вліяніе на дальнѣйшія судьбы принадлежащихъ къ ней группъ, на ряду съ новой естественной средой, въ которой этимъ группамъ приходится жить. Путемъ смѣшенія съ другими расами возникаютъ разные комбинированныя типы, которые со временемъ все въ ббольшей и ббольшей степени принимаютъ однородный характеръ (нація), причемъ отдѣльные элементы смѣшенія постоянно снова даютъ себя чувствовать. Смотря по характеру смѣшенія расъ, могутъ преобладать благопріятныя или вредныя результаты; но въ общемъ смѣшеніе не слишкомъ далекихъ другъ отъ друга (вторичныхъ) расъ отнюдь не приноситъ вреда, а скорѣе сообщаетъ культурной жизни ббольшее разнообразіе содержанія и импульсовъ.

Среда, окружающая природа, не можетъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, рассматриваться какъ «причина» культурнаго развитія. Во-первыхъ, въ духовномъ прогрессѣ всегда принимаетъ участіе цѣлый комплексъ факторовъ. Во-вторыхъ, физическая среда сама по себѣ, непосредственно, можетъ только служить внѣшнимъ толчкомъ, поводомъ къ созданію культуры, настоящіе стимулы къ которой заключаются въ самомъ существѣ человѣка и только изъ него и состоянія его сознанія могутъ быть объяснены. Естественная среда: географическое положеніе, климатъ, устройство почвы, растительность и фауна непосредственно и физически оказываютъ разнообразное вліяніе на человѣка. Цвѣтъ кожи, строеніе тѣла, степень и быстрота тѣлеснаго развитія, мускульная сила и т. д. находятся подъ вліяніемъ естественныхъ факторовъ, причемъ естественный отборъ тоже играетъ извѣстную роль. Характеръ и количество пищи, на примѣръ, вліяютъ на тѣлесно-душевный складъ человѣка; въ горныхъ странахъ часто обитаетъ иное населеніе, чѣмъ въ равнинахъ, и т. д. Косвенно среда воздѣйствуетъ путемъ реакцій, вызываемыхъ ею въ человѣкѣ, такъ какъ она то принуждаетъ его къ энергичному труду, къ попенію о будущемъ, если онъ не желаетъ погибнуть (умѣренный поясъ), то приводитъ къ ослабленію энергіи вслѣдствіе чрезмѣрной теплоты, плодородія и т. д. (тропики), или же настолько отягчаетъ борьбу за существованіе, что человѣкъ не въ состояніи подняться на высокую степень культуры. Косвенно среда вліяетъ также чрезъ представленія, которыя она вызываетъ въ человѣкѣ, чрезъ настроенія, которыя обуславливаются безсмѣнною жизнью въ средѣ постоянной

окраски (вліяніе свѣта, сумерекъ, метеорологическихъ явленій и т. д. на чувство, на фантазію).

На религію и поэзію, на хозяйство и общественную жизнь естественная среда оказываетъ свое вліяніе, но это вліяніе—что слѣдуетъ подчеркнуть—никогда совершенно не прекращающееся, сказывается все-таки сильнѣе всего въ началѣ и въ болѣе древніе періоды культурнаго развитія и оставляетъ болѣе глубокіе слѣды на бѣдныхъ культуурою народахъ, чѣмъ на народахъ, уже достигшихъ, благодаря своимъ задаткамъ, своему уму и своей энергіи, известной высоты культуры, которая все болѣе и болѣе освобождаетъ ихъ отъ давленія среды.

Земледѣліе, скотоводство, промышленность, торговля, общеніе, техника, разумныя общественныя установленія и т. д. преобразовываютъ естественную среду или дѣлаютъ человека болѣе независимымъ отъ ея неблагоприятныхъ условій. Степень подчиненія себѣ природы и есть то, что въ сущности отличаетъ культурные народы отъ народовъ дикихъ.

§ 8. Обзоръ отдѣльныхъ областей культуры. По роду культурной дѣятельности, по ея направленію, цѣлямъ и объектамъ можно различать нѣсколько областей культуры, представляющихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, составныя элементы и условія существованія ея. Прежде всего мы имѣемъ дѣло съ двумя главными категоріями матеріальной и духовной культуры. Это, однако, вовсе не означаетъ, что первая возможна безъ психической дѣятельности, а послѣдняя можетъ обойтись безъ матеріальной основы и физическихъ средствъ; собственно говоря, вся культура есть явленіе духовнаго порядка. Но съ точки зрѣнія ближайшихъ цѣлей указанное размежеваніе вполне оправдывается, хотя проводимыя имъ границы все-таки оказываются текучими. Къ матеріальной культурѣ мы причисляемъ: технику (въ узкомъ смыслѣ), хозяйство (промышленность и торговля), пути и формы сообщенія. Духовная культура расчленяется на культуру интеллектуальную (наука, философія, просвѣщеніе), эстетическую (искусство и литература), этическую (нравственность), социальную (общество и государство, нравы, обычаи и право), религіозную. Техника въ широкомъ смыслѣ присуща всѣмъ областямъ культуры; это — форма самой культурной работы. Далѣе слѣдуетъ подчеркнуть, что социальный факторъ властвуетъ надъ всей культурою, и мы имѣемъ специальную науку, социологію, которая рассматриваетъ человѣческую жизнь во всей ея совокупности подъ угломъ зрѣнія общественнаго момента. Различныя области культуры пере-

ходятъ другъ въ друга; онѣ не представляютъ собою нѣчто изолированное; между ними происходитъ постоянное живое взаимодействие. Безъ достаточнаго уровня матеріальной культуры духовная культура не можетъ преуспѣвать, и безъ духовной культуры матеріальная, съ одной стороны, сильно отстаетъ, а съ другой—вся жизнь становится бѣдной и неприглядной. Уровень знанія, форма религіознаго міросозерцанія и культа, нравы и заповѣди морали, соціальныя установленія и политическія событія—все это вліяетъ на хозяйственный строй. Наоборотъ, экономическій моментъ часто направляетъ научныя изслѣдованія, художественное творчество, соціальныя и политическія перевороты. Во взаимодействіи находятся далѣе религія и наука, религія и искусство, религія и общество и т. д. Каждая изъ названныхъ областей культуры можетъ быть какъ условіемъ и факторомъ, такъ и объектомъ культурной дѣятельности, и лишь всѣ вмѣстѣ взятыя служатъ созиданію общей культуры въ ея цѣломъ.

Рѣчь, этотъ подлинно-человѣческій атрибутъ, имѣетъ самое фундаментальное и общее культурное значеніе. На вопросъ о «происхожденіи» ея должна отвѣтить психологія; выясненіе ея соціального значенія, какъ и другихъ составныхъ элементовъ культуры, есть дѣло соціологіи. Что языкъ не достался человѣку въ готовомъ видѣ, не упалъ, такъ сказать, съ неба, и что онъ столь же мало является дѣломъ сознательнаго замысла и изобрѣтенія отдельныхъ лицъ, это въ настоящее время уже не вызываетъ больше никакого спора. Способность рѣчи выросла органически; она возникла изъ инстинктовъ и потребностей человѣка; она имѣетъ своими предтечами «языки животныхъ». Она является высокоразвитой формою эмоціональныхъ движеній, въ которыя чувства и аффекты произвольно разряжаются; она есть форма жеста. «Языкъ-жестикуляція» состоитъ изъ движеній пантомимическихъ, изобразительныхъ и указательныхъ, съ помощью которыхъ символизируются чувства и представленія или вызываемыя послѣдними явленія и событія. Примѣръ глухонѣмыхъ показываетъ намъ, какая степень совершенства доступна этому роду языка. Малокультурные народы обильно пользуются языкомъ жестикуляціи; существуютъ племена, которыя безъ помощи его, несмотря на свое родство, не могутъ объясняться; народы и индивидуумы съ живымъ темпераментомъ часто дополняютъ слова жестами. Признакомъ цивилизаціи, болѣе тонкой образованности считается возможно меньшее примѣненіе жестикуляціи, изобличающей сильную подверженность инстинктамъ и чувственности. Звуковая или словесная рѣчь состоитъ изъ другого рода жестовъ, такъ называемыхъ «звуковыхъ жестовъ» (звуки, слова). Лишь звуковая рѣчь

образуетъ орудіе, служащее въ дѣйствительности успѣхамъ интеллекта. Образование словъ и построение предложеній дѣлаетъ возможнымъ эмансипацію духа отъ чувственныхъ данныхъ, т.-е. развитіе отвлеченно-логическаго мышленія, а также болѣе точное пониманіе всего сообщаемаго другими. Аффекты и чувства, инстинкты и потребности порождаютъ сперва звуковую рѣчь; точное и образное мышленіе, на ряду съ собственной дифференціаціею, приводитъ къ дифференціаціи и языка, а болѣе развитой языкъ, въ свою очередь, содѣйствуетъ мышленію и разуму. Такимъ образомъ, мышленіе и языкъ находятся въ постоянномъ тѣсномъ взаимодействіи; языкъ оказывается какъ бы внѣшнею оболочкою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, орудіемъ мышленія. Безъ языка человѣкъ уже потому не обладалъ бы высшимъ разумѣніемъ и не постигалъ бы науки, что только благодаря языку, дѣлающему возможнымъ передачу опытовъ и мыслей, создается почва для сотрудничества многихъ умовъ въ дѣлѣ научнаго строительства.

Дифференціація языковъ, ихъ распадѣніе на нарѣчія и говоры, образование племенныхъ и національныхъ языковъ, профессиональныхъ, сакраментальныхъ и тайныхъ жаргоновъ, смѣшеніе и соединеніе языковъ, ихъ умираніе («мертвые языки») и т. д., все это, кромѣ специфически-лингвистическихъ моментовъ, зависитъ отчасти отъ развитія и степени гибкости ума, отчасти отъ сношеній народовъ между собой, отъ социальныхъ раздѣленій и соединеній, отъ политическихъ событій (покореніе одного народа другимъ, причемъ языкъ побѣжденнаго вытѣсняетъ языкъ побѣдителя). Единство языка еще не доказываетъ общности происхожденія, и, наоборотъ, родственные народы могутъ говорить на разныхъ языкахъ. Такъ, О. Геннеамъ-Ринъ въ своей «Всеобщей исторіи культуры», I, 80, замѣчаетъ: «Въ Передней Индіи, напримѣръ, весь сѣверъ и вся середина страны приняла отъ арійскихъ пришельцевъ, къ которымъ принадлежали только составлявшія небольшое меньшинство высшія касты, языкъ послѣднихъ, тогда какъ громадная масса туземнаго населенія принадлежала къ такъ называемымъ дравидскимъ племенамъ, языки которыхъ оттѣснены къ югу страны. Въ Европѣ бóльшая часть иберовъ приняла испанскій или французскій языкъ, и только небольшая часть сохранила языкъ басковъ. Кельты болышею частью подчинились французскому или англійскому языку; первоначальныя нарѣчія сохранились только въ Бретани, въ Валисѣ, западной Ирландіи и сѣверной Шотландіи. Значительныя части нѣмецкаго народа происходятъ на западѣ и югѣ отъ кельтовъ, на сѣверѣ и востокѣ отъ славянъ. Болгары, хотя и финскаго корня, говорятъ теперь по-славянски. Языкъ побѣдителей и господъ часто вытѣсняетъ языкъ покоренныхъ, но если по-

слѣдствіе стоять на болѣе высокой ступени развитія, то имѣетъ мѣсто обратное. Готы въ Италиі и Испаніи, франки въ Галліи, монголы и маньчжуры въ Китаѣ научились языкамъ своихъ болѣе богатыхъ культурою побѣжденных». Въ языкѣ обыкновенно обнаруживаются умъ, характеръ и сила мышленія, а также манера чувствовать и оцѣнивать, присущая народу, соціальной группѣ или индивидууму; языкъ, это — воплощенное міросозерцаніе. Однако, нельзя изъ отсутствія извѣстныхъ выраженій дѣлать, безъ всякихъ оговорокъ, выводы относительно отсутствія также соответственныхъ этимъ выраженіямъ понятій.

Произошли ли разнообразныя языки отъ одного «праязыка», или же споконъ вѣка существовало множество примитивныхъ языковъ, этотъ вопросъ до сихъ поръ остается открытымъ. Но вѣроятно то, что существовало нѣсколько центровъ происхожденія языка. Можетъ считаться установленнымъ, что языки образовались внутри извѣстной соціальной группы, при совмѣстной работѣ, и что подражаніе способу выражаться болѣе знатныхъ (родоначальниковъ, домовладыкъ) создало, такъ сказать, безмолвное соглашеніе, которое, подкрѣпляемое еще другими моментами, настолько затемнило первоначальное прямое отношеніе звуковъ къ обозначаемымъ ими объектамъ, что возстановить его уже болѣе нѣтъ никакой возможности. Въ своемъ развитіи языки достигли разныхъ ступеней совершенства. Обыкновенно различаютъ языки и з о л и р у ю щ і е, а г г л ю т и н и р у ю щ і е и ф л е к т и р у ю щ і е. Среди и з о л и р у ю щ и х ъ языковъ односложныя характеризуются тѣмъ, что просто нанизываются односложныя слова, и смыслъ предложенія зависитъ только отъ порядка слѣдованія (положенія) словъ и отъ ударенія. Что такими средствами можетъ быть достигнуто относительно многое, показываетъ китайскій языкъ. А г г л ю т и н и р у ю щ і е языки получили свое названіе отъ того, что въ нихъ къ корню слова присоединяются пре- и суффиксы, безъ всякаго измѣненія самого слова (урало-алтайскіе языки, языки банту). Ф л е к т и р у ю щ и м ъ языкамъ, какъ показываетъ ихъ названіе, свойственна болѣе или менѣе полная флексія (семитическіе и арійскіе языки).

Изъ примитивныхъ явленій развился и другой общій культурный факторъ: п и с ь м о. Обладаніе таковымъ уже изобличаетъ наличность значительной степени культуры. Вотъ почему существуетъ много дикихъ народовъ, которые хотя и имѣютъ свой языкъ, но не знаютъ употребленія письма. Такъ точно и въ отношеніи культурныхъ народовъ, по крайней мѣрѣ, въ болѣе раннія времена, способность писать уже предполагала извѣстное образованіе. Какъ настоящему, развитому звуковому языку предшествуютъ болѣе низкія ступени

языка, такъ и дѣйствительное, буквенное и слоговое, письмо развилось изъ болѣе примитивныхъ формъ. Вначалѣ мы встрѣчаемся съ фигурными изображеніями на собственномъ тѣлѣ (татуировка), имѣющими, кромѣ р е л и г і о з н ы х ъ дѣйствій (отраженіе духовъ и т. д.), своею цѣлью указать на племя, званіе, возрастъ и пр. самого татуированнаго. Цѣлямъ религіи и культа служили, вѣроятно, также рисунки, обыкновенные и раскрашенные, встрѣчаемые на стѣнахъ первобытныхъ пещеръ. Различные знаки и межи въ видѣ камней, зарубокъ и т. д., какъ средства для извѣстныхъ разграниченій или взаимныхъ договоровъ и соглашеній, предшествуютъ примѣненію настоящаго письма. Очень своеобразно узловое письмо перуанцевъ (квипу), въ древнемъ Китаѣ, на Гавайскихъ островахъ: шнуры различной длины и цвѣта съ нанизанными на нихъ узлами служатъ для обозначенія чиселъ и т. д. Съ ними сходны пояса «вампумъ» сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Болѣе высокую степень въ развитіи письменъ обозначаетъ фигурное или идеографическое письмо. Оно выступаетъ въ двухъ видахъ. Во-первыхъ, въ видѣ чистой идеографіи у австралійцевъ, индѣйцевъ и т. д., въ древней Мексикѣ и пр., когда предметы и представленія и мысли о нихъ прямо изображаются и выражаются соответственными образами. Далѣе идетъ словесное и слоговое письмо (въ Китаѣ), которое у египтянъ превращается въ звуковое письмо («іероглифы», изъ коихъ развивается «іератическое» и «демотическое» или курсивное письмо). Наиболее полное удовлетвореніе потребность въ точной фиксировкѣ мыслей и словъ получаетъ въ б у к в е н н о м ъ п и с ь м ѣ, имѣющемъ для каждаго звука свой знакъ. Наше письмо, письмо всѣхъ арійскихъ народовъ вообще, развилось изъ семитическаго (финикійскаго, еврейскаго) письма, въ свою очередь, происшедшаго, можетъ-быть, изъ египетскаго или какого-нибудь другого идеографическаго письма. Ч и с л о в ы е з н а к и встрѣчаются, конечно, лишь тамъ, гдѣ понятія о числахъ уже достигли извѣстнаго развитія, причѣмъ ихъ совершенствованіе, въ свою очередь, обусловливается наличностью письменнаго обозначенія чиселъ. Черточки, затѣмъ буквы (евреи, греки) и условные знаки, цифры, представляютъ собою разныя формы обозначенія чиселъ. Такъ называемыя арабскія цифры, отличающіяся особенною цѣлесообразностью, происходятъ изъ Индіи и переданы были европейцамъ только чрезъ посредство арабовъ во время крестовыхъ походовъ. Скоропись (стенографія) существовала уже у римлянъ.

Въ высшей степени важнымъ элементомъ культуры является примѣненіе огня. Оно составляетъ какъ бы атрибутъ, рѣзко отличающій человѣка отъ прочихъ живыхъ существъ. Какимъ образомъ человѣкъ дошелъ до употребленія огня, объ этомъ можно только гадать. Вѣ-

роятно, онъ сперва пользовался огнемъ отъ произведенныхъ молніею пожаровъ, или воспламененіе искръ, появляющихся во время работы надъ камнемъ или деревомъ, дало ему первый толчокъ къ познанію и примѣненію благотворящихъ дѣйствій огня. Самый примитивный способъ произвольнаго добыванія огня, встрѣчаемый и по сейчасъ у разныхъ дикихъ народовъ (австралійцевъ и т. д.), состоитъ въ треніи двухъ кусковъ дерева или въ буравленіи доски палкою («огневой буравъ»). Обтесываніе камней должно было привести къ изобрѣтенію ударнаго огнива, при употребленіи котораго искры падаютъ на воспламеняющійся трутъ. О г о н ь добывается уже въ древности также съ помощью зажигательныхъ зеркала. Химическія огнива, спички, появляются только со второй половины XIX вѣка. Огонь оказываетъ человѣку разнообразнѣйшія услуги. Онъ охраняетъ его отъ дикихъ звѣрей, согрѣваетъ его, освѣщаетъ его жилище и пути сообщенія, даетъ ему возможность путемъ варенья и жаренья увеличить питательность разныхъ яствъ и питей, своимъ привѣтливымъ свѣтомъ группы людей, другими способами социализирующимъ образомъ. Обработка металловъ орудій и машинъ всякаго рода, добываніе драгоценныхъ металловъ химическимъ путемъ и проч.,—всѣмъ этимъ человѣкъ пользуется. Отопленіе и освѣщеніе прошли длинный путь ризицу тушили въ земляныхъ ямахъ или на собрана камняхъ и только позднѣе стали варить и печь ровня, каминъ, кафельная, газовая и электрическая . вляютъ собою этапы въ этомъ развитіи, точно также чина, факель, свѣча, масляная, керосиновая, газовая, элек и ацетиленовая лампы. Чѣмъ значительнѣе успѣхи въ этой и др. областяхъ, тѣмъ человѣкъ становится требовательнѣе, тѣмъ цѣлесообразнѣе и экономичнѣе становятся дающіе тепло и свѣтъ приборы

Знакомясь съ употребленіемъ огня, мы уже вступили въ область технической культуры. Смыслъ и цѣль всякой техники заключаются въ томъ, чтобы обратить сырое вещество на пользу культурной воли человѣка, человѣческой потребности въ сохраненіи и обогащеніи жизни. Экономическій принципъ достиженія съ наименьшею затратой силъ и труда максимальнаго количества работы даетъ направленіе и технику, хотя часто только послѣ многихъ пробъ и долгихъ обходовъ удается создать действительное цѣлесообразное. Это въ особенности видно изъ исторіи утюга и машины. Тѣмъ не менѣе, достойно удивленія, какъ много успѣлъ сдѣлать, располагая только самыми примитивными орудіями. Въ основѣ созданія утюга и орудій лежитъ (названная разомъ Э. Каппомъ) «пресанія органовъ»; рука и

ладонью составляют прообразъ всѣхъ первичныхъ орудій, представляющихъ собою не что иное, какъ удлиненія, дополненія и подражанія разнымъ нашимъ органамъ, на примѣръ, зубамъ и т. д. Древнѣйшія орудія являются въ то же время средствами борьбы; дифференціація первобытныхъ инструментовъ въ обѣ группы орудій происходитъ постепенно, точно также какъ и развитіе инструментовъ въ рядъ видовъ, изъ коихъ каждый служитъ какой-нибудь особой цѣли. Самыми древними инструментами были ножи, топоры, молотки, пилы, напилки, бурана, иглы и т. д. Матеріаломъ, изъ котораго изготовлялись первые инструменты, служили дерево, кости, рогъ и камень. Большое разнообразіе формъ становится возможнымъ только послѣ того, какъ становится извѣстнымъ обработка металловъ; это, въ концѣ концовъ, приводитъ ко вторичнымъ, сложнымъ инструментамъ и машинамъ. Благодаря усовершенствованію машинъ, въ свою очередь, составляются новыя, болѣе тонкія инструменты и машины. Какое значеніе орудія и машины имѣютъ для развитія сельского хозяйства и промышленности, науки и искусства и раздѣленія труда, облегченія и совершенствованія орудій, считается извѣстнымъ. Оружіемъ первоначально служили ножи, далѣе, луки и стрѣлы (сперва съ каменнымъ наконечникомъ), палицы, пращи. Мечи и пики, щиты, панцыри и пушки появились съ наступленіемъ металлическаго вѣка. Изобрѣтеніе огнестрѣльныхъ орудій постоянно принуждаетъ къ улучшенію оборонительныхъ; появляются настоящія чудовища, однако, не могутъ устоять противъ дальнѣйшихъ усовершенствованій техники на другой сторонѣ. Баллисты и катапульты, арбалеты и т. д. мы встрѣчаемъ у римлянъ и въ средніе вѣка, изобрѣтающіе арбалетъ; затѣмъ слѣдуетъ огнестрѣльное оружіе: пушки, ружья, пистолеты, револьверы и т. д., причемъ сложное и громоздкое уступаетъ мѣсто болѣе простому, подвижному и мѣткому.

Уже многіе виды животныхъ сами устраиваютъ себѣ жилища въ видѣ гнѣздъ, берлогъ и т. д. Но только у человѣка жилище получаетъ культурное значеніе. Охрана и удобства, предоставляемыя благоустроеннымъ жилищамъ, устраняютъ много препятствій къ развитію труда человѣка. Изъ устройства жилища можно дѣлать выводъ не только относительно характера и быта цѣлаго племени, но и страны. При возникновеніи древнѣйшихъ жилищъ климатъ и страны должны были оказать большое вліяніе. Въ теплыхъ жилищемъ или просто мѣстомъ для покоя служили деревья. Древняго происхожденія были навѣсы изъ хвороста и шкуръ, прикрытія для обезпеченія огня отъ вѣтра, также жилищами. Въ болѣе холодныхъ странахъ жилищами

служили естественныя или искусственныя пещеры, въ которыхъ иногда еще въ средніе вѣка обитали отшельники. Кочевому быту соответствуетъ палатка (шатеръ), не утрачивающая впрочемъ своего значенія и на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры, напр., во время маневровъ, на войнѣ и т. д. Переходомъ къ настоящему дому служили **х и ж и н ы** разныхъ формъ, на землѣ, на деревьяхъ или на сваяхъ. **Д о м а** различаются по матеріалу, формѣ, величинѣ и внутреннему расположенію, въ зависимости отъ климата, страны, народа, общественнаго строя, степени богатства и т. д. Представимъ себѣ различія между китайскимъ, египетскимъ, греческимъ, римскимъ, германскимъ, средневѣковымъ и современнымъ домами, особенности крестьянской избы и городского зданія, мрачной казармы и великолѣпнаго дворца или изящной виллы, художественныхъ и утилитарныхъ построекъ. Изъ скромныхъ начатковъ со временемъ развилась утварь разнообразнѣйшихъ формъ. Очень рано появляется, напримѣръ, и **г о н ч а р н о е** искусство. Сперва люди пользуются шкурами, тыквами и т. д. для того, чтобы черпать и сохранять воду и другія жидкости. Они плетутъ корзины изъ травъ и другого матеріала, смазываютъ ихъ для большей плотности глиною, обжигаемую затѣмъ на огнѣ. Такъ какъ при этомъ плетенка легко сгораетъ, то остается глиняная форма, представляющая примитивный горшокъ, послѣ чего приступаютъ вскорѣ и къ самостоятельному изготовленію глиняной посуды; но орнаменты продолжаютъ напоминать собою прежнюю связь горшка съ плетеною корзиною. Позднѣе появляются также сосуды изъ металла и стекла, формы ихъ, параллельно съ утонченіемъ человѣческихъ потребностей, становятся разнообразнѣе, принимая видъ чашъ, кружекъ, бутылокъ, вазъ и пр., причемъ очень рано эстетическій моментъ сочетается съ практическимъ. Первоначально гончарные сосуды изготовляются отъ руки; гончарный станокъ былъ вѣроятно извѣстенъ уже людямъ эпохи свайныхъ построекъ. Мебель, которой у дикихъ народовъ почти совсѣмъ нѣтъ, уже въ древности, у ассиріянь, египтянь, индусовъ, грековъ, римлянъ, становится очень роскошною. Наоборотъ, рядъ техническихъ работъ, хотя и въ болѣе или менѣе примитивной формѣ, извѣстенъ уже дикимъ народамъ; къ числу этихъ работъ относятся обработка дерева и шкуръ, дубленіе кожъ, умѣніе плести, прясть, вязать сѣти, ткать, шить, красить, плавить и т. д. Успѣхи въ области техники зависятъ отъ разныхъ факторовъ, не только отъ потребностей людей и ихъ умственныхъ способностей, но и отъ степени раздѣленія труда, научнаго разумѣнія, благосостоянія и т. д.

Тутъ слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о происхожденіи **о д ѣ я н і я**. Не съ самаго начала человѣкъ сталъ прикрывать свое тѣло, и посейчасъ существуютъ многіе дикіе народы, которые ходятъ

нагими или почти нагими. Стыдливость вряд ли послужила первою причиною возникновенія одѣянія. Намъ вѣдь извѣстно, что не только у дикихъ народовъ, но и у древнихъ культурныхъ народовъ, какъ, на- примѣръ, у грековъ, нагота не вызывала соблазна. Стыдливость въ отношеніи наготы есть отчасти уже послѣдствіе ношенія одежды. Послѣдняя возникла двоякимъ образомъ. Въ болѣе холодныхъ странахъ естественно сказывалось стремленіе защитить себя отъ непогоды. Это отчасти дѣйствительно и въ отношеніи теплыхъ странъ, въ которыхъ болѣе чувствительные обыватели облакаются въ одѣянія, чтобы себя защитить отъ вліянія солнца и дождя. Во многихъ случаяхъ, однако, одежда первоначально служила только для украшенія въ цѣляхъ воз- величенія личности или для обозначенія ея племенной принадлежности. Впослѣдствіи выдвигается новый мотивъ, и одежда получаетъ новое назначеніе служить, главнымъ образомъ, цѣлямъ защиты и прикрытія тѣла, обнаженіе котораго въ силу измѣнившихся обстоятельствъ и обы- чая носить одежду начинаетъ считаться предосудительнымъ. Характеръ украшения и соціального превосходства одежды отчасти сохраняется и на высшихъ ступеняхъ культуры (форма, фракъ, священническое облаченіе и т. д.). Матеріаль, покрой и цвѣтъ одежды зависятъ отъ среды, національности, перемѣнъ въ условіяхъ культуры; въ костюмѣ тоже такъ или иначе отражается профессиональная и сословная при- надлежность. При смѣнѣ модъ стѣбитъ большого труда всегда удовле- творять запросамъ цѣлесообразности и красоты. Однородность одежды внутри опредѣленной группы, особенно если она имѣетъ важное со- ціальное значеніе (чиновничество, войско и т. д.), содѣйствуетъ укрѣпленію корпоративнаго духа.

Потребность въ украшеніяхъ существуетъ издавна. Уже первобытный человѣкъ испытываетъ великую радость при видѣ бле- стящихъ и сверкающихъ, причудливыхъ и рѣдкихъ предметовъ. Онъ обвѣшиваетъ ими свое тѣло, чтобы придать своей особѣ больше зна- ченія. Той же цѣли служатъ охотничьи и военные трофеи. Свое соб- ственное тѣло дикій человѣкъ украшаетъ тѣмъ, что измѣняетъ разныя части его (голову, зубы, губы, носъ и т. д.), раскрашиваетъ или татуируетъ ихъ. Въ основѣ такого украшенія лежатъ разныя мотивы. Кромѣ соціальныхъ, тутъ дѣйствуютъ еще и побужденія религіозныя, разсматривающія украшенія какъ средство защиты отъ вліянія злыхъ духовъ (амулеты, идолы). Соціальное значеніе украшенія заключается, съ одной стороны, въ томъ, чтобы выдѣлить индивидуумъ изъ своей группы, съ другой же—оно направлено на то, чтобы явнымъ образомъ подчеркнуть принадлежность индивидуума къ его племени и сословію. Этимъ объясняется, почему столько видовъ уродованія человѣческаго тѣла считается «украшеніями», и люди такъ безпрекословно имъ

подвергаются. Чисто эстетическое удовольствіе, возбуждаемое украшеніемъ, является позднѣе. Что социальная сторона обычая украшенія, его значеніе какъ показателя сословія, званія и достатка сохраняется рядомъ со стороною эстетическою, это, кажется, не нуждается въ особомъ подтвержденіи.

Основу всякой высшей, всякой духовной культуры образуетъ хозяйство. Понимаемое въ широкомъ смыслѣ, оно обнимаетъ всякаго рода дѣятельность, непосредственно или какъ главной своей цѣли служащую поддержанію челоѳческаго существованія. Элементарная потребность въ пищѣ принуждаетъ челоѳка уже на примитивныхъ ступеняхъ своего развитія къ принятію тѣхъ или другихъ мѣръ въ цѣляхъ ея добыванія. Но упорядоченное, планоѳрное и разумное хозяйство является лишь результатомъ долгаго развитія. Многое мѣшаетъ ея бысткому созиданію. Изобиліе пищевыхъ средствъ можетъ дѣйствовать столь же задерживающе, какъ и чрезмѣрная скудость природы. Далѣе, способность заглядывать впередъ и имѣть представленія о будущемъ, вынышаться надъ непосредственною окружающею дѣйствительностью, еще очень незначительна на низшихъ ступеняхъ культуры. Къ этому присоединяются еще отвращеніе «первобытнаго челоѳка» къ постоянному и напряженному труду и неумѣніе его обуздать свои инстинкты и пріучать себя къ воздержанію и къ попеченію о грядущемъ. Поэтому у дикихъ народовъ весьма часто чередуются времена избытка пищи съ временами большого въ ней недостатка.

Примитивная форма хозяйства характеризуется поэтому отсутствіемъ всякой системы; на этой ступени не совершается, собственно говоря, никакое производство, а происходитъ только простое усвоеніе даровыхъ благъ природы. Она въ сущности представляетъ собою хозяйство собирательное. Последнее заключается именно въ собираніи корней, плодовъ, зеренъ, ракушекъ и другихъ звѣрей, отчасти путемъ настоящей охоты и рыболовства. Вообще способъ хозяйничанья, добыванія пищи зависитъ отъ среды; очень рѣдко мы встрѣчаемся съ какой-нибудь односторонней формой хозяйства, обыкновенно при добываніи пищи пускаются въ ходъ смѣшанныя пріемы. Строго разграниченныхъ ступеней въ этомъ отношеніи нѣтъ; вѣрно лишь то, что высшія формы тѣхъ или другихъ ступеней, напр., земледѣлія, всегда предполагаютъ наличность и другихъ отраслей хозяйства. Примитивное, огненное земледѣліе встрѣчается уже довольно рано, на ряду съ охотою и рыболовствомъ. Скотоводство имѣетъ мѣсто не вездѣ, а только въ удобныхъ для него степныхъ мѣстностяхъ. Оно происходитъ отчасти изъ охоты, такъ какъ челоѳкъ пріучается не только сохранять пойманныхъ имъ животныхъ въ цѣляхъ прямого

употребленія ихъ въ пищу, но и пользоваться ихъ продуктами и услугами путемъ прирученія. Но содержанію домашнихъ животныхъ въ хозяйственныхъ цѣляхъ предшествуетъ ихъ прирученіе ради забавы, и къ самымъ первымъ по времени товарищамъ челоѣка принадлежитъ собака, часто, правда, служащая ему и въ качествѣ пищи. Разнообразныя возможности пользованія домашними животными познаются, однако, лишь постепенно. Скотоводство должно было, конечно, оказать значительное вліяніе на земледѣліе (средства удобренія почвы и т. д.). вмѣсто простого рыхленія почвы, работы, возлагаемой у дикихъ народовъ большею частью на женщинъ, съ изобрѣтеніемъ плуга наступаетъ настоящее сельское хозяйство разныхъ ступеней съ его дополненіемъ, садоводствомъ. За первоначальной хищнической обработкой слѣдуетъ бережное и правильное воздѣлываніе почвы съ примѣненіемъ цѣлесообразныхъ средствъ и приѣмовъ (выкорчевываніе, плодосмѣнная система и т. д.). Если со временемъ охота и рыболовство становятся простымъ спортомъ для знатныхъ и привилегією имущихъ людей, то на основѣ сельскаго хозяйства и скотоводства формируется особый экономическій классъ. Въ тѣсной связи съ названными отраслями производительной дѣятельности долгое время выстѣпаетъ ремесло, изъ котораго, въ свою очередь, развивается промышленность. «Прогрессъ» въ этихъ областяхъ обуславливается «раздѣленіемъ труда», изобрѣтеніемъ и усовершенствованіемъ орудій производства, успѣхами теоретической мысли. Раздѣленіе труда имѣетъ фундаментальное значеніе для экономического быта. Благодаря тому, что нѣсколько отраслей занятія, которыя раньше отиравлялись всѣми людьми безъ различія, теперь распредѣляются между отдѣльными индивидуумами или группами такимъ образомъ, что всякій занимается лишь тѣмъ, что соотвѣтствуетъ его способностямъ, производство становится гораздо больше и лучше, чѣмъ прежде. Но на высшихъ ступеняхъ производства раздѣленіе и расчлененіе труда должно быть восполнено соединеніемъ труда, такъ какъ только планомерно и единообразно направляемое взаимодействіе различныхъ частныхъ работъ и работниковъ въ состояніи было вызвать громадныя успѣхи нашей промышленности и техники. Экономическія завоеванія покоятся, стало-быть, во многихъ отношеніяхъ на соціальныхъ моментахъ, подобно тому, какъ они сами. въ свою очередь, обуславливаютъ общественную организацію. Ступени замкнутаго домашнего хозяйства, городского или областного хозяйства, народнаго и міроваго хозяйства, не представляющіяся также строго обособленными другъ отъ друга, показываютъ намъ тѣсную связь, существующую между хозяйственной жизнью и обществомъ.

Примитивное хозяйство преслѣдуетъ своею цѣлью добываніе не-

посредственныхъ средствъ потребленія. Производитель и потребитель слинаются въ одно лицо, въ одно сообщество (ватага, семья, родъ, племя). Но потребность въ предметахъ, считаемыхъ почему-либо цѣнными (украшенія, оружія, скоть, рабы и т. д.), приводитъ къ торговлѣ. Она появляется въ разныхъ формахъ (внутренняя, дальняя, транзитная торговля и пр.) и уже въ очень отдаленныя времена. Первобытную форму представляетъ собою «дарственная торговля». За право пользоваться благами, встрѣчаемыми на чужой территоріи, одно племя приноситъ дары другому племени. Мѣновая торговля, основывающаяся на дѣйствительномъ и строгомъ размѣреніи и точной оцѣнкѣ, достается человѣку сравнительно поздно, и еще позднѣе за натуральнымъ хозяйствомъ болѣе или менѣе чистаго вида слѣдуетъ хозяйство денежное и кредитное. Деньги выступаютъ сперва подъ видомъ товарныхъ денегъ, въ формѣ общераспространенныхъ предметовъ (ракушки, соль, скоть, металлы и т. д.); чекаенныя деньги встрѣчаются лишь у культурныхъ народовъ, а всеобщее примѣненіе денежныхъ знаковъ (бумажныхъ денегъ) есть явленіе еще болѣе поздняго времени. Денежное хозяйство производитъ крупныя перемены въ соціальной жизни. Торговля оказываетъ громадное вліяніе на культуру; она сближаетъ народы, дѣйствуя на нихъ социализирующимъ образомъ и являясь посредникомъ при взаимномъ обмѣнѣ культурными благами, она утончаетъ потребности человѣка и ослабляетъ его зависимость отъ окружающей среды и пр. Что торговля, подобно другимъ проявленіямъ культуры, влечетъ за собою и отрицательныя послѣдствія, это обуславливается несостоятельностью человѣческой природы вообще. Благотворныя дѣйствія, оказываемыя хозяйствомъ и торговлею, усугубляются по мѣрѣ того, какъ упорядочиваются и совершенствуются пути и средства сообщенія. Уже дикіе народы прокладываютъ тропинки, перекидываютъ простые мосты, строятъ паромы, челноки и сани. Прекрасныя дороги и искусныя мостовыя сооруженія, виадуки и т. д. устраивались уже въ древности (вавилонянами, римлянами и т. д.). Древніе народы знали также почту (персы). Своеобразное телеграфированіе разными знаками (помощью огня, барабаннаго боя) встрѣчается тоже довольно рано. Культурное значеніе путей и средствъ сообщенія вполне ясно, если представить себѣ, сколько времени сберегается для производительной работы благодаря быстрому передвиженію, и въ какой мѣрѣ возможность быстрыхъ, удобныхъ и дешевыхъ сношеній между отдаленными другъ отъ друга мѣстностями открываетъ просторъ для развитія широкаго хозяйственнаго производства, наконецъ, до какой степени правильная постановка этого дѣла способствуетъ передачѣ и обмѣну духовныхъ благъ.

Для пониманія культурной исторіи немаловаженъ тотъ фактъ, что начатки «роскоши» встрѣчаются уже у дикихъ народовъ. Роскошь является вообще слѣдствіемъ большого достатка и сильной власти, отчасти, пожалуй, изнѣженности и вырожденія, которыя она можетъ усугубить и породить, точно также какъ, наоборотъ, она же въ состояніи оказать самое благотворное вліяніе на развитіе культурныхъ силъ въ обществѣ. Стремленіе ко всякаго рода бездѣлицамъ и украшеніямъ, къ предметамъ, которые кажутся намъ излишними и, во всякомъ случаѣ, менѣе важными, чѣмъ многіе другіе, заставляетъ человѣка не жалѣть ради нихъ никакихъ усилій и жертвъ на такой ступени, на которой онъ еще очень мало склоненъ къ сколько-нибудь дѣйствительно производительной въ экономическомъ отношеніи работѣ. Насколько хозяйственные мотивы въ своихъ дѣйствіяхъ парализуются побужденіями другихъ порядковъ, видно изъ того, что даже на высшихъ ступеняхъ культуры необходимое и полезное очень часто должно уступить передъ желаніемъ пріобрѣсть предметы роскоши, украшенія, драгоценныя вещи и т. д.

Относительно социальной культуры слѣдуетъ замѣтить, что человѣкъ по своей природѣ есть существо общественное, и что, какъ таковое, онъ уже съ самыхъ древнихъ временъ живетъ въ извѣстныхъ сообществахъ. Полоныя, кровныя и другія узы, покоющіяся на взаимномъ влеченіи родственныхъ другъ другу натуръ, соединяютъ людей сперва въ небольшія орды, разрастающіяся затѣмъ въ племена. Послѣднія распадаются на то или другое число колѣнъ (родовъ, клановъ), а при извѣстныхъ обстоятельствахъ соединяются, сперва временно, а потомъ и прочно, съ другими племенами въ болѣе обширные союзы. Изъ соединенія ряда племенъ разными, насильственными и мирными, путями въ одну націю, и при условіи прочнаго осѣданія послѣдней на опредѣленной территоріи возникаетъ государство. Въ то время какъ въ племени дѣйствуетъ принципъ родового союза, организаціи по колѣнамъ, находящимся каждое подъ руководствомъ своего старѣйшины, эта организація въ государствѣ уступаетъ мѣсто принудительному сообществу, объединяющему въ себѣ разныя группы и отграничивающему ихъ отъ ему подобныхъ другихъ сообществъ подъ властью твердыхъ законовъ и сильныхъ правителей или тѣхъ или другихъ корпоративныхъ учреждений. Изъ первоначальной, почти однородной, орды, путемъ дифференціаціи, раздѣленія труда на основѣ проявляющаго разнообразія качествъ и способностей, достатка и власти отдѣльныхъ индивидуумовъ и въ силу отношеній, создаваемыхъ покореніемъ новыхъ, чуждыхъ группъ, кристаллизуются разныя про-

фессіи, классы и сословія. Путемъ узурпаціи власти, или вслѣдствіе добровольнаго подчиненія, или благодаря обоимъ моментамъ, вмѣстѣ взятымъ, вождь и главарь становится владыкою, вокругъ котораго образуется первая (военная) знать изъ лицъ, отличившихся на полѣ брани своею доблестью и своими успѣхами. Во-вторыхъ, складываются два слоя населенія, классъ свободныхъ и классъ рабовъ и зависимыхъ; послѣдній пополняется сначала изъ военнопленныхъ, хотя задолженность, продажа, похищеніе и т. д. тоже являются источниками рабства. Иногда завоеваніе какой-нибудь области приводитъ къ образованію кастъ (напр., въ Индіи) или къ обращенію въ рабство всего мѣстнаго населенія (идоты въ Спартѣ). «Строй» всякаго сообщества подвергается разнообразнымъ измѣненіямъ. Первоначально весь «народъ» или всѣ взрослые мужчины, способные носить оружіе, принимаютъ участіе въ совѣтѣ и въ «законодательствѣ». Позднѣе законодательная власть переходитъ къ царю, опирающемуся на небольшой кругъ совѣтниковъ, или сосредоточивается въ рукахъ аристократіи. Деспотія и абсолютизмъ являются уже продуктами развитія, стоящаго въ тѣсной связи съ войною. Борьба за обладаніе властью происходитъ между разными классами сообщества и между отдѣльными вождями, а также между свѣтскою и духовною властями. Рядомъ съ главаремъ уже въ первобытномъ племени большую роль играетъ волхвъ-жрецъ, благодаря своему знакомству со старыми обычаями и своимъ сношеніямъ съ духами и богами; приписываемое ему вліяніе (установленіе погоды, предсказаніе будущаго и т. д.) внушаетъ благоговѣніе и страхъ. Иногда главарь является въ то же время жрецомъ, иногда онъ вытѣсняется послѣднимъ изъ своего положенія, и жрецъ становится «свѣтскимъ» государемъ («зародышъ теократіи»), или, наоборотъ, главарь захватываетъ духовную власть въ свои руки (зародышъ «цезаропапизма»). Первоначально свободные, религіозные союзы (общины) со временемъ, по аналогіи съ образованіемъ государства, превращаются въ церкви съ іерархіею изъ высшаго и низшаго духовенства. Разнообразныя профессіи внутри политическаго цѣлага складываются въ рядъ товариществъ, объединенныхъ практическими интересами (защита участниковъ, содѣйствіе ихъ цѣлямъ) и часто вступающихъ между собой въ пререканія (борьба между дворянствомъ и городами, патриціями и ремесленниками, предпринимателями и рабочими и т. д.). Если въ самыхъ раннихъ товариществахъ господствуетъ до известной степени коммунистическая организація и «коллективистскій» духъ, то позднѣе индивидуумы эмансипируются на почвѣ ббльшей дифференціаціи имущественнаго состоянія, труда, мысли и сужденія. Только

такимъ образомъ всѣ покоющіяся въ челоѣкѣ и постепенно развиваемыя дарованія могутъ получить надлежащее примѣненіе. Но съ достиженіемъ самостоятельности индивидуумами возпикаетъ масса противоположностей, столкновений и поводовъ для притѣсненія болѣе слабыхъ болѣе сильными, и необходимое какъ для индивидуумовъ, такъ и для цѣлаго сотрудничество подвергается серьезной опасности. Выясняется необходимость въ все новыхъ и новыхъ соединеніяхъ въ предѣлахъ охватывающаго всѣхъ общаго союза, пока постепенно на базисѣ, болѣе высокомъ и приспособленномъ къ индивидуальнымъ потребностямъ, не восторжествуетъ извѣстный коллективизмъ, извѣстное участіе всѣхъ въ общихъ успѣхахъ и благахъ культуры, но не въ грубо-коммунистическомъ смыслѣ, а въ регулируемомъ сверху, государствомъ, порядкѣ. Соединеніе высшей индивидуализаціи личности съ наибольшей социализаціей является идеальной цѣлью всего общественнаго развитія, цѣлью, которая можетъ быть достигнута лишь приблизительно и послѣ ожесточенной борьбы и многихъ неудачъ. Фаза преимущественно инстинктивнаго сплоченія смѣняется фазою сознательно осуществляемаго договора и, наконецъ, фазою сознательнаго стремленія къ социальной культурѣ, какъ таковой, окольными путями, чрезъ промежуточные стадіи индивидуальныхъ и классовыхъ интересовъ, которые, въ концѣ концовъ, должны подчиниться интересу совокупности, совпадающему съ правильно понимаемымъ интересомъ индивидуумовъ.

Къ области социальной культуры относятся также семья и бракъ. Въ примитивной ордѣ не можетъ быть рѣчи о семьѣ въ узкомъ смыслѣ слова. Индивидуальная семья—уже продуктъ дифференціаціи рода, охватывающаго рядъ поколѣній и степеней родства. Экономическія перемѣны, возрастаніе числа душъ и пробужденіе индивидуальной воли обуславливаютъ собою распаденіе родовъ и семейныхъ общинъ на семьи въ нашемъ смыслѣ, въ которыя, однако, въ древнія времена (напримѣръ, у римлянъ), включались также рабы и слуги. Во главѣ индивидуальной семьи стоитъ отецъ, который въ болѣе раннія времена былъ также господиномъ и собственникомъ всего семейнаго союза. Но «патріархальное» устройство не представляетъ собою древнѣйшую организацію; ему часто предшествуетъ организація «матріархальная», когда внутри родового союза мать управляетъ домомъ, въ которомъ мужъ часто не болѣе какъ гость, и дѣти принадлежатъ не отцу, а къ роду матери. Распространенная у современныхъ культурныхъ народовъ форма брака имѣетъ также свои подготовительныя ступени. Въ ордѣ не существуетъ правильнаго брака, хотя состояніе безпорядочнаго полового общенія («промискуитетъ», «гетеризмъ») и не было общимъ явленіемъ, а сочетаніе происходило

по выбору или случайно обыкновенно въ предѣлахъ извѣстныхъ «возрастныхъ классовъ» (поколѣній). Такъ называемые «групповые браки», при которыхъ рядъ мужчинъ сообща обладаетъ рядомъ женщинъ, тоже не были явленіемъ всеобщимъ. Полигамія, проявляющаяся рѣже въ формѣ полиандріи (многомужестно), чаще подъ видомъ полигиніи (многоженстно), предшествуетъ моногамическому браку, который болѣе соотвѣтствуетъ и цѣлямъ семьи (воспитаніе дѣтей, домашняя жизнь) и достоинству женщины. Изъ брака, заключаемаго путемъ умыканія, о которомъ еще позднѣе напоминаютъ многіе обычаи, развивается бракъ на основѣ купли-продажи (и службы), возвышающій положеніе женщины тѣмъ, что при немъ она не представляетъ собою легко замѣнимую вещь, такъ какъ за нее полагается извѣстный выкупъ. Женщина, составляющая на указанныхъ двухъ ступеняхъ развитія брака рабыню, собственность мужа, становится на дальнѣйшей ступени свободнѣе, но еще долгое время она остается въ сильномъ подчиненіи у мужа, и ей еще предстоитъ завоевать себѣ полное равноправіе. Нельзя, однако, отрицать, что въ дѣлѣ болѣе индивидуализаціи отношеній между мужемъ и женой, какъ и между дѣтьми и родителями, уже произошелъ значительный прогрессъ.

П р а в о, н р а в ы и о б ы ч а и, мораль суть явленія социального порядка. Всѣ три категоріи представляютъ собою дифференціацію первоначальнаго «обычая» въ широкомъ смыслѣ. Жизненные привычки и навыки извѣстнаго сообщества, обусловливаемые средою, расою и характеромъ организаціи, со временемъ отливаются въ твердыя формы, путемъ традиціи передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе и благодаря измѣняющимся отношеніямъ подвергаются разнообразнымъ видоизмѣненіямъ и обогащеніямъ. Такимъ образомъ, складывается сумма п р а в и л ѣ, которымъ каждый членъ сообщества инстинктивно слѣдуетъ, или которымъ онъ, въ силу общественнаго приужденія, долженъ подчиняться. Совокупность этихъ регламентировокъ жизненныхъ отношеній составляетъ о б ы ч а и. Въ немъ проявляются всякаго рода с о ц і а л ь н ы я н е о б х о д и м о с т и и ц ѣ л е с о о б р а з н о с т и; онъ вноситъ первые начатки порядка въ пестрое разнообразіе междусоціальныхъ явленій. Обычай предписываетъ каждому то, что онъ при извѣстныхъ случаяхъ (бракъ, рожденіе ребенка, погребеніе и т. д.) долженъ и не долженъ дѣлать, причемъ велѣнія и запреты часто вытекаютъ изъ религіозныхъ воззрѣній. Всякаго рода нравы и обычаи сохраняются и въ послѣдующее время, на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры; отчасти они становятся «переживаніями» (survivals) привычекъ, смыслъ которыхъ болѣе не извѣстенъ, но которыя поддерживаются изъ благоговѣнія или консерватизма, хотя и лишены всякаго содержанія

и всякой цѣнности; или же они наполняются, благодаря вторженію другихъ мотивовъ, новымъ содержаніемъ. Къ обычаямъ въ широкомъ смыслѣ принадлежатъ также моды, извѣстныя правила костюма и поведенія классовъ, «задающихъ тонъ» въ обществѣ. Этимъ правиламъ подражаютъ другіе слои населенія. Вслѣдствіе этого обстоятельна, а также и смѣняющихся культурныхъ отношеній и вызываемыхъ привычкою притупленія и жажды переменъ и новшествъ, однѣ моды смѣняются другими. Къ обычаямъ причисляются также формы общенія, церемоніи, правила приличія и пр., сущность которыхъ измѣняется и при этомъ въ такомъ направленіи, что бѣльшая простота и однородность формъ вытѣсняютъ собою поведеніе грубое и анти-общественное, съ одной стороны, чопорное и ходульное—съ другой.

Первоначальная мораль есть не болѣе и не менѣе какъ форма обычая. Чувство солидарности само по себѣ уже обуславливаетъ извѣстную однородность въ поведеніи членовъ орды и племени, почему нарушенія обычая на этой ступени происходятъ довольно рѣдко. «Нравственнымъ» первоначально считалось все то, что согласно съ правомъ-обычаемъ, а подъ эту точку зрѣнія въ сущности подходитъ все, что отвѣчаетъ привычкамъ и навыкамъ совокупности. Все, что имъ противорѣчитъ, не одобряется, считается безнравственнымъ; что особенно благопріятствуетъ цѣлямъ совокупности, не только одобряется, но и прославляется и поощряется. Такимъ образомъ, вырастаетъ понятіе добродѣтели какъ совокупности всѣхъ духовныхъ и тѣлесныхъ качествъ, присущихъ соплеменнику (сила, отвага, умъ, вѣрность и т. д.). Нравственныя оцѣнки различаются въ зависимости отъ соціальной организаціи, жизненныхъ отношеній, религіозныхъ воззрѣній и уровня образованія; онѣ, наравнѣ со всѣми остальными явленіями культуры, подлежатъ постояннымъ измѣненіямъ. Но самый фактъ одобренія или неодобренія не есть только продуктъ развитія, а заключается уже въ природѣ человѣческаго духа, и при всѣхъ переменнахъ въ этическихъ воззрѣніяхъ все-таки остается извѣстное неприкосновенное ядро; общее всѣмъ временамъ и народамъ этическое начало состоитъ въ преданности и содѣйствіи общему благу, въ сообразномъ съ общею волею поведеніи. Кругъ явленій, для которыхъ нравственное поведеніе становится нормою, расширяется лишь постепенно. Всякая мораль первоначально замыкается рамками орды или племени; чужакъ стоитъ внѣ ея защиты; онъ иначе оцѣнивается, и съ нимъ иначе обращаются, чѣмъ съ соплеменникомъ («муравьиная мораль»). Лишь соединеніе множества человѣческихъ группъ въ обширныя сообщества и непрерывный ростъ интеллектуальной и этической рефлексіи приводитъ къ

распространенію нравственныхъ требованій, по крайней мѣрѣ, въ идеѣ, на человѣчество какъ таковое, въ лицѣ какого бы ни было сообщества, класса и индивидуума оно намъ не представлялось. Дифференцируясь въ качествѣ особаго начала изъ обычая, параллельно съ правомъ и образованіемъ государства, мораль все болѣе и болѣе утончается, и этической оцѣнкѣ подвергается уже не исключительно одинъ образъ дѣйствія, но и образъ мысли людей.

Такимъ образомъ, мораль дополняетъ собою функціи права, вѣдѣнію котораго подлежитъ именно внѣшнее поведеніе, подчиняя себѣ постепенно всѣ области культурной жизни, не исключая права и государства, въ качествѣ высшаго масштаба оцѣнки, судьи надъ самой культурой, часть которой она составляетъ. Такъ какъ измѣненія въ жизненныхъ отношеніяхъ требуютъ постоянно новой регламентаціи, то часто происходятъ столкновенія между новыми нравственными идеями и консерватизмомъ стараго обычая и старой морали. Сильное движеніе впередъ вызывается крупными этическими личностями, реформаторами, провозвѣстниками новыхъ цѣнностей. Они полагаютъ начало выдѣленію автономной и самоцѣльной морали, идеаломъ которой является чистое стремленіе къ истинной человечности.

Изъ первобытнаго обычая, наконецъ, возникаетъ право. Его функціи сперва отправляются обычаемъ, регулирующимъ отношенія индивидуумовъ другъ къ другу и къ совокупности. Проступки членовъ орды караются совокупностью; смертная казнь, изгнаніе, безчестіе являются слѣдствіями такихъ проступковъ. Такъ какъ въ примитивныхъ сообществахъ преобладаетъ коммунизмъ, то въ немъ не могло быть никакого подобія гражданскаго права. Ростъ населенія и соединеніе разнородныхъ элементовъ въ крупныя общества съ государственной или близкой къ ней организаціею приводятъ къ особой, цѣлесообразной регламентаціи взаимныхъ отношеній ея членовъ. Въ родовой организаціи, вслѣдствіе близкихъ или отдаленныхъ, дѣйствительныхъ или мнимыхъ родственныхъ отношеній, существующихъ между ея участниками, все построено на солидарности; эта солидарность обнаруживается особенно въ обычай кровной мести, требующемъ, чтобы за оскорбленіе члена одного родового союза членомъ другого союза всѣ сородичи считали себя отвѣтственными. Безъ всякаго отношенія къ личности пострадавшаго, потерпѣвший родовой союзъ въ полномъ составѣ при случаѣ взыскиваетъ за нанесенную обиду со всего рода обидчика. Съ упраздненіемъ родовой, семейной и индивидуальной мести государствомъ, зарождается право, какъ право уголовное, сперва въ той формѣ,

что государство устанавливаетъ только кару, а приведеніе ея въ исполненіе предоставляетъ отдѣльному лицу или его семьѣ, затѣмъ—съ запрещеніемъ всякаго сторонняго участія въ отправленіи правосудія. Право все болѣе и болѣе вмѣшивается и въ прочіе споры; регламентація внѣшнихъ отношеній становится все шире и настойчивѣе, такъ что право, наконецъ, дѣлается силою, которой подчиняются государство, правительство и самъ государь для вящаго подтвержденія его общедѣйственности. Изъ (складывающихся изъ конкретныхъ случаевъ) правовыхъ обычаевъ развивается уже болѣе устойчивое, закрѣпляемое традиціею, обычное право. Разрастающіяся и осложняющіяся отношенія, въ связи съ недостаточнымъ обезпеченіемъ правосудія, вызываютъ затѣмъ кодификацію права, писанное право, причемъ, однако, за обычаемъ и обычнымъ правомъ всегда сохраняется извѣстное значеніе. Въ созданіи писаннаго права принимаютъ участіе «законодатели», индивидуальность которыхъ даетъ себя сильно чувствовать особенно въ болѣе древнія времена. Если при господствѣ родового быта рядомъ съ родовымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ родовладыкъ, на совѣщанія о болѣе важныхъ дѣлахъ собирается еще племенной совѣтъ, то въ государствѣ для цѣлей правосудія постепенно вводятся особые суды и судейскіе чины. Законодательство сосредоточивается въ рукахъ господствующихъ классовъ, и только, мало-по-малу, совокупность получаетъ снова доступъ къ законодательной власти. Одновременно съ этимъ дѣйствуетъ тенденція къ унификаціи права, къ установленію одинаковыхъ правовыхъ нормъ какъ для всѣхъ классовъ и слоевъ населенія, такъ и для разныхъ государствъ. Неупорядоченныя вначалѣ отношенія между различными народами и государствами благодаря международному праву все болѣе и болѣе регулируются въ духѣ правовой идеи.

Какъ правовыя нормы вообще, такъ и институтъ собственности въ частности подвержены внутреннимъ измѣненіямъ. Вначалѣ встрѣчается извѣстнаго рода коммунизмъ, совмѣстное владѣніе скотомъ и землею. Рядомъ съ этимъ существуетъ, однако, и частная собственность, преимущественно на движимое имущество, на оружія, украшенія, утварь и т. д., однимъ словомъ, на все, что особенно тѣсно соприкасается съ личностью. Но частная собственность на землю возникаетъ только съ разложеніемъ родового быта и съ организаціею индивидуальной семьи и укрѣпляется все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ юридической регламентаціи со стороны государства. Тѣмъ не менѣе, пережитки прежней общности имущества еще долго сохраняются, напр., въ «задругахъ» славянскихъ народностей, въ «альмендѣ» нѣмецкихъ и другихъ крестьянъ, въ русскомъ «мирѣ» и т. д.

Частная собственность является прогрессомъ, поскольку она возбуждаетъ индивидуальное стремленіе къ труду и совершенствуетъ производство. Но пропастъ, которая постепенно устанавливается вслѣдствіе бѣловитости, бережливости и настойчивости на одной сторонѣ и неспособности, косности и приниженности на другой, создаетъ натянутыя отношенія между отдельными слоями населенія, порождая пролетаріатъ и пауперизмъ, въ противоположность миллионнымъ состояніямъ и жизни въ роскоши и довольствѣ меньшинства. Поэтому вновь выступаютъ коллективистскія и коммунистическія социальныя тенденціи въ новой формѣ, отчасти государственнаго вмѣшательства въ интересахъ совокупности (напримѣръ, созданіемъ разныхъ, доступныхъ общему пользованію институтовъ и учреждений), отчасти ассоціацій отдельныхъ профессій, внося нѣкоторое смягченіе въ указанныя противоположности.

Обычай, право и мораль суть формы социальной регламентаціи, лишь благодаря которымъ, въ сущности, изъ индивидуума воспитывается настоящій человекъ, хотя данный результатъ не является ихъ ближайшею и подлинною цѣлью, а скорѣе вытекаетъ изъ самаго факта дѣйствія этихъ формъ, и только въ дальнѣйшемъ совпадаетъ съ ихъ внутреннею цѣлью. Итакъ, эти формы представляютъ собою факторы культуры громаднѣйшей важности. Онѣ ставятъ преграду напору чувственныхъ инстинктовъ, преобразовывая и воспитывая человѣческій характеръ путемъ физическаго и духовнаго принужденія такимъ образомъ, что онъ все больше и лучше научается быть автономнымъ, т.-е. постоянно собственной воли и собственнаго разума владѣть собою, посвящать свои силы служенію идеѣ человечности и культуры и подыматься въ своемъ развитіи къ высшимъ формамъ бытія. Путемъ своего рода саморегулированія изъяны, побочныя отрицательныя слѣдствія, окаменѣлости и уклоненія названныхъ факторовъ постоянно вытравляются. Если поэтому и нельзя констатировать факта непрерывнаго, равномернаго и всесторонняго прогресса, то медленное приближеніе къ культурному идеалу этимъ все-таки не исключается.

То же самое надо сказать и относительно другого основнаго фактора культуры, религіи. Во имя и подъ знаменемъ ея, безъ сомнѣнія, было совершено много зла; она часто непомѣрно стѣсняла, угнетала и преслѣдовала умы; косность и застой, топтавіе исторіи на одномъ мѣстѣ и приниженіе рвущихся на свободу силъ въ очень и очень многихъ случаяхъ слѣдуетъ отнести на ея счетъ. И, тѣмъ не менѣе, религія, даже въ своихъ болѣе низкихъ и искаженныхъ формахъ,

оказывается въ общемъ благотворною силою. О г р а н и ч е н і е извѣстными рамками и самообладаніе, которыя для человѣка становятся тѣмъ необходимѣе, чѣмъ онъ дальше отстоитъ отъ надлежащей духовной зрѣлости, и которыя налагаются на него сперва обычаемъ, позднѣе правомъ и моралью, нуждаются въ подкрѣпленіи и дополненіи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда силы общества и государства недостаточны, и социальныя узы ослабѣваютъ. Но религія имѣетъ не только воспитательное значеніе, въ ея основѣ лежатъ не одинъ страхъ и не одно подобострастіе. Она служитъ также источникомъ ободренія, утѣшенія и упованія, облегчаетъ тягости жизни, побуждая человѣка искать защиту и поддержку у высшихъ силъ, руководящихъ судьбою отдѣльныхъ людей и представляющихъ собою тотъ твердый полюсъ въ быстрой смѣнѣ явленій, который всегда считается нашимъ убѣжищемъ, когда невзгоды жизни, суетность и условность всего земного начинаютъ одолевать насъ. Идея возвышающейся надъ чувственнымъ міромъ всемогущей, духовной силы, отъ которой зависитъ все земное, стремящееся, однако, войти съ нею въ все болѣе тѣсныя, живыя, основанныя одинаково какъ на чувствѣ, такъ и на разумѣ отношенія, чтобы достигнуть единенія съ міромъ во всей его совокупности,—эта идея направляетъ развитіе религіи. Прогрессъ ея совершается въ двоякомъ направленіи: съ одной стороны, цѣпляющаяся за чувственное и матеріальное религія уступаетъ мѣсто религіи этической, понимающей божество какъ духовно-нравственное начало и отрѣшающейся отъ грубаго антропоморфизма болѣе раннихъ ступеней, замѣняя его все болѣе и болѣе просвѣтленнымъ символизмомъ; съ другой стороны, множество духовъ и боговъ сливается въ единство Божіе, мѣсто-пребываніемъ котораго является вселенная.

Всякая религія первоначально сводится къ анимизму, къ вѣрѣ въ волевыя силы, «духовъ», которыхъ примитивный человѣкъ поселяетъ во всѣ поражающія его воображеніе явленія природы. Онъ видитъ въ предметахъ отраженіе собственной души, собственнаго чувства и воли. Не зная ничего о дѣйствующей въ природѣ строгой законности, ему повсюду чудятся демоны, духи, къ нему расположенные или нерасположенные, смотря по предметамъ и силамъ, въ которыхъ онъ предполагаетъ ихъ присутствіе. Такимъ образомъ, постепенно вырабатывается система полидемонизма (фетишизмъ, поклоненіе животнымъ, растеніямъ и звѣздамъ), который, въ свою очередь, видоизмѣняется въ политеизмъ по мѣрѣ того, какъ духи надѣляются общечеловѣческими чертами и изъ простыхъ началъ природы превращаются въ носителей социальнo-нравственныхъ идеаловъ. Разновидностью анимизма является «манизмъ», культъ предковъ,

вѣра въ дѣятельность духовъ умершихъ, тогда какъ политеизмъ дополняется культомъ героевъ (обожествленіе людей и очеловѣченіе боговъ). Въ зависимости отъ соціальныхъ условій (соединеній племенъ) изъ политеизма происходитъ своего рода «генотеизмъ», почитаніе національнаго бога какъ подлиннаго, высшаго божества, которое, въ концѣ концовъ, становится единымъ богомъ; послѣ этого остается только отрѣшеніе его отъ всѣхъ натуралистическихъ и національно-условныхъ элементовъ, чтобы монотеизмъ предсталъ въ своемъ дѣйствительно чистомъ и универсальномъ видѣ. Правда, дѣло это обходится безъ переживаній изъ болѣе раннихъ періодовъ развитія и попытокъ къ возвращенію къ прежнимъ формамъ; болѣе древнія, чувственыя религіозныя формы обладаютъ замѣчательною живостью, и весьма трудно удержаться на достигнутой высшей, болѣе абстрактной точкѣ зрѣнія, не поддаваясь соблазнамъ воображенія.

Раса, национальность, общественная структура, обычай и т. д. имѣютъ разнообразное вліяніе на религію, въ особенности ей надлежитъ принаравливаться къ успѣхамъ нравственности и познанія. Въ реформаціяхъ и сектантскихъ образованіяхъ обнаруживаются дифференціація религіознаго чувства и стремленіе къ индивидуализаціи, вообще являющейся рычагомъ прогресса. Религія сама первоначально тѣсно связана съ обычаемъ, моралью и правомъ; она господствуетъ надъ соціальною жизнью во всей ея совокупности, какъ, съ другой стороны, она служитъ ея отраженіемъ. Она освящаетъ требованія морали и возводитъ ихъ въ божественныя заповѣди. Рядъ жестокихъ обыкновеній (человѣческія жертвоприношенія) и нравственно уродливыхъ явленій (религіозная проституція) сопровождаетъ ее; съ другой же стороны, она смягчаетъ суровость въ поведеніи людей и, по мѣрѣ смягченія нравовъ, становится, въ свою очередь, мягче, благороднѣе и возвышеннѣе.

Практическую сторону религіи составляетъ культъ. Онъ складывается изъ ряда дѣйствій, имѣющихъ своею цѣлью установленіе благотворныхъ отношеній между людьми и духами или богами. Прежде всего духи умершихъ внушаютъ къ себѣ страхъ, почему люди стараются всячески умилостивлять ихъ. Всякаго рода жертвоприношенія и церемоніи, заклинанія и молитвы суть формы, порождаемыя стремленіемъ заручиться милостью и покровительствомъ вселяющихъ страхъ и благоговѣніе силъ. Въ болѣе древнія времена развитія церемоніальность повсюду находился въ живой связи съ религіозными вѣрованіями людей; позднѣе часто наступаетъ омертвленіе культа, наполняемаго бездушною формалистикою, которая, однако, на болѣе высокой ступени, мало-по-малу, уступаетъ мѣсто простой, безыскусственной символикѣ.

Теоретическую основу религіи образуетъ мифъ. Онъ обнищаетъ представленія, создаваемые религіозною фантазіею и пластическою мыслью относительно духовъ и боговъ; онъ толкуетъ явленія природы въ антропоморфическомъ смыслѣ и представляетъ въ стройномъ изложеніи воображаемые подвиги и судьбы своихъ же образовъ; при этомъ языкъ своимъ обиліемъ цвѣтистыхъ эпитетовъ и абстракцій создаетъ благопріятную почву для умноженія числа боговъ. Въ теогоніяхъ и космогоніяхъ, въ представленіяхъ о загробной жизни мифологическое творчество человѣческой фантазіи развивается широко и свободно, перенося, однако, на «заоблачныя сферы» также вполне конкретныя земныя, главнымъ образомъ, соціальныя отношенія.

Въ мифологіи заключаются зародыши философіи; мало того, мифологию можно прямо разсматривать какъ «народную метафизику». Выдѣленіе особой, философской умственной дѣятельности обуславливается, съ одной стороны, эмансипаціею и индивидуальнаго мышленія отъ коллективнаго, проявляющагося въ мифологіи, съ другой стороны, постепеннымъ возрастаніемъ способности къ отвлеченію, стремящемуся поставить на мѣсто антропоморфизированной природы природу, закономѣрно связанную и упорядоченную во всѣхъ своихъ частяхъ. Потребность въ строго каузальномъ сцепленіи фактовъ, въ сведеніи ихъ къ тѣмъ или другимъ конечнымъ началамъ, принципамъ, двигаетъ философскую мысль впередъ, вплоть до построенія міросозерцанія, выводящаго чувственныя явленія изъ факторовъ, недоступныхъ непосредственному опыту. Въ противоположность этимъ метафизическимъ усиліямъ, позитивизмъ пытается удержаться на точкѣ зрѣнія опыта, но тщетно, ибо данныя опыта, въ свою очередь, не могутъ быть безъ остатка сведены къ опыту.

Зато позитивизмъ вполне уместенъ въ наукѣ, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ ея дисциплинамъ. Здѣсь идеаломъ является возможно полное владѣніе эмпирическимъ міромъ, всѣмъ тѣмъ, что вообще поддается опыту, съ самымъ настойчивымъ устраненіемъ всѣхъ метафизическихъ понятій. Но долгое время такія понятія продолжаютъ господствовать въ наукѣ, привлекающей къ объясненію явленій природы всякаго рода «скрытыя качества», силы, потенціи, сущности. Еще въ болѣе раннія времена наука составляла только часть мифологіи, религіи. Вообще чисто-научное стремленіе не есть нѣчто изначальное, оно представляется явленіемъ вторичнымъ, развивающимся изъ практической потребности разобратъ, ориентироваться въ окружающей дѣйствительности. Познаніе служитъ сперва запросамъ жизни; біологическія потреб-

ности наводятъ на необходимость отыскивать свойства и причины вещей. Измѣреніе полей, алгарей и другіе расчеты являются слѣдствіями хозяйственныхъ условій, судоходства, религіи, на службѣ у которыхъ, стало-быть, возникаютъ начатки геометріи и астрономіи; къ этому присоединяются еще первыя свѣдѣнія о растеніяхъ, животныхъ и другихъ созданіяхъ природы, годныхъ для лѣченія болѣзней и потребленія, хотя проходитъ много времени, раньше чѣмъ возможно приступить къ планомѣрной исследовательской работѣ. Благодаря своей непрерывности, умственная дѣятельность становится уже «функциональной» потребностью, пробуждается любознательность, и наука, не порывая совершенно своихъ отношеній съ практической жизнью, выходитъ на путь самостоятельнаго развитія. Совершается постоянная дифференціація науки въ отдѣльныя дисциплины. Но великое разнообразіе научнаго матеріала временами вызываетъ необходимость въ объединеніи и сведеніи его въ одно цѣлое, такъ что философія, нѣкогда тѣсно связанная съ наукою какъ таковой, теперь всегда приходитъ на помощь отдѣльнымъ специальнымъ отраслямъ ея, какъ ихъ необходимое дополненіе и завершеніе. Философія, какъ самой общей наукѣ, надлежитъ также по возможности примирять возникающія между наукою и религіею противорѣчія.

Какъ интеллектуальная, такъ и эстетическая культура должна прежде всего отрѣшиться отъ своихъ тѣсныхъ отношеній къ «практической» жизни, дабы на болѣе высокой ступени, по достиженіи внутренней самостоятельности, оказывать вліяніе на прочую культуру и, въ свою очередь, извлекать изъ нея пищу. Но задатки къ эстетическому наслажденію и творчеству заключаются въ самой природѣ человѣка. У людей, какъ и у животныхъ, избытокъ силъ, односторонне или вовсе не примѣняемая въ серьезной жизни энергія организма или опредѣленныхъ органическихъ и психическихъ функцій (мускуловъ, чувствъ, фантазіи и т. д.), нуждается въ разряженіи, въ соответственнаго рода проявленіи. Такимъ образомъ нарождается фактъ игры, т.-е. отпращиваніе тѣхъ или другихъ дѣйствій исключительно ради доставляемаго ими же удовольствія. При этомъ упомянутыя дѣйствія оказываются, съ одной стороны, подражаніями, съ другой—упражненіемъ въ извѣстныхъ навыкахъ, приготовленіями на случай серьезной въ нихъ необходимости, чѣмъ объясняется высокое значеніе игры съ біологически-соціальной точки зрѣнія. Первоначально (у дикихъ народовъ постоянно) игры тѣсно примыкаютъ къ практической жизни, служа цѣлямъ возбужденія воинственныхъ и любовныхъ страстей, религіознаго оду-

шевленія, обрядоваго заклинанія и т. д., и принимая бѣльшею частью форму танцевъ, которые совершаются съ сопровожденіемъ болѣе или менѣе размѣреннаго шума и, вмѣстѣ съ тѣмъ, носятъ символическій, драматическій характеръ. Такимъ образомъ, танцы, музыка, поэзія заключаются въ «первобытномъ искусствѣ» еще въ нераздѣльномъ видѣ. Его формальный элементъ составляетъ ритмъ, облегчающее и ободряющее значеніе котораго сказывается въ примѣненіи къ работѣ (рабочія пѣсни). Другой формально-эстетическій элементъ, симметрія, подобно ритму, тоже предрѣшенъ свойствами человѣческаго организма и сознанія, но развивается онъ только въ связи съ практическими жизненными задачами и работами, а именно: при изготовленіи утвари, орудій и т. д. Мы уже знаемъ, что украшеніе собственнаго тѣла и стороннихъ предметовъ пластическими или физическими средствами также происходитъ изъ социальныхъ или религіозныхъ мотивовъ. И архитектура вначалѣ тѣсно связана съ культомъ умершихъ или ихъ духовъ (гробницы, храмы), причемъ вообще зодчество, живопись и пластика столь же долго сохраняютъ свои отношенія съ религіозною жизнью, какъ и музыка и всѣ прочія искусства. Извѣстно, что драма произошла изъ богослужебныхъ обрядовъ (діонисіи, мистеріи).

Высокое культурное значеніе искусства покоится, главнымъ образомъ, на томъ, что оно обогащаетъ и утончаетъ эмоциональную жизнь, освобождаетъ человѣческій духъ отъ бремени и тѣсноты обыденной дѣйствительности и подымаетъ его на вершину гармоническаго и самодовлѣющаго міросозерцанія, гдѣ все «слишкомъ человѣческое», згойстическое, грубое и низкое смолкаетъ. Искусство, благодаря возбуждаемому имъ «безкорыстному удовольствію», участвуетъ въ воспитаніи изъ человѣка существа, стремящагося къ культурѣ ради нея самой. Оно только не должно приводить къ изнѣженному, мягкотѣлому «эстетизму» и не должно оставаться привилегіей немногихъ; душа всего народа должна стать воспріимчивой для художественнаго наслажденія.

Гармоническое сочетаніе матеріальной и духовной культуры въ ея различныхъ формахъ создаетъ полноту культуры, идеаль всего культурнаго развитія.

ЧАСТЬ II.

Очерки развитія культуры.

§ 9. Доисторическое время. Произошло ли нынѣшнее человѣчество отъ одного или отъ нѣсколькихъ видовъ, гдѣ слѣдуетъ искать прародину человѣческаго рода, какія расы обитали въ Европѣ въ доисторическія времена и т. д., — все это вопросы, относящіеся къ области антропологии и первобытной исторіи. Последняя есть въ то же время исторія первоначальныхъ формъ культуры; дополняется она этнографіею, изображающею культуру народовъ дикихъ, нецивилизованныхъ. Наиболѣе важное о происхожденіи и первичныхъ формахъ культуры мы уже сообщили; на особенностяхъ культуры у дикихъ народовъ мы теперь останавливаться не будемъ; для того же, чтобы связать исторію культуры у цивилизованныхъ народовъ съ ея древнѣйшими фазами, необходимо дать краткій очеркъ послѣднихъ.

Періоды, на которые принято дѣлить первобытную исторію, конечно, не отдѣлены рѣзко другъ отъ друга; но и помимо этого она заключаетъ въ себѣ не мало неясностей и односторонностей въ подборѣ фактовъ и ихъ освѣщеніи. Впрочемъ, это нисколько не мѣшаетъ пользоваться обозначеніями: каменный вѣкъ, съ его подраздѣленіями на древнекаменную, среднекаменную и новокаменную (палеолитическую, месолитическую и неолитическую) эпохи, и металлическій вѣкъ, въ которомъ можно различать мѣдный, бронзовый и желѣзный періодъ.

Въ древнекаменную эпоху составъ культурныхъ благъ мало разнообразенъ. Въ Европѣ человѣкъ, повидимому, появляется впервые въ послѣдній «межледниковый» или въ послѣдній «ледниковый» періодъ. Орудіями ему служили куски дерева, кости и рога животныхъ, въ особенности же камни (преимущественно кремнь), изъ коихъ онъ, путемъ простого оббиванія, изготовлялъ себѣ ножи,

топоры, наконечники для копьевъ и т. д. Человѣкъ жилъ бродячимъ охотничьимъ бытомъ (охота на мамонта, оленя), обиталъ въ пещерахъ или подъ защитою скалъ. Среднекаменная эпоха обнаруживаетъ успѣхъ въ обработкѣ камней; замѣчаются слѣды обтачиванія и полированія ихъ; луки и стрѣлы, гарпуны, костяныя и роговыя иглы и т. д. обогащаютъ достояніе человѣка. Замѣтно стремленіе къ украшенію тѣла путемъ расписыванія его красками или съ помощью раковинъ и зубовъ хищныхъ звѣрей; предметы изъ рога, слоновой и другихъ костей съ разными узорами или изображеніями на нихъ также свидѣтельствуютъ о начаткахъ эстетической культуры. Человѣкъ живетъ отчасти въ шалашахъ, отчасти (по крайней мѣрѣ, зимою) въ пещерахъ. Это—вѣкъ сѣвернаго оленя. Однородной расы еще не существуетъ, рядомъ съ короткоголовыми находятся и длинноголовые. Но в о к а м е н н а я эпоха представляетъ собою періодъ по преимуществу «полированныхъ камней», т.-е. усовершенствованныхъ путемъ болѣе искуснаго обтачиванія и полированія каменныхъ орудій. Климатъ уже болѣе не суровый и холодный, а умѣренный; большіе хищные звѣри отступаютъ, зато встрѣчаются прирученныя животныя (волъ, коза, овца, собака и др.); воздѣлываются ячмень, пшеница и просо, и собираются древесныя плоды. Въ началѣ этого періода человѣкъ является еще кочевымъ звѣроловомъ и рыболовомъ; о бытѣ послѣднихъ, жителей морского побережья, мы узнаемъ изъ такъ называемыхъ кухонныхъ остатковъ, содержащихъ, кромѣ орудій, черепки, звѣриныя кости, раковины. Въ концѣ этого періода появляются свайныя постройки, которыя показываютъ намъ человѣка уже въ осѣдломъ состояніи, устраивающимъ себѣ постоянное жилище въ пещерахъ или въ шалашахъ надъ водою или на твердой почвѣ (террамары въ верхней Италіи). Обычай погребенія покойниковъ подтверждается существованіемъ разнообразныхъ могильныхъ сооружений (долменовъ, кургановъ и др.) изъ камней или въ видѣ земляныхъ насыпей; эти сооружения отчасти служили также религіознымъ цѣлямъ.

М е т а л л и ч е с к і й вѣкъ наступаетъ не вездѣ одновременно, и по наступленіи его еще долгое время продолжается обработка и употребленіе камня. Съ другой стороны, вѣроятно, довольно рано разные металлы входятъ въ употребленіе, такъ, на примѣръ, золото и желѣзо, въ качествѣ украшеній, еще до бронзоваго и желѣзнаго періода. Америкаискіе Mount-builders знали мѣдь раньше бронзы. Послѣдняя, по всей вѣроятности, проникла изъ Азіи и Египта въ Европу, гдѣ она стала распространяться по направленію съ юга на сѣверъ. Употребленіе металла имѣло своимъ послѣдствіемъ усовершенствованіе орудій: появляются кинжалы, мечи, шлемы, топоры, далѣе всякаго рода предметы украшенія, какъ кольца, иглы, обручи

и т. п. Формы ихъ становятся не только цѣлесообразнѣе, но и красивѣе. Желѣзные предметы появляются сперва въ Египтѣ и Ассиріи, позже—въ Европѣ, въ началѣ перваго тысячелѣтія до Р. Хр. Періоды «Hallstatt» и «La Tène» намъ хорошо извѣстны благодаря множеству находокъ въ видѣ различной утвари и орудій изъ желѣза и бронзы, доказывающихъ высокую ступень развитія, достигнутую промышленной работою въ отношеніи отдѣлки и прочности уже въ очень древнія времена.

I. Древнее время.

§ 10. Мексика и Перу (древнеамериканскія культуры). Культура этихъ странъ не была особенно древняго происхожденія, и ея процвѣтаніе относится даже лишь къ среднимъ вѣкамъ западно европейской исторіи, но ея своеобразный характеръ, тѣмъ не менѣе, даетъ полное основаніе причислить ее къ культурамъ древняго міра. Слѣды старыхъ культуръ найдены въ разныхъ мѣстахъ Америки: такъ, на примѣръ, разныхъ формъ могильныя сооруженія (mounds) въ Сѣверной Америкѣ, приписываемыя предкамъ нынѣшнихъ индѣйцевъ, далѣе, развалины и обломки старыхъ построекъ въ Колумбіи, Боливіи и во всей Центральной Америкѣ. Довольно значительной культурою обладало племя майовъ въ Юкатанѣ. Ихъ языкъ былъ весьма дифференцированъ; они имѣли письмена, благоустроенные города и т. д.

Высшую ступень развитія достигла изъ древнеамериканскихъ культуръ культура толтеко-ацтековъ въ Мексикѣ и инковъ въ Перу. Съ миролюбивымъ племенемъ толтековъ соединился пришедшій съ сѣвера народъ воинственныхъ ацтековъ, создавшихъ вмѣстѣ мексиканскую державу. Здѣсь возникла своего рода ленная система, обнимавшая рядъ вассальныхъ государствъ. Населеніе жило родовымъ бытомъ, такъ какъ и въ политическомъ отношеніи оно распадалось на родовые союзы. Во главѣ стоялъ выборный царь, сосредоточивавшій всю власть въ своихъ рукахъ и управлявшій съ помощью совѣта старѣйшинъ (родовладыкъ) и особаго класса чиновниковъ. Царь былъ прежде всего военачальникомъ: война считалась самымъ благороднымъ занятіемъ. Рабство порождалось войною или задолженностью. Земля была распредѣлена между родовыми союзами, царемъ и князьями.

Желѣзо не было извѣстно, металлы вообще мало употреблялись для орудій (обсидіанъ). Искусные въ обрабатывающей промышлен-

ности, мексиканцы создали рядъ важныхъ производствъ, особенно высоко стояли у нихъ гранильное искусство и золотыя издѣлія. Процвѣтали земледѣліе, горное производство, торговля; каналы, мосты, шоссеиныя дороги. почта и другія сооружеиія свидѣтельствуютъ о сравнительно высокомъ уровнѣ матеріальной культуры.

О духовной культурѣ мексиканцевъ можно судить по тому, что у нихъ было идеографическое письмо, были географическія карты, свѣдѣиія по астрономіи и богатая литература. Ихъ архитектура носитъ монументальный характеръ; замѣчательнымъ памятникомъ ея является усѣченная пирамида съ храмомъ на ея вершинѣ (Теокалли). Живопись и ваятельное искусство были тоже распространены, въ нихъ наблюдается склонность къ фантастическимъ и неестественнымъ образамъ.

Религія ацтековъ была политеизмомъ съ почитаніемъ, рядомъ съ богами-покровителями отдѣльныхъ родовъ, верховнаго божества Твицилопохтли, бывшаго, главнымъ образомъ, богомъ войны. Богомъ солнца былъ Теотль. Почитался еще Тецкатлипока, братъ бога войны, а кромѣ него еще рядъ демоновъ и герой Квепалькоатль, сказочный первосоздатель культуры. Культъ отличался жестокостью; человѣческія жертвы приносились въ большомъ количествѣ и при этомъ съѣдались самими жертвователями. Несмотря на это, нравы не были грубы, народъ не былъ лишенъ добродѣтелей, брачная и семейная жизнь была уиорядочена, не было униженнаго положенія женщины. Многочисленные жрецы вели своего рода монашескую жизнь.

Подданные инковъ въ Перу были мирнымъ народомъ. У нихъ господствовалъ теократическій строй, владыка (инка, сынъ солнца) былъ въ то же время и высшимъ жрецомъ. Соціально-экономическія отношенія покоились на своего рода коммунистическихъ началахъ, ибо земля періодически перераспредѣлялась между отдѣльными семьями; каждому обезпечивалось право на трудъ. Желѣзныхъ издѣлій не было, тѣмъ не менѣе, земледѣліе и промышленность процвѣтали; торговля происходила только въ видѣ внутренняго обмѣна. Строились большія шоссеиныя дороги, водопроводы, мосты, каналы. Роль письменъ играли такъ назыв. «квицу» (узловое письмо). Существовали зачатки астрономіи, мѣры и вѣсы. Храмы и другія зданія свидѣтельствуютъ о высокомъ развитіи зодчества; ваятельное искусство, также довольно значительное, обнаруживаетъ характерныя приемы творчества. Религія перуанцевъ сводилась преимущественно къ поклоненію солнцу; оно почиталось какъ существо божественное, а дѣти его, Манко Капакъ и Мама Оэлло, рассматривались какъ предки

ивковъ и насадители культуры. Сверхъ этого, чтллись еще духи и разныя животныя, представляя собою пережитки болѣе древняго и грубаго времени. Если культомъ и предусматривались человѣческія жертвы, то формы его, въ общемъ, были все-таки мягкія. Молитвы и возліянія составляютъ его главные элементы. Храмы существовали только для бога-солнца. Ему служили жрецы и дѣвы, обреченныя на безбрачіе; впрочемъ, исключеніе дѣлалось для царя, которому, какъ отпрыску солнца, онѣ могли предаваться; въ главныя супруги царь бралъ себѣ одну изъ своихъ сестеръ, дабы сохранить чистоту династіи. Сохранилась, между прочимъ, драма («Олланта») на языкѣ перуанцевъ (квика).

Вторженіе европейцевъ, во главѣ съ конквистадорами XVI вѣка, положило конецъ древнеамериканскимъ культурамъ. Рядъ сильныхъ своею культурою расъ былъ, такимъ образомъ, обреченъ на погибель, если не считать тѣхъ изъ ихъ остатковъ, которые смѣшались съ пришлыми европейцами.

§ 11. Китай и Японія. Восточно-азиатскія плоскогорія и степи служатъ мѣстопробываніемъ только для ряда кочевыхъ племенъ, не имѣющихъ сколько-нибудь значительной культуры. Обширныя и плодородныя рѣчныя долины Китая, наоборотъ, весьма благопріятствуютъ развитію культурной жизни, задерживаемой лишь замкнутостью страны и извѣстными расовыми качествами ея населенія, которыя, однако, могли быть имъ пріобрѣтены также лишь послѣ переселенія сюда. О культурѣ обитавшаго въ Китаѣ пранарода м і а о т с е мало что извѣстно. Китайцы въ подлинномъ смыслѣ скоро приспособились къ условіямъ страны, пожалуй, даже слишкомъ быстро, что, вѣроятно, и лишило ихъ возможности постояннаго и сколько-нибудь значительнаго прогресса. Но и въ Китаѣ, несомнѣнно, не можетъ быть рѣчи объ абсолютномъ застоѣ культуры, такъ какъ здѣсь съ теченіемъ времени было сдѣлано не мало новыхъ пріобрѣтеній. Но нельзя отрицать к о н с е р в а т и з м а китайскаго народа, чрезвычайную медленность его движенія впередъ и свойственное ему отвращеніе ко всему чужому. Склонность къ коснѣнію въ извѣстныхъ формахъ культуры и къ ихъ сведенію къ одной внѣшности, а также чрезмѣрный ф о р м а л и з м ъ въ дѣйствіяхъ и мысляхъ, безспорно существуютъ. Нѣтъ также инициативы широкаго размаха, несмотря на все прилежаніе, всю настойчивость и искусность въ обыденныхъ и мелкихъ дѣлахъ. Поражаетъ трезвость ума, характерно отсутствіе животворныхъ идей и идеаловъ. Отпечатокъ старчества лежитъ на этомъ народѣ; ему чужды всякіе живые, непосредственныя и мощныя порывы. Недостатокъ индивидуализаціи, слишкомъ большая однородность характеровъ и поведенія являются препятствіемъ для широкой культурной дифференціаціи.

Съ древнѣйшихъ временъ главнымъ занятіемъ было земледѣліе, находящееся въ большомъ почетѣ у населенія. Хотя плугъ и борона ббльшею частью и замѣняются мотыгою и граблею, плодородная почва все-таки въ достаточной мѣрѣ подвергается обработкѣ. На высокомъ уровнѣ, при всей своеобразности его веденія, стоитъ огородничество. Обрабатывающая промышленность, солидная въ деталяхъ, въ изготовленіи различныхъ предметовъ потребленія, можетъ теперь достигнуть большихъ техническихъ успѣховъ только съ помощью иноземнаго вліянія. Однако, это не мѣшало китайцамъ сдѣлать самостоятельно кое-какія изобрѣтенія: производство фаянса, бумаги, туши, книгопечатанія (съ XI вѣка также подвижныя литеры, которыя, однако, въ виду своей меньшей приспособленности къ китайскому языку, нежели деревянные палочки древняго времени, вскорѣ были опять изъяты изъ употребленія), очковъ, пороха, магнитной стрѣлки, бумажныхъ денегъ и др. Императорскій каналъ, китайская стѣна, благоустроенныя дороги и мосты служатъ показателемъ солидныхъ техническихъ знаній. Внутри страны господствуетъ преимущественно мѣновая торговля, на морскомъ побережьи нѣтъ недостатка въ крупныхъ торговыхъ фирмахъ; китаецъ, весьма дѣловитый и смелый, въ общемъ, однако, вполнѣ честный купецъ.

Государственное устройство Китая подходит къ типу патріархальной монархіи. Императоръ («сынъ неба») — неограниченный государь; онъ пользуется почти божескими почестями, но онъ обязанъ соблюдать законы и стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ строгимъ церемоніаломъ. Онъ является одновременно также носителемъ высшей духовной власти. Онъ тщательно изолируется отъ всякаго соприкосновенія съ народомъ, хотя и считается его «отцомъ». Императоръ издаетъ законы въ сотрудничествѣ со своими отвѣтственными министрами. Имѣются государственный совѣтъ, рядъ другихъ высшихъ учрежденій, какъ, на примѣръ, для иностранныхъ дѣлъ (тсунгліямень), далѣе, вице-короли, управляющіе отдѣльными провинціями имперіи; общинное самоуправленіе проведено весьма широко. Чиновники (куанъ; мандаринъ — слово португальское, заимствованное изъ Индіи) составляютъ единственный классъ благородныхъ; они раздѣляются на девять степеней, которыя различаются между собою внѣшнимъ образомъ, формою и цвѣтомъ шариковъ на головныхъ уборахъ; содержаніе чиновники получаютъ весьма небольшое, тѣмъ значительнѣе зато ихъ подкупность. Право отличается казуистическимъ характеромъ; въ немъ выступаетъ наружу господствующая въ Китаѣ система широкой чиновничьей опеки, но оно недостаточно рѣзко различаетъ

между моралью и правомъ въ собственномъ смыслѣ. Уголовное право очень жестоко; суровыя наказанія опредѣлены часто за довольно незначительныя проступки; допускается примѣненіе пытокъ. Рабство продолжаетъ существовать, хотя и въ меньшихъ противъ прежняго размѣрахъ. Частная земельная собственность, какъ и у другихъ народовъ, не была извѣстна въ древнія времена. Слѣдуетъ отмѣтить многочисленныя тайныя союзы, дѣятельность коихъ направлена отчасти противъ царствующей династіи (маньчжурско-татарской), отчасти противъ иностранцевъ («боксерскій союзъ»). Миротворивый складъ народнаго характера не благопріятствовалъ развитію военнаго искусства.

Патріархальное начало господствуетъ также въ общественной жизни. Отецъ—господинъ своей семьи, жена и дѣти обязаны ему безусловнымъ повиновеніемъ; онъ даже въ правѣ ихъ продать. Но, какъ мать, женщина пользуется большимъ уваженіемъ, и дѣти вообще съ чрезвычайной почительностью относятся къ своимъ родителямъ. Многоженство въ обычаѣ у богатыхъ людей. Китаецъ не знаетъ мѣры въ отношеніи правилъ приличія и формъ учтивости, особенно, если это касается людей, стоящихъ выше его. Къ главнымъ національнымъ добродѣтелямъ принадлежатъ семейное чувство, умѣренность, трудолюбіе и уваженіе къ старости. Нравы и обычаи китайцевъ во многомъ противоположны европейскимъ. Ограничимся слѣдующими указаніями: бѣлое какъ цвѣтъ скорби и печали, форма утвержденія и отрицанія, противоположная принятой у насъ, писаніе справа налево, ношеніе косъ мужчинами (съ XVII в.), уродованіе ногъ у женщинъ высшихъ классовъ и др.

Древняя религія китайцевъ сводится къ почитанію силъ природы и культу предковъ; послѣдній находится въ силѣ и по сейчасъ. Господствовалъ полидемонизмъ, населявшій всю природу духами. Верховнымъ божествомъ было небо (Тіань), рядомъ съ нимъ почиталась земля (Ти). Небо и земля, олицетворяющія собою творческое, мужское, и воспримчивое, женское, начала, причины всего сущаго. Среди духовъ, души умершихъ предковъ пользуются особеннымъ почетомъ, причемъ жреческія церемоніи совершаетъ въ своемъ домѣ самъ глава семьи. Самостоятельнаго класса жрецовъ не существовало. Вѣра въ безсмертіе души не дополнялась убѣжденіемъ въ воздаяніи по заслугамъ въ загробномъ мірѣ. Не одаренный сильной творческой фантазіею, народъ не создалъ настоящей мифологіи. Изображеній боговъ сперва вовсе не было. Религіозная реформа была проведена Конфуціемъ (551—478 до Р. Хр.). Его ученіе и по настоящее время является вѣрою образованнаго общества, государственной религіею. Божественному въ ней удѣлено мало мѣста;

главное значеніе прѣдается морали, добродѣтелямъ справедливости и челоѵколюбія и обезпеченію государственнаго блага. Конфуцій предполагалъ противодѣйствовать унадку нравственности изложенными имъ въ священныхъ книгахъ (кишгъ) моральными ученіями. На службѣ у государственной религіи имѣются храмы, свята мѣста, жреческія коллегіи. Противоположность раціонализму этой религіозной системы представляетъ собою болѣе спекулятивное ученіе Л а о т с е (VI в. до Р. Хр.), религія Тао. Въ основѣ всего міра лежитъ нѣкоторое высшее, безличное, свободное отъ какихъ-либо чувственныхъ качествъ, разумное существо, для познанія котораго требуется чистота и мистическое спокойствіе души. Эта религія выродилась въ послѣдствіи въ грубый полидемонизмъ и шаманизмъ. Проникшіи сюда изъ Индіи буддизмъ (называемый въ Китаѣ ученіемъ Фо) также превратился въ идолопоклоннической фетишизмъ. Въ сопровожденіи его появились многочисленныя монастыри, жрецы и нищенствующіе монахи, которыхъ пріютилъ у себя Китай во вредъ собственному духовному развитію. Буддизмъ исповѣдуется народными массами, но и сламъ имѣетъ большое число приверженцевъ; также проложило себѣ дорогу сюда христіанство, хотя и съ гораздо меньшимъ успѣхомъ. Существуетъ съ очень давнихъ поръ даже небольшая еврейская община. Вѣроисповѣдныхъ потрясеній Китай въ сущности не переживалъ, во многомъ различныя религіи приспособились другъ къ другу. Суевѣрія и внѣшняя обрядность болѣе доступны китайцу, нежели глубокое религіозное чувство.

Языкъ китайцевъ состоитъ изъ односложныхъ словъ; ему чужды и склоненіе и спряженіе. Письменность возникла изъ идеографическаго письма и изобилуетъ знаками. Литература очень богата, въ особенности энциклопедіями, нерѣдко чудовищныхъ размѣровъ, размѣщенными по многочисленнымъ книгохранилищамъ. Въ качественномъ отношеніи эта литература, правда, не занимаетъ высокаго положенія; недостатокъ индивидуальности и здѣсь весьма даетъ себя чувствовать. Расплывчатость и сухость изложенія и слабая методологическая спорность характеризуютъ научныя труды. Во главѣ литературы стоятъ классическія «книги», а именно: «Икингъ», содержащій неразгаданные пока знаки, «Шикингъ» и «Шукингъ», два сборника, принадлежащіе оба Конфуцію; изъ нихъ первый содержитъ въ себѣ старыя пѣсни, второй—указы и рѣчи государей и министровъ. Конфуціемъ написано еще историческое сочиненіе «Чунтсинъ», которое, подобно всѣмъ книгамъ изъ данной области, носитъ сухой лѣтописный характеръ. «Книга обычаевъ», «Лики», и понынѣ находится въ почетѣ. Л а о т с е составилъ «Таотекингъ»; особое сочиненіе посвящено поученіямъ философа Менгтсе (Менцій). Въ филологіи китайцами

кое-что сдѣлано; менѣе выдвинулись они въ естественныхъ наукахъ вслѣдствіе недостаточнаго пользованія экспериментальнымъ методомъ. Весьма обширна поэтическая литература. Несмотря на всю разсудочность, составляющую, въ общемъ, ея главный недостатокъ, у лучшихъ поэтовъ можно найти произведенія, не лишенныя красоты и вдумчивости; въ нихъ особенно проглядываетъ любовь къ природѣ. Наиболее выдающимися лириками были Туфу и Литайпе (VIII в.). Размѣръ и рима соблюдаются. Менѣе разработана драма, иногда, однако, возвышающаяся до удачной характеристики изображаемыхъ персонажей («Хоейланги» — «Мѣловой кругъ»). Въ многочисленныхъ романахъ проявляется реализмъ и даже грубый натурализмъ; наиболее извѣстенъ «Юкіаоли» («Двѣ кузины»). Умственный трудъ въ Китаѣ вообще очень цѣнится; ученые и чиновники составляютъ одно сословіе; только многочисленными испытаніями по части литературы открываются доступъ къ высшимъ должностямъ. Чрезвычайно популярны театральныя представленія. Что касается просвѣщенія, то существуетъ мало общественныхъ школъ, но зато очень въ ходу публичные экзамены. Имѣется академія наукъ, а съ нѣкоторыхъ поръ и университетъ.

Искусство китайцевъ отчасти находится въ тѣсной связи съ промышленностью и богослуженіемъ. Архитектура подверглась вліянію со стороны Индіи. Общеизвѣстны своеобразныя, во внутрь вогнутыя крыши храмовъ, а также колокольни (пагоды). Въ пластикѣ мало сдѣлано, хотя нѣтъ недостатка въ красивыхъ рѣзныхъ работахъ изъ слоновой кости, дерева и т. д. Живопись не знаетъ перспективы, правильнаго распредѣленія свѣтотѣней, но зато китайцы достигли своего рода мастерства въ писаніи по эмали и фаянсу. Не хватаетъ китайскому искусству во всей его совокупности идеалистическаго подъема и творческой силы, налагающихъ свою печать на всякую развитую художественную дѣятельность. Китайская музыка остановилась на очень низкой ступени; она не болѣе и не менѣе какъ ритмическій шумъ.

Первоначальное населеніе Японіи составляли айны. Сами японцы монгольскаго происхожденія; они переселились на острова съ материка Азіи, смѣшались затѣмъ съ элементами другихъ расъ. Ихъ культура въ болѣе раннее время зависитъ отъ китайской, тогда какъ за послѣдніе годы усиливающееся европейское вліяніе вызываетъ собою широкія преобразованія. Въ противоположность китайцамъ, японцы — храбрый и воинственный народъ. Они отличаются чистоплотностью, учтивостью и любезностью въ обхожденіи, извѣстной дѣтской наивностью и непринужденностью въ своихъ жизненныхъ проявленіяхъ, самолюбіемъ и жаждою знаній, большой умственной подвиж-

ностью, способностью къ быстрому, хотя и нѣсколько поверхностному усвоенію всего новаго и чужого. Японцы весьма различаются отъ китайцевъ по языку. Ихъ языкъ многосложный и агглютинирующий; онъ имѣетъ звуковой алфавитъ. Письменность представляетъ собою видоизмѣненіе китайскаго письма.

Ж и л и щ а японцевъ, подобно китайскимъ, представляютъ собою низкіе, деревянные дома весьма легкой постройки. З е м л е д ѣ л і е, рыболовство и промышленность составляютъ главнѣйшія отрасли труда. Благодаря дешевизнѣ сырья и низкой заработной платѣ, обусловливаемой скромными потребностями населенія, а также вслѣдствіе своей способности къ заимствованію иностранныхъ образцовъ, японцы являються очень серьезными конкурентами европейцевъ. Установившаяся-было въ XVI вѣкѣ, а затѣмъ, въ силу правительственнаго запрета, прерванная торговля съ Европою теперь сильно оживилась.

Теперь Японія представляетъ собою к о н с т и т у ц і о н н у ю монархію по европейскому образцу. Императоръ (микадо)—носитель высшей свѣтской и духовной власти. До этого господствовалъ ф е о д а л ь н ы й строй, слѣдовавшій, въ свою очередь, за періодами родового быта и бюрократическаго устройства. Тенно или микадо, бывшій первоначально верховнымъ жрецомъ, а также главнымъ военачальникомъ, ограничивался въ своей власти знатью (даймиосами). Микадо одно время даже сошелъ на степень номинальнаго государя, и вся дѣйствительная власть сосредоточивалась въ рукахъ шогуна (тайкуна). Послѣ продолжительной борьбы, микадо (въ 1867 г.) былъ возстановленъ въ своихъ правахъ, вслѣдъ за чѣмъ онъ даровалъ странѣ конституцію.

Древняя р е л и г і я японцевъ—шинтоизмъ, сводящійся къ поклоненію духамъ и культу предковъ. Среди многочисленныхъ духовъ (к а м и) высшее мѣсто принадлежитъ духу солнца. Эта народная вѣра имѣетъ своихъ жрецовъ и свои храмы. Образованные классы исповѣдуютъ ученіе Конфуція. Буддизмъ не различается рѣзко отъ религіи ками.

Японская л и т е р а т у р а пока малоизвѣстна. Выдающихся философовъ она не выдвинула; зато въ Японіи имѣется много солидныхъ ученыхъ. Л и р и к а съ давнихъ поръ привлекала къ себѣ большое вниманіе, точно также сказка, романъ и драма. Эпическихъ произведеній нѣтъ, какъ и въ Китаѣ. Ш к о л а устроена по европейскому образцу. Чрезвычайно развита художественная промышленность (работы изъ бронзы, слоновой кости и т. д.). А р х и т е к т у р а, сообразно съ условіями страны, мало развита; п л а с т и к а тоже стоитъ невысоко, хотя въ лѣпкѣ маленькихъ фигуръ достигается большое искусство. Ж и в о п и с ь походитъ

на китайскую, но не лишена и пѣкоторыхъ особенностей въ рисунокѣ и колоритѣ; послѣдній отличается большой мягкостью; въ отношеніи же рисунка замѣчается склонность къ каррикатурѣ (Хокусаи). Музыка стоитъ почти на томъ же низкомъ уровнѣ, что и у китайцевъ. Съ послѣдними японцы раздѣляютъ страсть къ театральнымъ представленіямъ, длѣющимся у нихъ очень долго, а также вообще ко всякаго рода празднествамъ. Сильно развито у японцевъ чувство природы (вишневый праздникъ).

§ 12. Ассиро-вавилонская культура. М е с о п о т а м і я, плодородная область между Евфратомъ и Тигромъ, пожалуй, древнѣйшій центръ культуры. Еще до заселенія этой равнины семитами здѣсь жилъ культурный народъ а к к а д о в ъ или с у м е р о в ъ, у котораго завоеватели много позаимствовали. Этотъ народъ былъ, вѣроятно, т у р а н с к а г о племени, стало-быть, принадлежалъ къ монгольской расѣ. Вавилоняне были въ основѣ семитами, но въ составѣ ихъ вошли затѣмъ элементы и другихъ расъ.

Могущественная вавилонская держава сложилась путемъ завоеваній изъ ряда самостоятельныхъ государствъ-городовъ. Во главѣ ея стоялъ царь, съ неограниченною властью бывшій также верховнымъ жрецомъ и опиравшійся на многочисленное чиновничество, принадлежавшее къ жреческому сословію. Юридическій бытъ былъ тщательно разработанъ, всѣ гражданско-правовыя отношенія подробнѣйшимъ образомъ регулированы, въ уголовномъ правѣ проводилась идея строгаго возмездія. Множество найденныхъ «контрактныхъ плитъ», а въ особенности открытіе законовъ, кодифицированныхъ царемъ Гаммураби (около 2300 до Р. Хр.) и обнаруживающихъ большое сходство съ еврейскими законами, свидѣтельствуютъ о заботливомъ вниманіи ко всѣмъ правовымъ явленіямъ.

Плодородіе почвы приглашало къ широкой обработкѣ; ея плодородіе значительно новышалось искусственной системою канализаціи. Промыслы и торговля процвѣтали; здѣсь впервые зародилась обработка металловъ, изготовлялись прекрасныя ткани, въ особенности ковры, производился оживленный обмѣнъ съ различными странами. Благосостояніе приводило къ роскоши и къ распутству, украшались безъ всякой мѣры самыми драгоценными вещами. Послѣдствіемъ этого сдѣлался страшный упадокъ нравственности и изнѣженность, упрочившіе за Вавилономъ самую дурную славу.

Р е л и г і я сумеровъ была полидемонизмомъ, связаннымъ съ шаманствомъ. Верховное божество называлось Эа. Вавилоняне собственную вѣру слили съ элементами указанной религіи, параллельно съ чѣмъ совершилась дифференціація верховныхъ боговъ въ новыя

божества по атрибутамъ, которые были присвоены первымъ, или по сословіямъ, которыми они чтились. Такимъ путемъ возникла цѣлая система божествъ, въ которой каждому богу противопоставлена была соотвѣтственная богиня. Поклонялись силамъ природы и звѣздамъ, олицетворяющимъ божественныя существа. Богомъ земли былъ Белъ (Илу), представляющій собою творческое начало, а богинею неба и, вмѣстѣ съ тѣмъ, олицетвореніемъ начала воспринимающаго—Белъ-тисъ или Милитта (Иштаръ). Богомъ неба былъ Ану, моря—Эа; божество солнца называлось Самасъ, луны—Синъ. Почитались еще другія мѣстныя божества и демоны. Процвѣтали у вавилонянъ сно толкователи и прорицатели, магія и астрологія. Въ храмахъ, обслуживаемыхъ жрецами, приносились жертвы, и совершались сладострастные обряды (проституція дѣвственницъ въ честь Милитты). Существовало сказаніе о сотвореніи міра, очень похожее на космогоническое ученіе евреевъ: повѣствуется о потопѣ, отъ котораго спасся только одинъ человекъ по имени Ксисутръ; на одномъ кирпичѣ, по видимому, изображено грѣхопаденіе; въ Библии только нѣтъ борьбы между добрымъ и злымъ началами, о которой сообщаетъ вавилонская мифологія.

Въ научномъ отношеніи вавилоняне приобрѣли много солидныхъ знаній. Ихъ письмо, клинопись, состояло первоначально изъ простыхъ черточекъ. Оно представляло собою нѣчто среднее между идеографическимъ и буквеннымъ письмомъ. Матеріаломъ при этомъ служили кирпичи или глиняныя плитки. Мѣры и вѣсы были установлены. Въ основѣ всѣхъ исчисленій лежала двѣнадцатиричная система, а число 60 считалось высшею единицею. Раздѣленіе круга на 60 градусовъ, градуса на 60 минутъ, минуты на секунды—вавилонскаго происхожденія, точно также какъ и принятое посейчасъ дѣленіе эклиптики на 12 частей. Рядомъ съ математикой болѣе всего разрабатывалась вообще астрономія, которою особенно прославились халдеи. Изъ поэтической литературы вавилонянъ и ассирійцевъ слѣдуетъ упомянуть вдохновенные религіозныя гимны, эпосъ о Нимродѣ и сказаніе о сошествіи въ адъ Иштары; существовали также басни изъ царства животныхъ. Характернымъ почти для всѣхъ семитическихъ народовъ является «параллелизмъ членовъ», выраженіе одной и той же мысли двумя предложеніями изъ разныхъ словъ.

Ассирио-вавилонское искусство, какъ азіатское (и египетское) искусство вообще, имѣетъ чисто-символическій характеръ. Оно скорѣе служитъ цѣлямъ воспроизведенія религіозныхъ и соціальныхъ формъ жизни. Чѣмъ вытекаетъ изъ чисто-эстетическихъ замысловъ; но въ архитектурѣ вавилонянами все-таки кое-что было сдѣлано.

Строили они изъ кирпичей или тесанныхъ камней; стѣны дворцовъ и храмовъ покрывались известнякомъ или алебастровыми плитами, живописью и орнаментами; поражаетъ благородная простота линий. Въ смыслѣ массивности и размѣровъ, строенія ничего не оставляютъ желать лучшаго. Толстыя обводныя стѣны, сильныя укрѣпленія, каменные мосты, многоэтажные дома, пышный царскій дворецъ, террасы съ знаменитыми «висячими садами», громадный храмъ Беля (700 метровъ въ окружности) съ 8 построеными другъ на другѣ башнями (нынѣ развалины Бирсъ-Нимрудъ) украшали собою Вавилонъ, первый крупный городской центръ, въ которомъ, еще до Рима и Александріи, царили самая пестрая жизнь и чрезвычайное движеніе. Скульптурныя произведенія по бѣльшей части слишкомъ тяжеловѣсны, безжизненны и шаблонны; мускулатура непропорціоноально велика; имѣются, однако, прекрасныя рельефы животныхъ. Оригинальны колоссальныя по размѣрамъ крылатыя русалки и львы съ человѣческими головами передъ входами въ дворцы и храмы. Скульптуры окрашивались въ разные цвѣта. Въ большинствѣ случаевъ сюжетами ихъ являются подвиги и жизнь царей во время войны, охоты и т. д. Очень развита была художественная промышленность, имѣлись великолѣпная мебель, оружіе, золотыя вещи, стеклянные и глиняные сосуды, ковры и т. п.

Многія утонченности жизни возникли только въ ассирійскомъ и ново-вавилонскомъ царствахъ. Ассирійцы имѣли приблизительно ту же религію, что и вавилоняне, но только главнымъ божествомъ они чтили своего племенного бога Ассура. Они были крайне воинственнымъ народомъ, отличались выдающимися военными качествами, но въ веденіи войны были суровы и жестоки. Въ послѣдствіи они вели очень пышную жизнь. Правительство было деспотичнымъ, существовала строгая іерархія придворныхъ и чиновничьихъ службъ. Многочисленные рабы и бѣдный людъ должны были нести тяжелыя повинности въ пользу царя и знати. Велико было различіе между роскошно обставленными жилищами богатыхъ и жалкими хижинами, въ которыхъ ютилась народная масса.

§ 13. Финикійцы. Финикійцы принадлежатъ къ семитическимъ племенамъ, населявшимъ древнюю Сирію. Ихъ языкъ очень похожъ на еврейскій. Положеніе страны на побережьѣ Средиземнаго моря привело къ развитію у нихъ мореплаванія и сдѣлало ихъ первымъ торговымъ народомъ древняго міра. Въ области промышленности лежитъ культурное значеніе этого небольшого народа, благодаря своимъ торговымъ сношеніямъ и широко раскинутымъ колоніямъ оказавшаго громадное вліяніе на другіе народы, въ особенности же на древне-европейскую культуру. Это былъ крайне подвижной и пред-

примчивый, настойчивый, хотя и далеко не идеально настроенный, безусловно практический народъ.

Въ отличіе отъ другихъ азіатскихъ странъ, Финикія представляла собою не деспотію, а федерацію государствъ - городовъ (Тиръ, Сидонъ и др.). Во главѣ ихъ стояли цари (въ колоніяхъ «суффеты»), власть которыхъ, однако, сильно ограничивалась жрецами, совѣтомъ знатныхъ и богатыхъ родовъ и народнымъ вѣчемъ. Поэтому эти государства-города носили скорѣе характеръ аристократическихъ или, вѣрнѣе, плутократическихъ республикъ. Существовала противоположность между старыми и новыми гражданами въ городахъ, а также между городомъ и деревнею; крестьянъ держали въ черномъ тѣлѣ, а участь рабовъ была еще тяжелѣе.

Религія финикійцевъ, подобно всѣмъ сирійскимъ народамъ, сводилась къ обоготворенію природы, носившему весьма чувствительный характеръ. Сущность ея—поклоненіе творящей и рожающей силѣ природы. Главнымъ богомъ былъ Вааль, олицетвореніе оплодотворяющаго солнца; мѣстными разновидностями были Вааль-Пеоръ, Вааль-Цеву и др. Рядомъ съ нимъ существовала Ваалтисъ (Ашеръ), начало воспринимающее, богиня любви. Богомъ разрушенія былъ Молохъ, изображаемый съ бычьей головой; ему соответствовало женское божество Астарты. Странствующее солнце воплощалось въ Мелькартъ, мѣстномъ богѣ-покровителѣ города Тира; онъ созидаетъ и разрушаетъ. Адонисъ означаетъ заходящее солнце. Морскимъ богомъ былъ Дагонъ. Культъ отмѣченъ отчасти жестокими (принесеніе человѣческихъ жертвъ въ честь Молоха и Астарты), отчасти чувственными чертами (проституція въ храмахъ, во славу богини Ваалтисъ). Религіозное значеніе имѣло также обрѣзаніе. Особый культъ былъ посвященъ семи кабирамъ (звѣздныя божества).

Занимались финикійцы рыболовствомъ, промышленностью, торговлею. Горное производство очень процвѣтало у нихъ; они были также прекрасными строителями, имѣли довольно большія суда и сдѣлались наставниками всѣхъ другихъ народовъ въ морскомъ искусствѣ. Производство стекла достигло большого совершенства; окраска тканей въ пурпуровый цвѣтъ была изобрѣтена въ Финикіи. Тутъ встрѣчаются первыя серебряныя деньги. Большіе результаты достигались въ обработкѣ металловъ, ткацкомъ производствѣ и рѣзныхъ работахъ. Первоначальная хищная торговля со временемъ переходитъ въ торговлю караванную и морскую, приведшую финикійцевъ къ востоку до Индіи, а къ западу въ Грецію, Италію, Испанію и даже къ Британскимъ островамъ и побережью Сѣвернаго моря.

Только съ возвышеніемъ Александріи Финикія окончательно утратила свое бывшее коммерческое значеніе.

П и с ь м о финикійцевъ, которое, можетъ-быть, изобрѣтено ими самими, или же заимствовано было изъ болѣе древней письменности, является прообразомъ греческой, а, стало-быть, и нашей азбуки. О финикійской литературѣ мы знаемъ немного. Существуетъ греческій переводъ одного описанія путешествія Г а н н о н а, достигшаго около 500 г. южной оконечности Африки. Искусство финикійцевъ мало оригинально; оно обнаруживаетъ вавилоно-египетское вліяніе. Будучи хорошими архитекторами, они сдѣлались строителями во всѣхъ семитическихъ государствахъ Сиріи (Г и р а м ь изъ Тира, строитель Іерусалимскаго храма). Сохранились развалины Ваалбека, Пальмиры, доказывающія, что финикійцы цѣнили роскошныя постройки. Драгоценныя украшенія и одѣянія составляли необходимую принадлежность пышнаго образа жизни богатыхъ финикійскихъ купцовъ.

§ 14. Евреи. Іудеи (евреи, израилиты) по языку и многимъ внѣшнимъ признакамъ принадлежатъ къ семитической расѣ. Но чистаго, однороднаго типа они собою не представляютъ, а образуютъ смѣсь семитическихъ съ арійскими и другими этнографическими элементами; смѣшенія происходили неоднократно съ древнѣйшихъ временъ. Замкнутость страны, Палестины, въ которой евреи сложились въ одинъ народъ, во всякомъ случаѣ, участвовала въ созданіи той исключительности, которою отмѣчена эта нація, и которая была окончательно развита ихъ религіею. Съ крайней настойчивостью воли и сильными практическими наклонностями въ евреѣ соединяется рационалистическій характеръ мышленія, не лишаящій его, однако, способности также къ интенсивнымъ и глубокимъ чувствамъ; мало-развита у него пластическая фантазія, чисто-эстетическое отношеніе къ окружающей природѣ. Непреходящее вліяніе евреи оказали на культурное развитіе своею религіею. Многое въ этой, какъ и въ другихъ областяхъ, они заимствовали извнѣ (преимущественно изъ Вавилона и Персіи), но въ дальнѣйшемъ разрабатывали все уже вполне самостоятельнымъ образомъ.

Въ древнѣйшія времена евреи вели кочевой образъ жизни, были скотоводами, но очень рано перешли къ земледѣлію, получившему у нихъ преобладаніе послѣ завоеванія Ханаана; культивировалось и виноградарство. Впослѣдствіи у нихъ процвѣтала и промышленность, особенно гончарное, металлургическое и ткацкое производства. Торговля была незначительна, оживившись немного лишь послѣ Д а в и д а и С о л о м о н а, и хорошимъ торговымъ народомъ евреи стали только въ изгнаніи. До изгнанія у нихъ были только нечекаенныя (серебряныя) деньги. Жилищами имъ сперва служили шалаши,

затѣмъ одноэтажные, съ плоскими крышами, дома съ внутренними дворами, причѣмъ богатые имѣли великолѣпные дворцы съ дорогими деревянными обшивками, коврами и т. д. по стѣнамъ. Кромѣ деревень, у нихъ было и нѣсколько небольшихъ, но хорошо укрѣпленныхъ городовъ. Одежда была простая; она состояла, главнымъ образомъ, изъ длиннаго одѣянiя съ короткими рукавами и накидки поверхъ его въ видѣ плаща. Богатые любили пурпуровыя одѣянiя. Носили повязки на головахъ, сандалии на ногахъ. Женщины закрывали лицо фатою, красились, любили драгоценности.

Семейное чувство было очень развито у евреевъ. Если женщина и находилась въ большомъ подчиненiи у мужа, то она все-таки занимала очень уважаемое положенiе, въ особенности какъ мать. Долгое время, преимущественно у богатыхъ, существовало многоженство. Старымъ обычаемъ, встрѣчающимся и у другихъ народовъ, былъ левиратъ. Деверь обязанъ былъ жениться на вдовѣ своего брата, если послѣднiй умиралъ бездѣтнымъ; этотъ обычай впоследствии исчезаетъ, онъ замѣняется выкупомъ. Письменнаго увѣдомленiя со стороны мужа было достаточно для развода. Въ семейной жизни соблюдалась чистота, хотя существовала и проституція. Отецъ имѣлъ неограниченную власть надъ дѣтьми, которыя были обязаны величайшимъ почтенiемъ въ отношенiи родителей.

Первоначально у евреевъ господствовала родовая организація. Поскольку патриархи не являются олицетворенiями того или другого колѣна, они представляютъ собою родовыхъ старѣйшинъ. Впоследствии мы встрѣчаемся съ рядомъ племенъ, состоящихъ изъ родовыхъ союзовъ; между отдѣльными племенами господствовала постоянная рознь, часто переходившая въ открытыя непрiязненныя отношенiя. Моисеемъ была установлена своего рода теократiя, по которой Богъ являлся дѣйствительнымъ владыкою народа. Отъ его имени правили священники, отчасти также «судьи» (шофты), бывшіе въ сущности военачальниками. Опасности, угрожавшія со стороны враждебныхъ народностей, привели къ болѣе тѣсному сплоченiю всѣхъ племенъ подъ властью царей, первымъ изъ коихъ былъ Саулъ. Только по возвращенiи изъ плѣна установились настоящiя iерархическiя формы правленiя; до этого происходили частыя пререканiя и столкновенiя между царскою властью и священствомъ. Строгая централизація въ государствѣ не была проведена; за отдѣльными общинами оставалась широкая автономiя. Рабство было послѣдствiемъ военнаго плѣна или задолженности, но участь рабовъ, особенно туземныхъ, была сравнительно нетяжелой. Послѣ семи лѣтъ они отпускались на волю, если только сами они не пред-

почитали остаться въ прежнемъ состояніи; предписывалось гуманное обращеніе съ чужестранцами.

Право, обычай и нравственность составляли у евреевъ одно нераздѣльное цѣлое. Все было подчинено религіозному началу. За религіозныя преступленія, особенно за идолопоклонство, налагались самыя тяжелыя кары. Возмущеніе противъ родителей тоже каралось смертною казнью. Право изъ «таліона» (возмездія) постепенно развилось въ болѣе мягкія формы; существовалъ обычай кровной мести, но были заповѣдныя мѣста, гдѣ могли скрываться лица, виновныя въ непреднамеренномъ убійствѣ. Позднѣйшее право имѣетъ очень много общаго съ вавилонскимъ законодательствомъ, либо восходя одинаково съ нимъ къ одному и тому же первоисточнику, либо оттого, что оно складывалось, особенно въ эпоху плѣненія, подъ непосредственнымъ вліяніемъ дѣйствующаго въ Вавилонѣ права. Не разрѣшалось взимать проценты за ссуды соотечественникамъ. Рядомъ со многими суровыми узаконеніями встрѣчаются весьма гуманныя предписанія, касающіяся бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ; очень строги были военные законы; жестокимъ надо считать проклятіе (такъ наз. херемъ), объявляемое цѣлымъ непріятельскимъ селеніемъ. Очень высоко чтились добродѣтели справедливости, преданности и вѣрности—особенно національному божеству, но также и всѣмъ отечественнымъ установленіямъ. Ради этого часто совершались подвиги величайшаго самопожертвованія. Тягостно и даже пагубно должна была вліять чрезмѣрная регламентація жизни, не исключая самыхъ ничтожныхъ поступковъ, опирающимся на божественный авторитетъ «закономъ». Правосудіе отиралялось до установленія царской власти мѣстными судьями и священниками; слушались дѣла гласно, допускались свидѣтельскія показанія и присяга.

Монотеизмъ евреевъ—продуктъ продолжительнаго развитія, а вовсе не нѣчто имъ прирожденное, самобытное. Вначалѣ іудеи имѣли такую же религію, какъ и всѣ семитическіе народы, отъ идолопоклонства они вполне освободились лишь очень поздно. Раскопки послѣдняго времени обнаружили, что во многихъ домахъ во Палестинѣ находились «домовые», боги-покровители домашняго очага (терафиммы). Первоначальный политеизмъ перешелъ сперва въ своего рода теизмъ, въ возвеличеніе племенного бога Эла, Элогима, Іеговы въ единое верховное божество, не утратившее, однако, никогда своей тѣсной связи съ «избраннымъ» народомъ іудейскимъ. Богъ іудеевъ представляетъ собою какъ бы идеализированнаго патріарха, но отечески пекущагося о своихъ чадахъ, имъ всячески помогающаго и содѣйствующаго, но за нарушеніе «союза» привлекающаго ихъ также къ строгому отвѣту. Такой богъ внушаетъ къ себѣ страхъ и благо-

говѣніе; но и любовь къ Богу стала для іудеевъ важнымъ принципомъ, и въ этомъ отношеніи они отличались отъ христіанства только въ степени, хотя и далеко не въ столь большой, какъ это обыкновенно предполагается. Слѣдуетъ именно различать извѣстныя фазы въ религіозномъ развитіи этого народа—отъ первоначальнаго натурализма, при которомъ совершались еще человѣческія жертвы, до очищенной отъ всѣхъ грубо-чувственныхъ элементовъ вѣры пророковъ. Извѣстная матеріализація культа наступаетъ только по возвращеніи евреевъ изъ плѣна вслѣдствіе установленія чрезмѣрно большого числа завѣтовъ и запретовъ (Ездра, Неемія). Но евреи неотступно считали себя Богомъ избраннымъ, святымъ народомъ, предназначеннымъ принести остальнымъ народамъ свѣтъ и благодать религіознаго познанія. Отсюда ревностныя заботы о сохраненіи старой вѣры, предохраненіе отъ всего, могущаго нарушить ея чистоту, путемъ законовъ о бракъ и пищѣ и другихъ ритуальныхъ предписаній. Богослуженіе первоначально отправлялось на горныхъ вершинахъ; остались слѣды распространеннаго прежде поклоненія камнямъ. Впослѣдствіи существовали храмы, а въ нихъ святая святыхъ съ ковчегомъ завѣта. Извѣстны различныя торжества, предписаніе освященія субботы, установленіе «юбилейнаго года», обычай обрѣзанія, выкупъ права первородства и т. д. Низшія священническія функціи исполняли левиты; во главѣ священства находился первосвященникъ. Независимо отъ нихъ выступали пророки, проповѣдая, увѣщевая и реформируя; были настоящія школы пророковъ. Специальному служенію Богу посвящали себя отдѣльныя лица, такъ называемые назирь, принятіемъ на себя всякаго рода лишеній. Въ дальнѣйшемъ образовалось нѣсколько сектъ: фарисеи, строгіе охранители закона, доходящіе часто до фанатизма, а иногда и явнаго ханжества; садукееи, отвергавшіе устное преданіе и вѣру въ воскресеніе и склонявшіеся къ индифферентизму; ессеи, ведшіе своего рода монашескую жизнь; на нихъ походили терапевты въ Египтѣ. Монотеизмъ, становясь все болѣе и болѣе абстрактнымъ, препятствовалъ развитію міѳологіи; зачатки таковой заключаютъ въ себѣ сказанія о сотвореніи міра, о раѣ и грѣхопаденіи. Воля Божья—источникъ всякаго бытія, всѣ вещи—Божьи творенія, а не эманации или частицы божества (дуализмъ между Богомъ и народомъ). Въ сказаніи о грѣхопаденіи вѣра въ абсолютную свободу воли рѣзко выступаетъ наружу. Вѣра въ ангеловъ и сатану (въ книгѣ Іова) сложилась подъ вліяніемъ персовъ. Болѣе поздняго происхожденія—вѣра въ бессмертіе. Тогда какъ талмудическое іудейство, созданное раввинами, представляетъ собою казуистически-нормативную религію, у современныхъ евреевъ замѣчается стремленіе придать своей вѣрѣ болѣе свободный, менѣе ограниченный въ національномъ отношеніи характеръ

Въ области науки древніе евреи не сдѣлали ничего, заслуживающаго упоминенія. Религіозная мысль подчинила себѣ всѣ остальные отрасли умственной дѣятельности. Но въ самихъ религіозныхъ писаніяхъ можно найти много научныхъ свѣдѣній о явленіяхъ природы, болѣзняхъ и т. д., особенно же обстоятельнѣйшее во многихъ отношеніяхъ историческое повѣствованіе, не отдѣляемое, правда, отъ мифологіи и преданія. До самостоятельной философіи дѣло въ Палестинѣ не дошло, ее замѣняло богословіе. Старо-еврейскій языкъ со времени вавилонскаго плѣненія сталъ уступать мѣсто новому, смѣшанному нарѣчію изъ еврейскихъ, халдейскихъ и сирійскихъ элементовъ. Въ письменности первоначально не употреблялись особые знаки для начертанія гласныхъ. Такъ называемое квадратное письмо—продуктъ болѣе поздняго времени.

Поэзія тѣсно переплетается съ религіею; у нея и у исторіи она заимствуетъ свои сюжеты. Рядомъ съ простою, безыскусственной рѣчью, языкъ часто подымается до изложенія, полного жизни, пламеннаго вдохновенія и удивительной образности. Настоящаго эпоса нѣтъ, но библія отчасти сама эпическаго характера. Ветхій Завѣтъ является продуктомъ неоднократныхъ переработокъ, въ основѣ коихъ лежатъ старыя традиціи, и законченъ онъ былъ, вѣроятно, не раньше II вѣка до Р. Хр.; существенныя измѣненія въ него внесены Ездру и др. послѣ вавилонскаго плѣненія. Небольшаго размѣра сказанія о Руфи, Іонѣ, Даніилѣ и Эсеири. Чрезвычайная интенсивность чувствъ сказывается въ лирикѣ псалмовъ и въ пѣснѣ Соломона. Прославленіе Бога—главный мотивъ поэзіи; природа только постольку привлекаетъ къ себѣ вниманіе, поскольку она отражаетъ въ себѣ всемогущество Бога; настоящаго чувства природы нѣтъ вовсе. Дидактическій характеръ носятъ отчасти жгучія рѣчи пророковъ, далѣе, притчи Соломона, Кохелетъ (послѣднее писаніе проникнуто большимъ пессимизмомъ, находящимся въ контрастѣ съ оптимизмомъ, въ общемъ присущимъ евреямъ въ значительной степени); слѣды такого пессимизма замѣтны и въ подернутой драматизмомъ книгѣ Іова, хотя оптимистическіе элементы все-таки преобладаютъ. Драмы въ настоящемъ смыслѣ слова вовсе отсутствуютъ. «Параллелизмъ членовъ» свойственъ и еврейской поэзіи.

Изъ остальныхъ искусствъ усиленно занимались одною музыкою. Архитектура (царскія могилы) была несамостоятельна; пластика не могла успѣшно развиваться вслѣдствіе запрещенія изображеній религіею; то же самое надо сказать относительно живописи. Нѣтъ, однако, недостатка въ скульптурахъ, воспроизводящихъ растенія и животныхъ. Послѣ разсѣянія евреевъ среди нихъ выдвинулись многіе выдающіеся художники, философы и ученые.

§ 15. Египтяне. Египетъ (Кеми—«черная страна») былъ, по извѣстному выраженію Геродота, даромъ Нила. Окруженная пустынями и горными цѣпями, эта страна обязана названной рѣкѣ плодородіемъ, благодаря которому здѣсь уже въ очень отдаленныя времена могла возникнуть развитая и сложная культура. Климатическія и почвенныя условія настолько мѣняются въ зависимости отъ времени года, что отдѣльныя стадіи ихъ состоянія находятся между собою въ самомъ рѣзкомъ контрастѣ, въ особенности весенняя засуха съ плодоноснымъ иломъ, оставляемымъ на почвѣ каждое лѣто послѣ разлива, и цвѣтущими культурами, покрывающими осенью всю поверхность страны. Природа страны имѣла важное вліяніе на всю культуру древнихъ египтянъ. Зависимость людей отъ силъ природы, противоположность жизни и смерти, правильность явленій, замкнутость страны,—все это сказывается въ религіи и жизни египтянъ. Энергія, самосознаніе, враждебное отношеніе къ чужимъ, невоинственный характеръ, серьезный и трезвый взглядъ на жизнь, чрезвычайно практической складъ ума, неподвижность бытовыхъ формъ характеризуютъ древнеегипетскій народъ. Неосновательно раздѣляемое многими мнѣніе, будто египтяне, потомками коихъ являются нынѣшніе копты, принадлежали къ расѣ негровъ. Египтяне, напротивъ, хамиты, т.-е. родственное семитамъ племя кавказской расы, пришедшее изъ Азіи въ Африку и тутъ отчасти смѣшавшееся съ неграми. Языкъ тоже роднитъ ихъ съ семитами.

Главнымъ ихъ занятіемъ было земледѣліе, но занимались они усиленно также скотоводствомъ. Очень развиты были разныя отрасли ремесленнаго труда, особенно выдѣлялись ткачество, вышиванье и красильное искусство. Выдѣлялись прекрасная утварь, деревянная и металлическая мебель, стеклянная посуда, разныхъ формъ украшенія и туалетныя принадлежности, музыкальные инструменты, колесницы и др. Производилась живленная торговля, хотя долгое время преимущественно чрезъ посредство иностранцевъ (финикіянъ и др.), и съ другими странами (Эѳіопією, Аравією, Индією и т. д.). Египтяне были очень искусны въ сооруженіи плотинъ, шлюзовъ, каналовъ и т. п.

Изъ нѣсколькихъ удѣльныхъ княжествъ сложилось, въ концѣ концовъ, единое, централизованное государство съ монархическимъ-деспотическимъ устройствомъ. Царь (нераа, фараонъ=высокая порта) считался сыномъ и представителемъ божества (бога солнца); въ то же время онъ былъ его первосвященникомъ. Строгий этикетъ устанавливалъ большое разстояніе между царемъ и народомъ; царь былъ господиномъ надъ жизнью и имуществомъ подданныхъ. Царская власть

ограничивалась только жрецами, при этомъ, главнымъ образомъ, составленнымъ изъ нихъ высшимъ судомъ (изъ 30 членовъ) съ письменнымъ дѣлопроизводствомъ. Правосудіе было вообще очень благоустроено. Содержался громадный штатъ придворныхъ и государственныхъ чиновъ, образующихъ настоящую бюрократію; страна раздѣлялась на административные округа (номы), во главѣ которыхъ поставлены были управители (номархи). Кастъ не существовало, но были сословія, строго раздѣленные между собою различіемъ профессій; самыми знатными были жрецы и воины. Большая часть земель принадлежала царю, жрецамъ и знати; крестьяне находились въ крѣпостной зависимости. Было множество рабовъ, и только громаднымъ количествомъ несвободныхъ рабочихъ силъ объясняется возможность гигантскихъ сооружений, созданныхъ египтянами съ помощью сравнительно очень примитивныхъ техническихъ приспособленій. Семейная жизнь отличалась большою чистотою; несмотря на многоженство женщина занимала почетное положеніе. Существовала тѣсная общественная жизнь, имѣвшая большое сходство съ свѣтскимъ обиходомъ нашего времени. Сильно развита была страсть къ зрѣлищамъ (бой быковъ и др.). Одежда была простая и состояла въ первыя времена изъ простой повязки вокругъ бедеръ. Мужчины носили искусственныя, книзу заостренныя бородки (эспаньолки); были въ употребленіи также парики.

Религія оказывала большое вліяніе на жизнь египтянъ во всей ея совокупности. Слѣды первоначальнаго полидемонизма и обоготворенія животныхъ сохранились еще впоследствии. Полезныя и вредныя силы природы олицетворялись, признавалось множество мѣстныхъ боговъ, и благодаря разложенію единыхъ божествъ на большее число и, наоборотъ, сліянію многихъ образовъ въ одинъ, въ концѣ концовъ, создавалась крайне запутанная система или генеалогія боговъ. Главными божествами считались: Пта (богъ г. Мемфиса), божество свѣта и огня, создатель міра; Ра (богъ г. Она), божество солнца, наиболѣе почитаемое; Аммонъ (богъ г. Фивъ), впоследствии слившійся съ Ра въ Аммонъ-Ра; Тотъ (богъ науки и искусствъ); Анубисъ, богъ смерти; Нейта (богиня г. Саисъ); Гатора, богиня любви. Противоположность дня и ночи, благодѣтельной и разрушительной природы воплощалась въ мифахъ объ Изидѣ, Озирисѣ, Горѣ и Сетѣ (Тифонѣ). Послѣдніе были дѣтьми божественной четы Себа и Нуты (небо). Сказанія объ умерщвленіи верховнаго бога Озириса Сетомъ, о нахожденіи его тѣла сестрою и супругою Озириса, Изидою, о мщеніи сына обоихъ, Гора (юнаго, восходящаго солнца), убіицѣ отца, о воскрешеніи и господствѣ Озириса въ подземномъ

мірѣ воспроизводятъ, главнымъ образомъ, смѣну явленій природы, хотя содержатъ въ себѣ также этические элементы въ видѣ противоположенія добра и зла. Поклонялись еще полезнымъ и вреднымъ животнымъ и растеніямъ, посвящаемымъ опредѣленнымъ божествамъ, которыя, въ свою очередь, часто изображались съ звѣриными головами. Особенно почитался быкъ Аписъ, посвящаемый богу Пта. Онъ долженъ былъ быть черной масти, съ бѣлымъ пятномъ на лбу. Священными считались также кошка, крокодилъ, ибисъ и др. Въ болѣе позднее время среди жрецовъ образовался своего рода монотеизмъ, основанный на той мысли, что различныя божества суть только формы одного и того же бога. Царь Хуенатенъ помышлялъ даже о возведеніи монотеистическаго ученія въ государственную религію, что, однако, ему не удалось. Культъ отличался торжественностью и благолѣпіемъ; онъ состоялъ изъ жертвоприношеній, молитвъ и процессій; совершались паломничества, дѣйствовали многія прорицалища, пользовавшіяся большимъ почетомъ. Жрецы распадалась на нѣсколько классовъ, они были освобождены отъ налоговъ и часто исполняли обязанности государственныхъ чиновниковъ. Вѣрили въ загробную жизнь души въ подземномъ царствѣ, точно также какъ и въ происходящій тамъ судъ надъ умершими, какимъ онъ представленъ въ «книгѣ мертвыхъ». Съ вѣрою въ безсмертіе связанъ обычай бальзамированія и мумификаціи покойниковъ. Человѣка представляли состоящимъ изъ тѣла, жизненнаго начала (ба) и духа (ка). Жрецами примѣнялись заклинанія и магія.

Изъ чисто-изобразительнаго письма развились прежде всего іероглифы, представлявшіе собою смѣсь письменъ изобразительныхъ, символическихъ и буквенныхъ. Впослѣдствіи эти знаки были укорочены, преобразившись въ іератическія, а затѣмъ, особенно въ интересахъ торговли, и въ демотическія или народныя письмена. Іероглифами покрыты стѣны храмовъ и дворцовъ, саркофаги и многіе другіе предметы. Писали египтяне на папирусѣ, и притомъ очень много, отчего «дисцы» находились у нихъ въ большомъ почетѣ. Науки разрабатывались весьма усердно и отчасти съ большимъ усиліемъ, главнымъ образомъ, жрецами. Практическія потребности, какъ межеваніе полей, сооруженіе храмовъ, пирамидъ и т. д., вызвали сравнительно высокое состояніе математики, геометріи и ариѳметики, а также астрономіи; господствовала десятичная система. У египтянъ былъ солнечный годъ въ 12 мѣсяцевъ по 30 дней съ 5 добавочными днями; недѣля обнимала сперва 10, а затѣмъ 7 дней. Кромѣ солнца и луны, они знали 5 планетъ, точно также какъ и зодіакъ; астрологія была въ широкомъ употребленіи. Имѣлись географическія карты и топографическіе планы и не мало естественно-истори-

ческихъ познаній. Медицина, въ которой подвизались жрецы, была довольно хорошо разработана, въ связи съ заботою о покойникахъ (бальзамированіе, вскрытіе и т. д.); существовали даже врачи-спеціалисты, имѣлись аптеки. Въ техникѣ было достигнуто большое искусство, какъ объ этомъ свидѣтельствуеетъ обширная гидравлическая система, раскинутая по всей странѣ, или искусственное Меридово озеро, а также разнаго рода гигантскія сооруженія другого назначенія, напримѣръ, крѣпости и пр. Производились химическіе опыты. Народное образованіе стояло на высокомъ уровнѣ: грамотность, умѣнье читать и писать было широко распространено. Школы для юношества знатныхъ семей находились подъ руководствомъ жрецовъ. Существовали богатыя библіотеки, изъ коихъ самая знаменитая—Александрійская.

Изъ религіозной и научной литературы можно упомянуть «книгу мертвыхъ» (Туринскій папирусъ) и медицинскій папирусъ Эберса. Въ большомъ фаворѣ находилась дидактическая поэзія; въ общемъ же литература испытывала на себѣ вліяніе религіи. Религіозныя гимны свидѣлствуютъ о возвышенности представленій, но изложеніе ихъ напыщенное и темное; примѣняется «параллелизмъ членовъ». Очень милы сказки. Особою извѣстностью, какъ поэтъ, повидимому, пользовался Пентаврѣ.

Архитектура египетская стильна и серьезно-величава, но лишена подъема и живого развитія. Возводили много громаднхъ сооружений на службѣ у религіи, поглощавшихъ часто десятки лѣтъ и тысячи человѣческихъ силъ. Обращаютъ на себя вниманіе прежде всего гробницы. Изъ нихъ склепы для знатныхъ людей устраивались въ пещерахъ (напримѣръ, у м. Бени-Гассанъ), а царскія усыпальницы сооружались въ видѣ колоссальныхъ пирамидъ (самая большая и древняя близъ м. Гизѣ); внутри послѣднихъ находится палата съ саркофагомъ царя. Существовали цѣлыя «города мертвыхъ». Лабиринтъ, состоящій изъ безчисленнаго множества над- и подземныхъ помѣщеній, былъ гигантскимъ сооруженіемъ, наполовину храмъ, наполовину дворецъ; храмы и дворцы въ Египтѣ часто соединялись вмѣстѣ, такъ какъ царь считался въ то же время божьимъ сыномъ и жрецомъ. Извѣстенъ оригинальный стиль египетскаго храма съ наклоненными наружу стѣнами, обелисками, пилонами, портиками, живописными украшеніями и со «святилищемъ», въ которомъ устанавливалось изображеніе самого бога; къ храму, убранство котораго становилось со временемъ все великолѣпнѣе (въ періодъ новаго царства), вела аллея изъ сфинксовъ. Колонны и орнаментика характеризуются стилизаціею растительныхъ мотивовъ (капитель въ формѣ лотоса, колонный стержень на подобіе папируса и др.; оригинальна капитель Гаторы, назы-

вающаяся такъ потому, что о главіе колонны составляютъ голова указанной богини). Въ скульптурѣ замѣтенъ, страннымъ образомъ, шагъ назадъ отъ болѣе древнихъ живыхъ, реалистическихъ формъ къ неподвижнымъ образамъ съ застывшимъ выраженіемъ лица позднѣйшаго времени. Пластика почти цѣликомъ находится на службѣ у архитектуры. Величавое, хотя и крайне холодное впечатлѣніе производятъ статуи царей и боговъ изъ гранита и діорита, далекія отъ всякаго идеализма и, тѣмъ не менѣе, чуждыя индивидуальности. Зато имѣются прекрасные рельефы съ изображеніемъ военныхъ сценъ, животныхъ и др., далѣе, статуи, отмѣченныя истиннымъ реализмомъ, какъ, на примѣръ, «писецъ», «деревенскій староста». Изъ сфинксовъ, львиныхъ тѣлъ съ человѣческой головой, наибольшей стоитъ у мѣстечка Гизэ. Статуи и рельефы часто окрашивались (рельефъ en creux). Перспектива не соблюдалась; нѣтъ также свѣтотѣней; извѣстно положеніе фигуръ: голова изображена въ профилъ, туловище представлено съ лицевой стороны, а ноги въ полуоборотъ. Важны въ культурно-историческомъ отношеніи многочисленныя и подчасъ очень характерныя воспроизведенія сценъ изъ общественной и частной жизни. Къ области художественной промышленности относятся различные предметы украшенія, домашняя утварь и т. д., часто весьма изящной работы.

§ 16. Индія. Первоначально, до выступленія древняго культурнаго народа индусовъ, въ Передней Индіи обитали темнокожія племена дравидовъ, еще посейчасъ живущія на плоскогоріи Деканъ; они образуютъ особую семью въ отношеніи языка, ихъ расовая принадлежность еще не опредѣлена съ точностью, а стоятъ они на уровнѣ первобытной культуры. Они были лишены обладанія землею около 2000 г. до Р. Хр. переселившимся сюда народомъ аріійцевъ (т.-е. «благородныхъ»), а потомъ стали низшей кастою въ странѣ. Произошли смѣшенія аріійцевъ (въ узкомъ смыслѣ) съ дравидами.

Праарійскій народъ (предки индоевропейскихъ народовъ) имѣлъ своимъ центромъ, можетъ-быть, восточную или сѣверную Европу, откуда, раздѣлившись на племена, расселился въ разныя стороны. Онъ жилъ вдалекѣ отъ моря, кочевымъ бытомъ, занимался скотоводствомъ, обладалъ натуралистическою религіею и здоровыми, хотя и очень варварскими нравами. Часть этого народа пришла въ Пенджабъ, гдѣ произошло раздѣленіе на двѣ вѣтви—иранцевъ и индусовъ. Послѣдніе перешли въ долину Ганга къ осѣдлому быту, стали воздѣлывать землю и заниматься промыслами, испытавъ на новыхъ мѣстахъ, подъ вліяніемъ новой внѣшней среды, коренную перемѣну въ своемъ расовомъ характерѣ. Тропическій зной и сырость, богатѣйшая фауна и флора, подавляющія своею величавостью явленія природы, плодородіе почвы, дающей обильныя жатвы

почти безъ приложенія труда,—все это въ связи съ послѣдствіями религіозной и соціальной организаціи превратило жизнерадостное и полное энергіи племя въ равнодушный, вялый, косный, преданный чувственнымъ страстямъ народъ. Характернымъ для индусовъ является то, что они живутъ преимущественно фантазіею, питаемой самой природою страны и дающей богатые и пышные цвѣтки, затѣмъ, вытекающее изъ этого отсутствіе всякой мѣры и гармоніи, наконецъ, чрезвычайная любовь къ природѣ.

Древняя Индія не представляла собою единого централизованнаго государства, а группу довольно независимыхъ другъ отъ друга княжествъ, сохранившихъ въ своемъ устройствѣ отчасти начала родового быта. Расчлененіе народа на касты (инд. *Varna*—нѣм. *Farbe*—цвѣтъ, масть, краска) произошло уже позднѣе, какъ слѣдствіе покоренія неарійскаго и арійскаго населенія подвигающимися впередъ племенами съ одной и раздѣленія труда съ другой стороны. Высшими кастами были воины (кшатрии) и жрецы (браманы); за ними слѣдовали земледѣльцы и ремесленники (вайши), а низшую ступень занимали слуга-рабочіе неарійскаго происхожденія (шудры); въ кастовыхъ организаціяхъ были поставлены презрѣныя парии. Въ теченіе времени возникло множество промежуточныхъ кастъ. Для кастъ разныхъ ранговъ дѣйствовали строгія воспрещенія насчетъ вступленія въ бракъ ихъ членовъ между собою. Семейная жизнь отличалась большою чистотою; у имущихъ классовъ было принято многоженство. Женщина пользовалась высокимъ уваженіемъ; проституція, однако, была весьма распространена, особенно на почвѣ культа, на которой ей предавались баядерки, не подвергаемыя за это никакому осужденію со стороны общества. Сожженіе вдовъ вошло въ обычай только впоследствии. Правовой бытъ въ значительной степени зависѣлъ отъ религіи (законы Ману); примѣнялись клятва и божій судъ. Добродѣтелями почитались, главнымъ образомъ, вѣрность, честность и правдивость. Пестрота одежды и другія явленія свидѣтельствуютъ о страсти наряжаться. Высокое положеніе занимала промышленность; особенное искусство было достигнуто въ металлическихъ и ткацкихъ работахъ. Были устроены улицы, каналы, мосты, существовали великолѣпные города. Въ Индіи (какъ и въ Египтѣ) мы встрѣчаемъ нѣчто въ родѣ цеховъ. Производилась торговля въ формѣ какъ внутренняго, такъ и заграничнаго обмѣна.

Аріійская «прарелигія» заключалась въ поклоненіи природѣ сперва на политеистической основѣ, а затѣмъ съ наклономъ въ сторону монотеизма. Свѣтъ, воздухъ, огонь, вода и т. д. олице-

творяютъ собою особыя божества; таковыхъ насчитывалось 33, распределенныхъ по тремъ группамъ или сферамъ (небо, земля, атмосфера). Национальнымъ богомъ индійскихъ аріевъ сталъ богъ неба, Индра; рядомъ съ нимъ поклонялись особенно богу огня, Агни, Варунѣ, Вишну, Рудрѣ, Асвину. Вмѣстѣ съ тѣмъ, существовалъ культъ предковъ, исходящій изъ вѣры въ безсмертіе души. Жрецомъ являлся домовладыка; храмовъ не было. Съ возвышеніемъ могущественнаго жреческаго сословія и благодаря плодотворной фантазіи индусовъ, староведическая религія испытала сумму измѣненій, которыя, въ концѣ концовъ, привели къ чрезвычайно сложной и многообразной системѣ боговъ и демоновъ; появляются новыя божества, старыя измѣняютъ свое значеніе, достоинство и т. д. Взамѣнъ простого жертвоприношенія (возліянія изъ добываемаго изъ особаго растенія сомы, одурманивающаго напитка) устанавливается множество обрядовъ и церемоній, молитвъ, наставленій. Вычурностями жреческой фантазіи изъ старой натуралистической религіи была вытравлена наивность, народъ опутанъ сѣтью догматическихъ измышленій. Браманизмъ, возникшій во время пребыванія индусовъ въ долину Ганга, сохранилъ еще простоту народной ведической вѣры. Божество молитвы, вѣры и знанія, браманъ (какъ міровая душа, называемое Атманомъ), становится въ пантеистическомъ смыслѣ единымъ, безличнымъ, съ качественной стороны неопредѣленнымъ началомъ, изъ котораго происходятъ всѣ вещи путемъ эманации, и къ которому, какъ къ своему источнику, онѣ опять же и возвращаются. Впослѣдствіи чувственно-политеистическій элементъ вновь пробуждается: браманъ раскалывается на три божества—Брама, творецъ міра, первоисточникъ знанія, Вишну, созидательный, и Шива, разрушительный принципъ; всѣ три, съ появленіемъ буддизма, соединяются въ Тримурти (троицу), изображаемую въ видѣ туловища съ тремя головами. Женскими божествами были Сарасвати, Лакшми (богиня красоты), Кали (богиня смерти). Кромѣ того, поклонялись множеству духовъ, гигантовъ (ракшасы) и геніевъ. Между культомъ Браманы и Шивы господствовало соперничество. Важны сказанія о (десяти) воплощеніяхъ (аватары) бога Вишну, олицетвореніе котораго въ образѣ Кришны имѣетъ своимъ основаніемъ идею искупленія. Міръ съ этой точки зрѣнія кажется небытіемъ, обманомъ Майи. Этотъ пессимистическій идеализмъ на практикѣ переходитъ въ стремленіе, посредствомъ аскетизма, удрученія плоти, покаянія (факиры), достигнуть мистическаго воссоединенія съ «браманомъ», избавленія отъ жизни и всѣхъ мукъ, сопряженныхъ съ переселеніемъ души; въ связи съ послѣдней вѣрою находится поклоненіе извѣстнымъ животнымъ (коровамъ, крокодиламъ) и бережное къ нимъ отношеніе вообще.

Реформа браманизма произошла въ буддизмъ, указавшемъ путь къ избавленію отъ мукъ непрерывнаго перевоплощенія, которому, по ученію жрецовъ, особенно подвержены были члены низшихъ кастъ, и усилившемъ пессимистическую струю въ міросозерцаніи индусской религіи. Основателемъ буддизма былъ царскій сынъ Гаутама изъ рода Шакьевъ (Шакьямуни), съ прозвищемъ Будда (озаренный), родившійся въ VI вѣкѣ до Р. Хр. (по легендѣ, путемъ непорочнаго зачатія, отъ матери своей Майи). Познаніе горестей бытія, страданій, болѣзней, старости, смерти побудило его къ отреченію отъ міра, къ жизни, посвященной аскетизму и созерцанію. О его жизни, ученикахъ, искушеніяхъ, которымъ онъ подвергался, о постепенномъ ростѣ его познанія и внутренняго совершенства сложилось множество легендъ. Во многихъ отношеніяхъ его ученіе представляло собою возвратъ къ древневедическому пантеизму. Онъ не хлопочетъ объ установленіи новыхъ божествъ, а настаиваетъ на познаніи горестности и суетности всякаго индивидуальнаго бытія, на возведеніи безсознательнаго, абсолютно безвольнаго, блаженнаго состоянія—совершенной нирваны—въ идеаль, на исканіи пути къ и с к у п л е н і ю отъ возможности перевоплощенія посредствомъ аскетизма, полнѣйшаго умерщвленія всякаго желанія и вождельнія. Черезъ эту простую религію, метафизическую по духу своему, проходитъ, кромѣ того, еще сильная мистическая струя: подавляя все чувственное и фантастическое, она все-таки вышла изъ нѣдръ глубокаго чувства и пылкаго воображенія. Это—религія м и л о с е р д і я ко всѣмъ приниженымъ, измученнымъ жизнью, религія человѣколюбія, самоотверженія, отреченія отъ какихъ бы то ни было эгоистическихъ побужденій *). А отсюда совершенно неизбежно вытекаетъ то, что ею въ корнѣ убивается всякое стремленіе къ жизни, всякая практическая энергія, послѣдствія чего тоже не преминули сказаться. Этика Будды отличается величайшей кротостью и гуманностью. Любовное обращеніе со всѣми живыми существами, не исключая животныхъ, воздержаніе отъ всякаго насилія и корысти и готовность къ самопожертвованію—вотъ ея характернѣйшіе признаки. Позднѣе буддизмъ выродился въ матеріализованную вѣру въ боговъ, съ очень пестрымъ культомъ, многочисленнымъ духовенствомъ, съ почитаніемъ образѣвъ, мощей и святыхъ и строгими молитвенными формулами. Возникло м о н а ш е с т в о и нѣкоторыя другія явленія, роднящія буддійскую религію вообще съ католицизмомъ. Въ самой Передней Индіи буддизмъ долженъ былъ нѣсколько отступить передъ вновь усилившимся браманизмомъ, въ свою очередь, позаимствовавшимъ кое-что у перваго; въ наиболѣе чистомъ видѣ онъ сохранился

*) Вѣроятно, христіанство испытало на себѣ вліяніе этой религіи.

на островѣ Цейлонѣ. Онъ распространяется теперь еще на Китай, Японію и Тибетъ; здѣсь онъ извѣстенъ подъ названіемъ ламаизма, создавшаго своего рода папство, монашество и цѣлую іерархію, съ низведеніемъ религіи до мертвой обрядности, механическаго чтенія молитвъ, жертвоприношеній, исповѣди и т. д. Господствуетъ вѣра въ перевоплощеніе Будды въ очередномъ ламѣ (далай-ламѣ) въ Лхассѣ. Въ качествѣ реформатора, въ Тибетѣ въ XIV вѣкѣ выступилъ монахъ Тсонкапа. Священное писаніе ламаизма называется Кандшуръ. Въ настоящее время приблизительно четвертая часть человѣчества исповѣдуетъ буддизмъ. Затѣмъ, кромѣ ислама, въ Индіи широко распространено ученіе джайновъ, представляющее соединеніе буддійскихъ и браманическихъ элементовъ (вѣчность міра, аскетизмъ для жрецовъ и др.); оно имѣетъ свои собственныя священныя книги.

Философская мысль индусовъ отчасти довольно глубока, но она еще въ значительной степени находилась подъ вліяніемъ религіи и воображенія и не вполне отрѣшилась отъ мифологическихъ элементовъ. Существуетъ шесть ортодоксальныхъ системъ. Самая важная изъ нихъ—ведическая система пантеистически-идеалистическаго характера; въ основѣ всѣхъ вещей лежитъ браманъ или атманъ, всѣ существа въ «немъ» едины (Тат твам аси: все это ты). Дуалистическимъ является ученіе санкья (множество душъ, матерія: Праkritи) Система «няя» сводится въ сущности къ логикѣ, ученіе «вайценикама» къ атеизму.

Древнеиндійскимъ литературнымъ языкомъ былъ санскритъ: сперва онъ былъ народнымъ языкомъ, потомъ сталъ священнымъ языкомъ брамановъ, тогда какъ языкомъ народнымъ сдѣлался пра-критъ; священнымъ языкомъ южнаго буддизма является пали. Родство индійскаго съ европейскими языками общеизвѣстно. Существуетъ рядъ говоровъ и формъ письменъ. Изъ отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ въ древней Индіи съ большою любовью разрабатывались грамматика и лексикологія; выдающимся филологомъ былъ Панини. Въ математикѣ индусы изобрѣли цифры, распространенныя затѣмъ арабами въ Европѣ. Были у нихъ свѣдѣнія и по астрономіи; хорошо развита была медицина, особенно хирургія. Интересъ къ научной исторіи отсутствовалъ, что объясняется общимъ міросозерцаніемъ индусовъ.

Очень богата поэтическая литература: въ нее, какъ часть цѣлаго, входитъ почти вся литература научная. Древняя словесность проникнута вліяніемъ религіи и національной мифологіи; она обнимаетъ эпическія, лирическія и діалектическія произведенія. Религіозно-философскаго содержанія съ назидательной тенденціею являются священныя книги ведовъ (Ригъ-Веда, Сама-Веда, Яжуръ-

Веда, Атарва-Веда), богатая глубокими и возвышенными идеями, яркими образами, но и лишними длиннотами и сухими подробностями. Священными считались также законы Ману, излагающие кастовую систему. Изъ ведическаго періода можно еще указать на Упанишады. Мы находимъ въ Индіи также два національныхъ эпоса громаднѣхъ размѣровъ, съ несмѣтнымъ числомъ эпизодовъ, множествомъ великолѣпныхъ, живыхъ описаній; но, на нашъ вкусъ, они все-таки слишкомъ громоздки и фантастичны; недостаетъ въ нихъ цѣльности и стилистичности. Формою стиха былъ шлокъ, двойная строка изъ шестнадцати слоговъ. Магабгарата, обнимающая 100000 шлокъ, описываетъ споръ между Панду и Куру, Рама яна имѣетъ своимъ предметомъ подвиги Рамы, воплощенія бога Вишну. Пураны являются разсказами изъ мифологіи. Индія была родиною повѣсти, сказки и басни (сборникъ Панчатантра, въ сокращенномъ видѣ Гитопадеша); гномическая поэзія достигаетъ высокой ступени совершенства въ сборникѣ Бартригари. Лирика болѣею частью эротическаго характера. Она пылаетъ чувственной страстностью, не будучи въ то же время лишеною извѣстной граціи и нѣжности, а въ описаніяхъ природы достигая прямо живописныхъ эффектовъ. Особенности индійской лирики проявляются наилучшимъ образомъ Гитаговиною. Самымъ выдающимся представителемъ на этомъ поприщѣ былъ Калидаса, авторъ Мегадуть («небесный посланецъ»). Онъ же считается лучшимъ драматургомъ индусовъ; какъ таковой, онъ прославился своими произведеніями Сакунтала, Урваси и др.; кромѣ этого, слѣдуетъ еще отмѣтить приписываемую царю Шудракѣ драму Мрихакатика («колясочка»), извѣстная подъ именемъ «Васантасена». Драма развилась изъ религіозныхъ процессій, сопровождаемыхъ пѣніемъ и пляскою; сюжетами для нея являются сцены частью мифологическія, частью заимствованныя изъ историческаго прошлаго или повседневной жизни; на первомъ планѣ стоитъ преимущественно мотивъ любви. Настоящихъ трагедій нѣтъ. Божества и знатные люди изъясняются въ драмахъ на санскритскомъ, остальные дѣйствующія лица на простонародномъ языкѣ.

Индійское искусство стало развиваться только съ VI вѣка до Р. Хр., подъ вліяніемъ буддизма и греко-персидскаго искусства, къ чему впоследствии присоединились еще арабскіе мотивы. Среда и народный характеръ обуславливаютъ собою фантастичность, громоздкость и дисгармоничность его формъ. Тѣмъ не менѣе, въ индійской архитектурѣ можно указать на великолѣпныя и благородныя творенія. Слѣдуетъ отмѣтить браманческіе пещерные храмы (въ Элдорѣ, Сальсетѣ и др.) съ различнымъ распредѣленіемъ колоннъ и пилястровъ; колонны болѣею частью коротки и толсты, для стержня и капи-

тели использованы растительные и другие мотивы. Далѣе, укажемъ на буддійскіе храмы-пагоды въ формѣ конуса, съ куполами, пилястрами, орнаментами. Топами называются раки съ мощами; Буддѣ посвящены триумфальныя колонны съ львиною фігурою надъ капителью. Скульптуры свидѣтельствуютъ о большой чувствительности и пылкой фантазіи, на нихъ нагромождалось много лишняго; это особенно сказывается на многочисленныхъ фигурахъ боговъ. Образы часто не лишены миловидности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣчены изнѣженностью и женоподобностью; выраженіе большею частью неподвижно, бездушно. Очень мало сохранилось произведеній отъ болѣе ранней живописи. Художественная промышленность производила прекрасныя и тонкія работы.

§ 17. Персы. Ближайшими родственниками арійскихъ индусовъ были древніе персы, обитавшіе съ стародавнихъ временъ въ юго-западной части Ирана. Климатъ Персіи варьируетъ въ зависимости отъ положенія мѣстности. Существуетъ рѣзкая противоположность между суровою зимою, съ одной, и очень знойнымъ лѣтомъ, съ другой стороны. Богатая растительность и фауна Индіи отсутствуютъ. Всѣ условія слагались такимъ образомъ, что иранцы должны были стать племенемъ болѣе закаленнымъ, энергичнымъ и умѣреннымъ. Только внѣшнія вліянія, въ связи съ пріобрѣтеніемъ большой политической силы и громаднхъ богатствъ, впоследствии развратили и изнѣжили персидскую знать.

Древніе персы занимались скотоводствомъ, земледѣліемъ и войною. Они отличались храбростью, отмѣченной, однако, чертами жестокости. Особенно процвѣтало скотоводство, менѣе—промыслы и торговля. Со временъ Дарія I установлена была правильная монетная система (извѣстны золотые дарики), конное почтовое сообщеніе между отдѣльными городами и оптический телеграфъ, превосходныя дороги, станціонныя зданія, причемъ все это служило исключительно государственнмъ цѣлямъ. Соответственно болѣе суровому климату, и одежда была теплѣе; характернымъ является ношеніе штановъ, шерстяного и кожанаго платья.

Какъ и у индусовъ, здѣсь сначала господствовалъ родовой бытъ. Народъ распадался на десять племенъ со своими князьками во главѣ, ограниченными вѣчемъ. Съ превращеніемъ одного изъ этихъ князьковъ въ верховнаго владыку развился, подъ ассирійскимъ вліяніемъ, деспотизмъ «великихъ царей», съ сохраненіемъ, однако, довольно независимаго положенія за родовой знатью и «удѣльными» князьями или царскими намѣстниками (сатрапами). Цари окружали себя многочисленнымъ придворнымъ штатомъ, роскошью и великолѣпіемъ; при дворѣ царствовалъ строжайшій этикетъ, низкопоклонство, распутная гаремная жизнь подъ командою евнуховъ, господ-

ство женщинъ, въ сопровожденіи съ постоянными дворцовыми переворотами. Населеніе изнывало подъ бременемъ чрезмѣрныхъ поборовъ и отъ произвола сатраповъ; всѣ богатства сосредоточивались въ рукахъ царя и его приближенныхъ. Уголовное право было очень сурово. Большое вниманіе удѣлялось военному дѣлу, особенно со времени Кира. Кромѣ царской гвардіи и десяти тысячъ «безсмертныхъ», содержалась большая армія конныхъ и пѣшихъ войскъ, хорошо вооруженныхъ, съ боевыми колесницами, поставляемыхъ союзными и подвластными народностями. Частный бытъ характеризуется существованіемъ многоженства, причемъ вступленіе въ бракъ совершалось очень просто. Половые извращения, даже самыя противоестественныя, были очень распространены. Самыми главными добродѣтелями считались правдивость и искренность; по отношенію къ чужимъ держались преимущественно точки зрѣнія «муравьиной морали».

Натуралистическій политеизмъ, съ поклоненіемъ силамъ природы и звѣздамъ, первоначально исповѣдывавшійся народами зендскаго корня (бактрами, мидянами, персами), былъ преобразованъ Зороастромъ (Заратустрой) около 1000 л. до Р. Хр. Дуализмъ свѣта и мрака, добра и зла, обусловленный климатическими противоположностями и воинственной природою названныхъ народовъ, былъ имъ приведенъ въ религіозно-этическую систему. Изъ «праначала» животворящимъ глаголомъ созданы были стихіи и міръ духовъ, включая боговъ, во главѣ которыхъ мыслились олицетвореніе свѣта и добра, Агура-Мазда (новоперс. Ормуздъ), и противоположный ему принципъ мрака и зла, Ангро-Майнью (новоперс. Ариманъ). Первый, въ шесть сроковъ или періодовъ, сотворилъ словомъ своимъ весь дѣйствительный міръ (сходно съ библейскимъ сказаніемъ). Между обоими божествами и подчиненными имъ духами идетъ постоянная борьба, но въ концѣ побѣждаетъ добро, земля обновляется, и мертвые воскресаютъ и послѣ суда освобождаются изъ ада спасителемъ (Сосіошъ). Завершеніе всего жизненнаго процесса высшимъ блаженствомъ свидѣтельствуетъ о сильномъ оптимизмѣ этой гуманной и глубокомысленной религіи и морали Зендъ-Авесты. Признаніе святости огня, характерное для парсизма, восходитъ къ очень древнимъ временамъ. Раньше жертвоприношенія происходили подъ открытымъ небомъ, на горахъ, позднѣе для этого устроены были особые храмы. Отправленіе культа огня возлагалось на жрецовъ (атраваны); жертвоприношеніями и снотѣлкованіемъ занимались маги. Покойниковъ не предавали землѣ и не сжигали, а отдавали на съѣденіе птицамъ и собакамъ («башни молчанія»), дабы предотвратить всякое оскверненіе; исключенія дѣлались только для труповъ царей. Молитвы, благочестивыя упражненія и исповѣди были въ обычаѣ.

До второго вѣка до Р. Хр. персы пользовались своего рода клинописью (безъ наклонныхъ и двойныхъ клиньевъ). Найдены надписи на скалахъ, касающіяся царей, а также историческія повѣствованія, написанныя на звѣриныхъ шкурахъ; существовали топографическія карты. Жрецы (маги) имѣли естественнаучныя и медицинскія познанія, но замѣтныхъ вкладовъ въ научную сокровищницу ими сдѣлано не было. Въ литературѣ выдѣляются священное писаніе, Зендъ-Авеста, сохранившееся, главнымъ образомъ, въ Вендидадѣ, который содержитъ множество часто очень мелочныхъ ритуальныхъ предписаній, и Бундегешъ, съ изложеніемъ иранской мифологіи. Въ Новоперсидскомъ царствѣ (ср. арабскую культуру) выступили выдающіеся представители эпической и лирической поэзіи.

Искусство мало оригинально, менѣе всего въ архитектурѣ, характеризуемой большой правильностью линий; она находилась подъ вліяніемъ сперва Вавилона, а затѣмъ Греціи. Открыты усыпальницы, развалины роскошныхъ дворцовъ (Персеполь) съ многочисленными колоннами (капитель съ единорогомъ), рельефы, фигуры фантастическихъ животныхъ, однообразныя статуи. Художественная промышленность тоже была развита (ковры, геммы и др.).

Въ дополненіе можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу малосамостоятельной культуры малоазіатскихъ племенъ. Къ нимъ принадлежатъ преимущественно арійскіе лидійцы, заимствовавшіе свою религію изъ Сиріи; замѣчательнымъ является пестрая одежда, музыкальность, общительность и жизнерадостность лидійцевъ, изобрѣтшихъ рядъ общественныхъ игръ и первыми приступившихъ къ чеканкѣ монетъ. Оригинальны постройки (каменные гробницы) лидійцевъ, воспроизводившихъ изъ камня прежніе деревянные блокгаузы. Въ общемъ, въ Малой Азіи преобладало греческое вліяніе.

§ 18. Греція. Положеніе, форма и климатъ Греціи очень благоприятствовали развитію богатой культуры. Въ отличіе отъ Египта и Вавилона, здѣсь равнины и долины не играли важной роли въ качествѣ очаговъ культуры. Моментъ, благоприятствовавшій созданію культуры, заключался въ разнообразіи формъ страны, въ необыкновенной изрѣзанности ея береговъ и множествѣ прилегавшихъ къ нимъ острововъ, которые соединяли Грецію и Азію какъ бы мостомъ и дѣлали возможными оживленныя сношенія между ними. Греція своимъ положеніемъ и конфигураціею прямо предназначалась къ воспріятію восточной культуры, и греки дѣйствительно прекрасно сумѣли усвоить эту культуру, чтобы въ дальнѣйшемъ развивать ее уже совершенно самостоятельно. Среда была самая подходящая для образованія сильной, здоровой, жизнерадостной, жаждущей гармоніи и кра-

соты породы людей. Къ типическимъ признакамъ эллинскаго характера принадлежать, кромѣ того, радостная чувственность, сдерживаемая чувствомъ мѣры и гармоніи, гордость, храбрость, самолюбіе, стремленіе къ отличіямъ и страсть ко всякаго рода состязаніямъ («агональный» складъ характера). Въ частностяхъ отдѣльныя племена весьма разнились между собою; особое значеніе имѣетъ противоположность между болѣе суровыми, въ высшей степени воинственными дорянами и расположенными къ умственному труду и одаренными богатою фантазією іонянами. Племенные различія обуславливаются отчасти разнообразіемъ природы въ отдѣльныхъ областяхъ, на которую распадается Элада, отчасти степенью смѣшенія съ другими расами; послѣднее дѣйствительно имѣло мѣсто, съ одной стороны, съ туземнымъ населеніемъ страны, съ другой—съ семитическими народностями. И въ культурномъ отношеніи въ основѣ эллинской цивилизаціи древнихъ временъ легло не мало семитическихъ элементовъ. Первыми историческими обитателями Греціи были (вѣроятно, иллирійскаго происхожденія) пеласги, достигшіе уже нѣкоторыхъ культурныхъ успѣховъ, которыми воспользовались пришедшія сюда позднѣе эллинскія племена; эти племена подчинили себѣ туземное населеніе и слились съ ними въ одинъ народъ. Единою націею греки не были никогда; они раздѣлились вначалѣ на четыре племени: ахеянъ, дорянъ, іонянъ и эолянъ, съ рядомъ болѣе мелкихъ подраздѣленій. Съ культурной точки зрѣнія достойны особаго вниманія доряне (представляемые, напр., Спартою) и іоняне (представляемые преимущественно Аѣнами).

Присущіе грекамъ индивидуализмъ и агональное настроеніе обнаруживаются прежде всего въ постоянномъ соперничествѣ между отдѣльными политическими агрегатами, что, несмотря на временныя ассоціаціи (союзы), сдѣлало для грековъ невозможнымъ объединеніе ихъ въ одно національное государство. Греція была родиною маленькихъ государствъ, такъ называемыхъ государствъ-городовъ, существовавшихъ также еще въ Финикіи. Несмотря на вѣчное взаимное соревнованіе, отдѣльныя племена и государства все-таки признавали себя членами одного народа, связанными между собою общностью происхожденія, языка, религіи, условій быта и противопоставляющими себя, какъ нѣкоторое цѣлое, всѣмъ «варварамъ». Зато очень великъ былъ патріотизмъ внутри каждой отдѣльной общины; содѣйствовать могуществу и славѣ родного государства, политіи, считалось высшею цѣлью. Въ «героическомъ» вѣкѣ господствовало патріархальное общественное устройство на началахъ родового быта. Родовые союзы соединялись въ филы, а во главѣ всей общины, состоявшей изъ нѣсколькихъ филъ, стоялъ царь, ограниченный въ своей власти родовыми старѣйшинами и филархами, или совѣтомъ свободныхъ,

Послѣ этого слѣдовало аристократическое устройство (олигархія), а затѣмъ демократія, вырождавшаяся то въ тиранию, то опять въ охлократію (господство толпы, черни); такія перемѣны происходили особенно въ государствахъ дорійскаго и іонійскаго племенъ. Въ Спартѣ олигархія установилась очень прочно въ формѣ господства полноправныхъ гражданъ надъ періэками (окрестными жителями) и илотами (государственными крѣпостными). Сохранилась номинальная царская власть (два царя), ограниченная состоящимъ изъ пяти членовъ эфоратомъ и герузіею, совѣтомъ старѣйшинъ, въ составъ котораго входили 28 геронтовъ. Извѣстно приписываемое Ликургу спартанское законодательство; въ немъ все рассчитано на подготовку храбрыхъ, воинственныхъ и выносливыхъ гражданъ. Все было подчинено государственному благу; на личность, какъ таковую, мало обращалось вниманія. Это видно изъ установленнаго періодическаго перераспределенія земли между полноправными гражданами, публичнаго и суроваго воспитанія юношества, обычая совмѣстныхъ обѣдовъ для взрослыхъ спартанцевъ (сисситіи) и обреченія на голодную смерть хилыхъ дѣтей, государственной регламентаціи половыхъ отношеній, ограниченія внѣшней торговли и допущенія лишь желѣзныхъ денегъ и т. д. Въ Аѣинахъ, послѣ геройской смерти послѣдняго царя Кодра, правили архонты, избравшіеся сперва пожизненно, затѣмъ на десять лѣтъ, наконецъ, въ числѣ девяти, на одинъ годъ. Рядомъ съ ними дѣйствовало законодательное собраніе, совѣтъ (буле) четырехъ, впоследствии пятидесятъ, и народное вѣче (эклесія). Первоначально существовали четыре племенные филы. Крупная землевладѣльческая знать, евпатриды, поработила себѣ, съ помощью суроваго долгового права, другія сословія: крестьянъ (геоморовъ) и ремесленниковъ (деміурговъ), которые въ большомъ количествѣ попали въ кабалу. Послѣ жестокаго законодательства Дракона выступилъ Солонъ (594 г. до Р. Хр.), дѣятельность котораго ознаменована важными реформами. Посредствомъ «сисахеи» (снятія долгового бремени) улучшалось положеніе экономически зависимыхъ классовъ населенія. Было введено тимократическое устройство раздѣленіемъ населенія на четыре имущественныхъ класса, между которыми соотвѣтственно распредѣлялись гражданскія права и обязанности, а именно: на пентакосіомедимновъ (имѣвшихъ не менѣе пятисотъ мѣръ годового дохода), гиппеевъ (всадниковъ), зевгитовъ (упряжниковъ) и еетовъ. Изъ перваго класса выбирались архонты; важнѣйшими архонтами были полемархъ (главный военачальникъ), базилевсъ (первосвященникъ) и архонтъ-эпонимъ (администрація; его именемъ обозначался годъ въ Аѣинахъ). Заслуженные архонты переходили въ ареопагъ (высшій судъ).

Изъ реформъ Клисѣена (509 до Р. Хр.) отмѣтимъ, между прочимъ введеніе «черепковаго суда» (остракизмъ), которому предоставлено было изгонять неблагонадежныхъ гражданъ и избраніе должностныхъ лицъ посредствомъ жребія (пританы). Военная служба была исключительно правомъ и обязанностью свободныхъ, тогда какъ преобладающіе численно рабы и полусвободные (метэки) представляли собою настоящихъ работниковъ, принимавшихъ на себя все бремя производительнаго труда и этимъ облегчавшихъ гражданамъ возможность развитія своихъ умственныхъ и политическихъ способностей. Постояннаго обложенія не было; казна пополнялась судебными взысканіями, таможенными пошлинами и доходами съ государственныхъ рудниковъ. Должности были почетныя; за ихъ отправленіе не полагалось вознагражденія. Кастъ или сословій въ подлинномъ смыслѣ слова не существовало, но противоположность между свободнымъ и рабомъ была громадная; метэки (послушные) находились въ положеніи кліентовъ по отношенію къ полноправнымъ гражданамъ, которые должны были ихъ (а также и женщинъ) защищать на судѣ. Рабы были безправны, защищаемы только обычаемъ; въ общемъ съ ними обращались недурно. Уголовное право нельзя назвать жестокимъ, хотя, кромѣ тюремнаго заключенія и штрафовъ, имъ предусматривалась и смертная казнь.

Чистота семейной жизни не нарушалась, поскольку это зависѣло отъ женщинъ (получавшихъ при вступленіи въ бракъ приданое): имъ вмѣнялись въ обязанность строжайшее цѣломудріе и домовитость; постепенно вошла въ обычай моногамія. Но жена была не болѣе какъ подчиненная мужа, родительница извѣстнаго числа здоровыхъ дѣтей и хозяйка дома. Какъ и на Востокѣ, она жила почти въ затворничествѣ, мало принимала участія въ общественной жизни и даже не могла свободно появляться среди людей. На ней лежалъ надзоръ за служанками, воспитаніе дочерей, руководство домашними работами, т.-е. за тѣмъ, какъ пряли, ткали, изготовляли одежду; она могла услаждаться музыкой, танцами, играми, но ея духовныя способности оставались неразвитыми. Ея индивидуальность подавлялась; даже при выборѣ супруга она подчинялась воли родителей; любовь играла при этомъ второстепенную роль, что, однако, не исключало возможности нѣжныхъ супружескихъ отношеній. Мужъ посвящалъ себя преимущественно общественной и политической жизни, о домашнихъ порядкахъ и благополучіи семьи заботясь большею частью лишь мимоходомъ. Съ утонченіемъ нравовъ, особенно со времени персидскихъ войнъ, появляется специфическій греческій институтъ гетеръ. Кромѣ обыкновенныхъ проституттокъ, дѣвушки посвящали себя «свободной любви» въ такой формѣ, которою удовлетворя-

лись на ряду съ чувственностью и болѣе возвышенные духовныя запросы. Среди гетеръ («подругъ») встрѣчались чрезвычайно привлекательныя и остроумныя женщины, оживлявшія своимъ участіемъ общественную жизнь и замѣнявшія мужчинамъ то, чего имъ недоставало дома; наибольшую извѣстность стяжали себѣ своею красотою и умомъ гетеры Лаисъ и Фрина. Дурнымъ обычаемъ была любовь къ мальчикамъ или, вѣрнѣе, юношамъ, хотя отношенія между обѣими сторонами часто были вполне чистыя, духовныя, воспитательныя («платоническая любовь»). За пирами (симпосіями), въ которыхъ участвовали одни мужчины, господствовало непринужденное веселье, велись остроумныя и часто глубокомысленныя бесѣды; совершались они по точно опредѣленнымъ правиламъ, подъ руководствомъ симпосіарха; крѣпкое вино пили только разбавленнымъ водою (въ амфорахъ). Прежняя простота нравовъ постепенно уступаетъ мѣсто болѣе пышному образу жизни, особенно въ Афинахъ, Коринѣ и другихъ городахъ; даже въ Спартѣ, прославившейся своей грубой, простой пищею («черная похлебка»), позднѣе не было недостатка въ распутствѣ. Одежда тоже становилась со временемъ дороже и роскошнѣе, сохраняя, однако, всегда расположеніе складокъ, обезпечивающее свободу движеній и изящно обрисовывающее формы тѣла. Нижнее платье состояло изъ различной длины хитона безъ рукавовъ, сверху одѣвался сборчатый химатіонъ; на войнѣ и во время путешествія употреблялся плащъ, хламида. Преобладалъ бѣлый цвѣтъ, но встрѣчались и другіе цвѣта. Горожане большею частью шляпъ не носили, и только на улицѣ одѣвались сандаліи. Извѣстна оригинальная, благородная женская прическа. Въ противоположность къ великолѣпнымъ общественнымъ зданіямъ (вспомнимъ акрополь въ Афинахъ) частныя жилища были невзрачны; но и на этой почвѣ въ позднѣйшее время допускается большая роскошь. Гостепріимство испоконъ вѣковъ было распространено въ широкой степени; существовали спеціальныя гостиницы. Большое значеніе греки придавали тѣлеснымъ упражненіямъ: единоборство, кулачный бой, метаніе диска, бѣга взапуски, конскія ристанія устраивались въ палестрѣ и гимназіяхъ. Отличиться и получить награду на большихъ празднествахъ, особенно въ Олимпіи, составляло цѣль самыхъ пламенныхъ желаній каждаго, и даже сами города стремились къ тому, чтобы имѣть среди своихъ согражданъ такого побѣдителя. На этихъ празднествахъ встрѣчались всѣ греческія племена; благодаря этому, узы единенія между отдѣльными группами постоянно вновь укрѣплялись; сознаніе такого единенія находило себѣ выраженіе также и въ амфиктіоніяхъ, союзахъ, устраиваемыхъ, между прочимъ, для совмѣстнаго отправленія этихъ празднествъ.

Въ героическій вѣкъ главными занятіями грековъ были охота и война, скотоводство и земледѣліе. Впослѣдствіи спартанскіе полноправные граждане всецѣло уступаютъ земледѣліе и промышленность илотамъ. Но во многихъ мѣстахъ Греціи ремесла и торговля не презирались; въ нѣкоторыхъ городахъ и государствахъ они достигли даже большого расцвѣта. Если въ Аѣинахъ политика составляла главный интересъ гражданъ, то все-таки немало было среди нихъ и такихъ, которые занимались сельскимъ хозяйствомъ. Обрабатывающая промышленность тоже сосредоточивалась преимущественно въ рукахъ метэковъ и несвободныхъ; но были ремесленники и изъ гражданъ, не пользовавшихся, правда, въ такомъ случаѣ большимъ уваженіемъ.

Рядъ приморскихъ городовъ, какъ Аѣины и Коринѣъ, поддерживали обширную торговлю, благодаря которой въ Грецію ввозилось не мало иностранныхъ товаровъ; греческій купецъ, отличавшійся смѣтливостью и предприимчивостью, съ успѣхомъ соперничалъ съ финикійскимъ торговцемъ, причемъ немалую услугу ему оказывали многочисленныя греческія колоніи въ Малой Азіи, Нижней Италіи, Сициліи, Южной Франціи (Массилія), Египтѣ (Навкратисъ). Греки имѣли въ своемъ распоряженіи хорошія быстроходныя (парусныя, весельныя) суда, вполне удовлетворявшія требованіямъ каботажнаго плаванія. Деньгами въ древности служилъ мелкій скоть; начиная съ VIII или VII вѣка, въ обращеніи находятся уже металлическія монеты. Храмы являлись въ то же время банками и хранилищами всякихъ сокровищъ; существовали особые мѣнялы. Драгоценныя металлы доставлялись хорошо поставленною горнозаводскою промышленностью. Крупное производство сосредоточивалось въ фабрикахъ, гдѣ работали только рабы. Гончарная, кожевенная, металлургическая промышленности стояли на очень высокой ступени развитія. Высоко развито было военное искусство, и Греція первая выработала теорію военной тактики. Сперва были только пѣхотныя войска и колесницы, съ которыхъ сражались военачальники; единоборство полководцевъ и героевъ играло важную роль въ сраженіи. Позднѣе была введена и конница, которая, однако, по значенію своему никогда не могла соперничать съ пѣхими войсками. Пѣхота состояла изъ легко- и тяжеловооруженныхъ. Греки пользовались различными военными машинами (таранами, метательными орудіями, боевыми щитами и др.) и оружіями, а также металлическими панцырями и шлемами. Подготовка греческаго флота восходитъ къ **Θεμιστοκλῦ**.

Греческая религія состояла въ близкомъ внутреннемъ родствѣ съ остальными арійскими религіями, но она восприняла много

и семитическихъ элементовъ. Греческому духу, отъ природы расположенному къ гармоніи, подъ вліяніемъ яснаго климата Эллады удалось освободиться отъ мрачныхъ и жестокихъ сторонъ сирійскихъ культовъ и отъ разнузданности еракійскихъ вѣрованій. Жизнерадостная эллинская стихія, тяготящаяся въ сторону развитія человѣчности, всего прекраснаго, свободнаго и сильнаго въ индивидуумѣ, преобразовала первобытную, чисто-натуралистическую религію въ духѣ антропоморфізма. Такимъ образомъ, идеализируя самую эллинскую природу, но не порывая при этомъ связи съ древней натуралистической религіей, греки создали сонмъ божественныхъ и героическихъ образовъ. Греческіе боги отнюдь не совершенныя существа; они идеализированные греки, со всѣми свойственными послѣднимъ хорошими и дурными качествами; они не всевѣдущи, не всемогущи; они въ сильной степени подвержены чувственнымъ порывамъ, испытываютъ страданія, уязвимы, подчинены всѣмъ непреложной силѣ рока (мойра); они часто слывутъ эгоистичными, завистливыми, сварливыми, прелюбодѣйными, мстительными. Но они все-таки возвышаются надъ всѣмъ пошлымъ; они богаты благородными чертами и блистаютъ идеальной красотой, какъ герои своими могучими подвигами, создающими человѣческую культуру. Все туманное, неясное, вычурное восточныхъ религій здѣсь устранено. Абсолютнаго единства религіознаго сознанія въ Элладѣ не было, но у различныхъ мѣстныхъ культовъ, чтущихъ каждый особое божество, было много общаго. Въ развитіи этого сознанія принимали участіе отдѣльныя личности, какъ, напр., поэты Гомеръ и Гесіодъ. Они установили рядъ поколѣній боговъ. Были старшіе и младшіе боги; между ними происходятъ распри, которыя отчасти сводятся къ явленіямъ природы, отчасти заключаютъ въ себѣ указанія на самое религіозное развитіе. Во главѣ старшаго поколѣнія стоятъ Уранъ и Гея (небо и земля) и ихъ дѣти, титаны. Титанъ Кроносъ устраняетъ отца, но самъ низвергается сыномъ, Зевсомъ, обуздавшимъ титановъ, грубыя силы природы. Въ новой системѣ боговъ двѣнадцать главныхъ божествъ являются одновременно богами разныхъ сторонъ внѣшней природы (неба, свѣта, воздуха, солнца, моря) и олицетвореніями духовныхъ и другихъ силъ и качествъ, покровителями разныхъ зачатій. На небѣ владычествуетъ Зевсъ, «отецъ боговъ и людей», въ глубинѣ водъ морскихъ—Посейдонъ, въ подземномъ царствѣ—Аидъ; богомъ солнца былъ Геліосъ, но и Аполлонъ, предводитель музъ; богомъ огня и кузнечнаго мастерства Гефестъ, богинею луны Артемида, богинею неба Гера, богинею мудрости и войны Аѣина, богомъ войны Аресъ, богинею красоты и любви Афродита, вѣстникомъ боговъ и богомъ плутовства Гермесъ, богинею домашняго очага Гестія, богинею земледѣлія Деметра съ

дочерью Персефоною. Замѣчательны еще божественная посланница Ирисъ, златоперстая Эось (утренняя заря), Ганимедъ и Геба, виночерпій боговъ и его подруга, Діонисій, богъ вина, Панъ, богъ стадъ и лѣсовъ, водяныя божества Нерей, Океанъ, Тритонъ, Протей, Амфитрита, Левкотея; далѣе, нимфы, ореады, дріады (ключевыя, горныя, древесныя божества), кентавры, сатиры и эринніи, парки, хариты, музы и др. Среди героевъ особенно замѣчательны Гераклъ, Кадмъ, Персей и др. Особый культъ былъ посвященъ титану Прометею. Главнымъ мѣстопробываніемъ боговъ считался Олимпъ; туда же отправлялись возведенные въ божества герои. Души людей послѣ смерти обречены были на жизнь безсильныхъ тѣней въ царствѣ Аида: греки не выработали себѣ отчетливыхъ представленій о загробномъ существованіи; ихъ умъ всецѣло былъ обращенъ на земную жизнь, только мистериі (особенно въ Элевсинѣ) преподавали посвященнымъ болѣе глубокія воззрѣнія. Благодаря этимъ мистеріямъ и ученіямъ филозофовъ, со временемъ образовалась пропасть между просвѣщеннымъ меньшинствомъ и привязанной къ политеизму невѣжественной массою. Господствовала свобода совѣсти, поскольку грекамъ чуждо было понятіе религіозныхъ гоненій; каралась только азѣбія, т.-е. оскверненіе признанныхъ государствомъ боговъ. Богослуженіе считалось государственнымъ дѣломъ; оно регламентировалось свѣше. Замкнутого жреческаго сословія, іерархіи, не было; первоначально царь былъ въ то же время и верховнымъ жрецомъ; рядомъ съ нимъ выступали жрецы особыхъ боговъ, исполнявшіе также обязанности прорицателей и жертвователей. При нѣкоторыхъ святилищахъ такіе жрецы, какъ и жрицы, находились и въ болѣе позднія времена. Богамъ поклонялись въ рощахъ и храмахъ молитвами, жертвами и искупительными церемоніями. Существовало нѣсколько оракуловъ, вопрошаемыхъ по важнымъ государственнымъ дѣламъ и другимъ частнымъ случаямъ; въ особомъ почетѣ находился Дельфійскій оракулъ, жрица котораго носила по-гречески названіе пѣиіи. Устраивалось много празднествъ, какъ, напр., Панаѣиней и др. въ Аѣинахъ.

Греки, положившіе основанія филозофіи, достигли въ этой области выдающихся результатовъ. Они безспорно стали учителями философской мысли для всѣхъ прочихъ европейскихъ народовъ, первыми отрѣшившіе отвлеченное мышленіе отъ вліянія фантазіи и созидаемой ею мифологіи. Они впервые строго методическимъ образомъ выковали цѣлую систему общихъ понятій, съ помощью коихъ они выводили совокупность вещей изъ ряда безличныхъ, естественныхъ и духовныхъ началъ и силъ. У нихъ стремленіе къ знанію стало самоцѣлью. Греческая философія носила сперва характеръ натурфилозофіи, вопрошая о причинахъ, основ-

ныхъ началахъ и силахъ вещей; сюда относятся іонійскіе философы: Фалесъ, Анаксимандръ, Анаксименъ, Гераклитъ («все течетъ»), пифагорейцы (число и мѣра—сущность вещей), Эмпедоклъ (четыре стихіи), Анаксагоръ (ученіе о разумѣ), Демокритъ (атомистическое ученіе), Элеаты (исходившіе изъ понятія бытія—«das Sein» въ отличіе отъ Гераклита, считавшаго сущностью вещей движеніе — «das Werden»). Софисты знаменуютъ собою поворотъ въ философіи въ сторону субъективизма и релятивизма, критическаго анализа всего унаслѣдованнаго, традиціоннаго (Протагоръ: «человѣкъ мѣрило всѣхъ вещей»), тогда какъ Сократъ, ставя человѣческую личность въ центрѣ своихъ размышленій, имѣлъ въ виду не столько отдѣльный индивидъ, сколько вообще субъектъ, мыслящій и (нравственно) поступающій въ одинаково обязательной для всѣхъ людей формѣ. Платонъ объединилъ въ своей идеалистической системѣ субъективное и объективное (истинное бытіе заключается не въ чувственно-воспринимаемомъ нами мірѣ, а въ объектахъ нашихъ понятій, въ предвѣчныхъ прообразахъ преходящихъ явленій, въ имматеріальныхъ «идеяхъ»). Всеобъемлющую философскую систему (логику, психологію, этику, метафизику, эстетику и т. д.) создалъ Аристотель, одинъ изъ универсальнѣйшихъ мыслителей всѣхъ временъ и народовъ. Согласно ему, то, что обще отдѣльнымъ явленіямъ, «форма», и есть въ нихъ самое реальное, дѣйственное, цѣлесообразно созидающее начало, а самая высшая форма—это богъ. Затѣмъ, въ философію вносится практическая черта стремленія къ блаженству и душевному спокойствію. Средства, пути, которыми можно достигнуть этого, указываются разно—стоиками (натурализмъ и пантеизмъ), эпикурейцами (гедонизмъ, съ наклономъ въ сторону материалистическаго толкованія наслажденій) и скептиками (подвергающими сомнѣнію возможность достовѣрнаго знанія). Наконецъ, подъ вліяніемъ, идущимъ съ Востока, сказывается тенденція къ мистицизму и теософіи, какъ, на примѣръ, у неопифагорейцевъ и неоплатониковъ (Плотинъ), выдвинувшихъ ученіе объ эманации, цѣнности аскетизма, очищеніи души, экстазѣ и т. п. Ксенофанъ, Платонъ и Аристотель отстаивали отвлеченный монотеизмъ.

Къ философіи въ подлинномъ смыслѣ относится также риторика, разрабатывавшаяся греками съ большою любовью въ виду ея широкаго примѣненія въ правосудіи и общественно-политической жизни; впрочемъ, софисты, адвокаты и др. пользовались ею для искаженія и затемненія истины. Выдающимися ораторами были Сократъ, Демосѳенъ, Эсхинъ. Изъ гуманитарныхъ наукъ уже въ очень древнее время процвѣтала исторія (логографы); основателемъ ея былъ Геро-

доть, до високаго совершенства доведена она была *Θυκιδидомъ*; кромѣ того, слѣдуетъ упомянуть *Ксенофонта*, *Ктесія*, *Поливія* и *Плутарха*. Филологія (грамматика) и археологія стали развиваться только въ *александрійскій* періодъ, въ *Александріи*, что не мѣшало имъ сдѣлать крупныя пріобрѣтенія (*Аристархъ* и др.). Греки выдвинулись еще въ математикѣ, приче́мъ предметомъ ихъ занятій со временъ *Θалеса* и *Пифагора* являлась геометрія, къ которой позднѣе присоединилась и ариѳметика; въ *Александріи* прославился своими «элементами геометріи» *Эвклидъ*. Въ механикѣ большія заслуги стяжалъ себѣ *Архимедъ*; въ астрономіи уже *пифагорейцы* учили о вращеніи земли вокругъ центральнаго огня, а *Аристархъ Самосскій* о вращеніи земли вокругъ солнца, но окончательно утвердилась все-таки геоцентрическая система *Клавдія Птолемея*. Выдающимися географами были *Эратосѣенъ* и *Страбонъ*. Въ медицинѣ выступили *Гиппократъ* и *Галенъ*; надъ естественными науками трудились *Аристотель*, *Теофрастъ* и др. Широкая научная дѣятельность господствовала въ *Александріи*, не сумѣвшей, однако, себя уберечь отъ того, чтобы не впасть въ плоскую и сухую схоластику и безплодный педантизмъ. Тамъ собирались груды разрозненныхъ свѣдѣній, дѣлались выписки изъ старыхъ авторовъ и писались комментаріи къ нимъ, устраивались ботаническіе сады и звѣринцы, возводились астрономическія обсерваторіи, основывались анатомическія школы и громадная библіотека, и все это объединялось въ знаменитый *Александрійскій музей*. Относительно постановки дѣла образованія въ *Аеинахъ* слѣдуетъ замѣтить, что дѣти мужского пола воспитывались сперва дома приставленнымъ къ нимъ рабомъ (педагогомъ), а затѣмъ уже внѣ родительскаго дома частными преподавателями, такъ какъ общественныхъ учебныхъ заведеній не существовало. Они обучались, кромѣ гимнастики и музыки, главнымъ образомъ, чтенію, письму и счету. Высшее образованіе они получали у софистовъ, риторовъ и философовъ.

Греческая поэзія безусловно національнаго, самобытнаго происхожденія. Она возникаетъ на почвѣ религіозныхъ культовъ. У *іонянъ* она появляется сперва въ формѣ эпоса, прославляющаго подвиги сказочныхъ героевъ. Поэтическій геній (*Гомеръ*?) создалъ изъ ряда отдѣльныхъ сказаній два величественныхъ гармоническихъ творенія, блестящія фантазією и неподражаемою образностью въ своихъ описаніяхъ. Въ нихъ, «*Иліадъ*» и «*Одиссея*», отражается цѣльное, законченное міросозерцаніе. Эпическую поэзію продолжаютъ развивать «циклики»; основателемъ нравоучительной поэзіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, родоначальникомъ еогоній былъ *Гесіодъ*. Въ качествѣ перваго баснописца подвизался *Эзопъ*; не установлено авторство произведенія,

извѣснаго подь названіемъ «Войны лягушекъ съ мышами» (батрахомиомахія). Отцомъ буколической (пастушеской) поэзіи, идилліи, считается **Θεοκρίτης**. Къ этому позднѣе присоединился еще романъ. Лирика носитъ сперва религіозный, а затѣмъ, въ элегіяхъ, принимаетъ уже воинственно-политическій характеръ (Тиртей); сатира стихотворной формы была удѣломъ творчества Архилоха. У дорянъ и эолянъ въ тѣсной связи съ музыкою и пѣніемъ развился особый видъ лирической поэзіи, пѣсня (религіозная, любовная, застольная, плясовая, триумфальная, жалобная; диѳирамбъ, хорейская поэзія). Прекрасными лириками были: Терпандръ, Алкманъ, Алкей, Анакреонъ, Пиндаръ, Саффо и др.; въ ихъ произведеніяхъ сказывается теплое чувство, грація, жизнерадостность, вдохновеніе, возвышенное настроеніе, въ зависимости отъ характера пѣсни и ея автора. Высокаго совершенства греки достигли въ драматической поэзіи, прежде всего въ трагедіи. Последняя, какъ извѣстно, развилась изъ культа Діонисія, сопровождавшагося хорowymi пѣснями, торжественными шествіями и нагляднымъ изображеніемъ судебъ этого бога. Характерный для греческой драмы хоръ былъ сохраненъ въ качествѣ выразителя думъ самого поэта по поводу совершающагося дѣйствія. Основателемъ драмы называютъ **Теспія** (VI вѣка). **Эсхиль** ввелъ второго актера, а **Софокль**, самый выдающійся греческій драматургъ, третьяго. У перваго господствуетъ извѣстная грубость и суровость, отбѣняемая величаво-возвышеннымъ міросозерцаніемъ. Въ драмахъ Софокла, наоборотъ, уже торжествуетъ гармоничный складъ греческаго духа. Не отрѣшаясь отъ старой идеи всевластнаго рока, поэтъ прекрасно умѣетъ пользоваться изображаемыми имъ характерами и положеніями для мотивировки происходящаго дѣйствія. У Эврипида, рядомъ съ близкой къ дѣйствительности характеристикой, замѣтно увлеченіе риторикою, внѣшними эффектами. Комедія, вѣроятно, тоже развилась изъ пѣснопѣній и ряженій во время діонисіевыхъ празднествъ. Творцомъ классической греческой комедіи былъ **Аристофанъ**, съ большимъ остроуміемъ и въ хлесткой формѣ изображавшій современныя ему соціально-политическія отношенія родного города. Позднѣйшая, своего рода «мѣщанская» комедія, съ выступающими въ ней строго опредѣленными типами дѣйствующихъ лицъ, была создана **Менандромъ**. Греческій театръ имѣлъ громадное значеніе для развитія эллинской культуры и для всей общественной жизни. Своими представленіями, для коихъ сюжеты заимствовались изъ народной мѳологии и родной исторіи, онъ оказывалъ воспитательное, облагораживающее вліяніе на народъ. Поэтому, удерживая за собою право регламентаціи этого дѣла, государство, вмѣстѣ съ тѣмъ всячески покровительствовало театру. Постановка трилогіи, съ :

посредственно примыкающей къ ней сатирую, считалась общимъ праздникомъ. Сперва сами граждане выступали въ представленіяхъ, позднѣе образовалось особое, всѣми уважаемое, сословіе актеровъ. Извѣстны маски, которыя одѣвались актерами въ акустическихъ цѣляхъ, для усиленія звука, и высокіе башмаки (котурнъ), на которые они становились для увеличенія роста. Сцена отличалась простотою, смѣна декорацій была неизвѣстна, дѣйствующія лица выходили на сцену изъ боковыхъ проходовъ (пародои). Передъ сценою находилась такъ называемая авансцена (проскеніонъ), а посреди ея ѳимела, вкругъ которой хоръ совершалъ свое шествіе; мѣста для зрителей были устроены амфитеатромъ; все помѣщеніе было открыто. Извѣстно было устройство траповъ (проваловъ). Неимущимъ гражданамъ въ Аѳинахъ отъ казны выдавались деньги на покупку мѣстъ въ театрѣ.

Греческое искусство изъ невзрачныхъ начатковъ развилось до высочайшаго совершенства въ отношеніи благородной гармоніи формъ и замѣчательной идеализаціи образовъ. Восточной расплывчатости, громоздкости, неправильности и неподвижности въ немъ и помину нѣтъ больше. Правда, сооруженія сѣдой, пеласгической старины еще далеки отъ благородной красоты строеній болѣе поздняго времени. Архаическій періодъ, безъ сомнѣнія, находился подъ вліяніемъ Египта и Ближняго Востока; это особенно замѣтно въ пластикѣ. Въ архитектурѣ, вслѣдъ за пеласгическою эпохой, характерными памятниками которой являются такъ называемыя циклопическія стѣны, улеобразные дома минійцевъ, львиныя ворота въ Микенахъ и сокровищница Атрея, вырабатывается извѣстный храмовой стиль, примѣненный впоследствии къ общественнымъ зданіямъ и другого назначенія, съ строгою соразмѣрностью плана, съ фронтонами, фризами, метонами и подпирающимъ балки рядомъ (или рядами) колоннъ. Этотъ стиль воплощается въ нѣсколькихъ различныхъ другъ отъ друга формахъ. Прежде всего мы имѣемъ дѣло съ простыми, нѣсколько массивными зданіями, производящими серьезное, почти торжественное впечатлѣніе, съ довольно толстыми колоннами—это дорійскій стиль; затѣмъ отдѣлка становится наряднѣе, колонны болѣе стройными, капители изящнѣе, а фризы покрываются разноцвѣтными рельефами—возникаетъ стиль іонійскій; наконецъ, еще пышнѣе разукрашенными представляются коринтскія капители. И въ пластикѣ даютъ себя знать разныя особенности дорійскаго и іонійскаго племени. Подобно зодчеству, и пластика находится на службѣ у религіи, но, во-первыхъ, не исключительно, такъ какъ нѣтъ недостатка въ статуяхъ замѣчательныхъ людей, и, во-вторыхъ, она больше не сводится, какъ это имѣло мѣсто на Востокѣ, къ чистѣйшей символикѣ, а пріобрѣтаетъ самостоятельное значеніе какъ источникъ

эстетическихъ наслажденіи. Постепенно неподвижность и безжизненность, свойственная древнимъ раскрашеннымъ деревяннымъ фигурамъ и архаическимъ статуямъ, исчезаетъ, уступая мѣсто величавой строгости и спокойствію или мягкой граціи, характеризующей собою эпоху процвѣтанія. Въ великолѣпныхъ произведеніяхъ аѳинянина Фидіа (V вѣка), соединяющихъ въ себѣ человѣческое съ божественнымъ, достигается высшее въ этомъ отношеніи совершенство. Покрѣпляетъ основываетъ въ Аргосѣ школу, которая особенно отличается воспроизведеніемъ мужского тѣла въ бронзовыхъ статуяхъ атлетовъ. Послѣ пелопоннесской войны сказывается склонность къ бѣльшей чувственности, мягкости и изяществу. Соотвѣтственно этому теперь предпочтительно изображаются такіа божества, какъ Афродита, Діонисъ, Эросъ и др. Столпами этой неоаттической школы были Скопасъ и Пракситель, тогда какъ въ Пелопоннесѣ въ то же самое время съ выдающимся успѣхомъ подвизался Лизиппъ. Въ послѣднемъ періодѣ развитія греческаго искусства обнаруживается извѣстный упадокъ пластики, совершающійся параллельно съ затемненіемъ національнаго самосознанія, проникновеніемъ иностранныхъ вліяній и расцвѣтомъ придворной жизни въ столицахъ діадочовъ, въ связи съ выступленіемъ частныхъ лицъ въ роли мекенатовъ. Само по себѣ законное стремленіе къ воспроизведенію живого, подвижнаго, страстнаго переходитъ въ напыщенность, безмѣрный паѳосъ и погоню за внѣшними эффектами. Въ Родосской школѣ возникли такіе колоссальные памятники, какъ громадная статуя бога солнца («колоссъ Родосскій»). Рядомъ съ нею обращала еще на себя вниманіе Пергамская школа. На протяженіи всѣхъ этихъ періодовъ изображенія боговъ или ихъ ризы раскрашивались. Мраморнымъ и бронзовымъ статуямъ предшествовали статуи деревянные, послѣ нихъ дѣлались «хризелефантины», т.-е. изображенія боговъ, деревянный остовъ коихъ покрывался слоновой костью, а одѣяніе изготовлялось изъ золоченыхъ пластинокъ. Греческая живопись выступаетъ въ тѣсной связи съ пластикой и керамикой; но у грековъ существовала также самостоятельная живопись стѣнная и въ видѣ отдѣльныхъ картинъ. Какъ въ отношеніи рисунка, такъ и въ отношеніи колорита и характеристики достигались прекрасные результаты, особенно художниками Зевксисомъ, Парразіемъ и Апелломъ. Къ сожалѣнію, ни одна изъ ихъ картинъ до насъ не дошла. Зато мы прекрасно можемъ слѣдить за развитіемъ живописи на глиняныхъ сосудахъ, начиная съ чопорно стройныхъ черныхъ фигуръ на красномъ фонѣ до вазъ съ ихъ подчасъ чрезвычайно изящными красными фигурами на черномъ фонѣ. Въ орнаментикѣ очень часто примѣнялась форма Меандра. Очень процвѣтали также чеканка монетъ и искусство рѣзьбы по камню (камеи), не менѣе и гончарное искусство, создавшее

громадное разнообразіе благородныхъ и изящныхъ формъ, наконецъ, художественная промышленность (лампы, подсвѣчники, зеркала, предметы украшенія и т. п.). Довольно высокое развитіе получила также тѣсно связанная съ поэзіею музыка; она разрабатывалась уже теоретически, а для исполненія ея имѣлись различные инструменты.

§ 19. Этруски. Римляне. Въ древней Италиі обиталъ рядъ племенъ, которыя могутъ быть соединены въ нѣсколько группъ: греческіе переселенцы, латиняне и сабеллы, этруски, на ряду съ нѣкоторыми другими нижеиталійскими и сицилійскими племенами. Образование національныхъ различій и противоположностей обусловливалось самою природою страны, помимо первоначальнаго коренного различія, существовавшего между переселившимися въ Италию арійскими племенами.

Первыми основали здѣсь свою культуру этруски (туски, разенны). До сихъ поръ еще не установлено, принадлежали ли они къ индогерманской или гамитосемитической, или, пожалуй, даже монгольской расѣ. Также мало поддается опредѣленію ихъ языкъ; письмо свое они составили по финикійскому, при посредничествѣ грековъ. Главными занятіями этрусковъ являлись, кромѣ скотоводства, земледѣліе и торговля. Они имѣли золотыя и серебряныя монеты, были хорошими ремесленниками, особенно искусными въ обработкѣ металловъ. Въ политическомъ отношеніи этруски образовали федерацію двѣнадцати государствъ-городовъ, во главѣ каждого изъ коихъ стоялъ «царь» (ларсъ), и въ которыхъ существовала противоположность между знатными родами (лукумоны) и массою полусвободнаго народа; очень сильно сказывались въ общественныхъ отношеніяхъ родовыя начала. Религія этрусковъ находится подъ вліяніемъ греческой, но, благодаря извѣстной мрачности и суровости, во многомъ приближается къ религіямъ восточнымъ, а своимъ полидемонизмомъ и поклоненіемъ духамъ—къ вѣрованіямъ монгольскимъ; институтъ прорицателей отъ нихъ перешелъ къ римлянамъ. Естественныя и медицина стояли на довольно высокой ступени развитія; подобно вавилонянамъ, этруски пользовались двѣнадцатичною системою счисленія. Въ архитектурѣ они оказались отчасти учениками грековъ (храмы съ своеобразными колоннами), отчасти проявили оригинальность, главнымъ образомъ, въ общепользныхъ сооруженіяхъ (водопроводахъ, гробницахъ и т. п.); они уже были свѣдущи въ сводчатыхъ постройкахъ. Пластика ихъ сперва пошла на восточную, затѣмъ на греческую. Большого мастерства этруски достигли въ производствѣ гончарныхъ издѣлій, работахъ изъ терракоты и бронзы, вообще въ художественной промышленности (ме-

таллическія зеркала). Много живописи мы находимъ на стѣнахъ гробницъ и на вазахъ; она обнаруживаетъ смѣсь національныхъ элементовъ съ греческими и склоняется то къ бѣльшей фантастичности, то къ мрачной, таинственной серьезности. Въ музыкѣ этруски стали наставниками римлянъ.

Изъ соединенія группъ нѣсколькихъ племенъ—латинянъ, сабиновъ, можетъ-быть, и этрусковъ (тиціевъ, рамновъ, люцеровъ)—вокругъ небольшого укрѣпленнаго мѣста, разросшагося въ исполнскій городъ Римъ, образовалось ядро римскаго народа. Необходимость обороняться отъ нападающихъ сосѣднихъ племенъ и стремленіе къ увеличенію собственной территоріи вслѣдствіе возрастанія народонаселенія превратили римскихъ земледѣльцевъ въ народъ воинственныхъ и политически дальновидныхъ мужей. Римъ съ самаго начала принялъ характеръ политической общины. Этимъ объясняется исключительное преобладаніе государственнаго принципа надъ личнымъ началомъ, безусловное подчиненіе отдѣльныхъ индивидовъ интересамъ и цѣлямъ совокупности, чрезвычайно повышенная оцѣнка, производимая всѣмъ патристическимъ добродѣтелямъ, и готовность къ самопожертвованію у гражданъ вплоть до эпохи вырожденія; задачи и дѣла государства отождествлялись съ личными дѣлами и задачами каждаго; высокое чувство солидарности воодушевляло всѣхъ гражданъ. Древній римлянинъ былъ серьезенъ, полонъ сознанія своего достоинства и суровъ до жестокости; онъ обладалъ трезвымъ и практическимъ умомъ, но лишенъ былъ особой задушевности и фантазіи и не зналъ другихъ идеаловъ, кромѣ возвеличенія національнаго могущества. Простота правовъ и невзыскательность жизненной обстановки развили въ римлянахъ чрезвычайную энергію и настойчивость, благодаря которой они стали господами бѣльшей части извѣстнаго тогда міра.

Первобытная родовая организація сохранила свою силу въ Римѣ и при измѣнившихся политическихъ отношеніяхъ. Три племени или трибы квиритовъ (гражданъ) первоначально дѣлились на тридцать курій (соотвѣтственно греческимъ фратріямъ), триста родовъ или колѣнъ (*gentes*), три тысячи семействъ. Члены этихъ трибъ были полноправными гражданами, патриціями. Къ этому присоединялись лично свободные кліенты («послушные»), добровольные переселенцы изъ другихъ мѣстъ, становившіеся подъ защиту того или другого патриціанскаго рода, и плебеи, составлявшіеся изъ переведенныхъ въ Римъ жителей латинскихъ и другихъ италійскихъ городовъ. Изъ состава военноплѣнныхъ и ихъ потомства, главнымъ образомъ, пополнялся классъ рабовъ, составившій впоследствии значительное, но безправное большинство населенія; новая

категорія клієнтовъ создавалась изъ отношеній вольноотпущенныхъ къ полноправнымъ гражданамъ. Важное мѣсто въ римской исторіи занимаетъ борьба за власть и равноправіе, которая велась сперва между плебеями и патриціями, а когда они сравнялись и образовалась новая противоположность между нобилитетомъ (служилой аристократіею) или оптиматами съ одной и обыкновенными малоимущими плебеями и всадническимъ сословіемъ (аристократіею денежною) съ другой стороны, то продолжалась этими новыми классами; къ этому присоединялся антагонизмъ между римскими гражданами и римскими союзниками и подданными. Первое государственное устройство было аристократически-монархическое; царь управлялъ, будучи ограниченнымъ сенатомъ (совѣтомъ родовладыкъ) и куріатными комиціями (сходами патриціевъ). Согласно реформѣ царя Сервія Туллія, патриціи и плебеи подверглись новому дѣленію на тимократической основѣ. Все населеніе было раздѣлено, сообразно достатку, на пять податныхъ и военныхъ классовъ, обнимающихъ вмѣстѣ 193 центуриі; отсюда образовались еще центуриатныя комиціи. Послѣ изгнанія послѣдняго царя Римъ сталъ аристократической республикою, во главѣ которой поставлены были два консула, избираемые на одинъ годъ; въ случаѣ войны можно было избирать на время не болѣе шести мѣсяцевъ также неограниченнаго диктатора. Высшимъ учрежденіемъ остался сенатъ; кромѣ того, возникъ еще рядъ важныхъ должностей, за обладаніе которыми и велась плебеями вышеупомянутая борьба, пока, наконецъ, они добились доступа ко всѣмъ должностямъ, какъ-то: къ претурѣ, квестурѣ, эдилитету, цензурѣ и т. д. Съ установленіемъ народнаго трибуната и трибутныхъ комицій, пріобрѣтавшихъ все болѣе рѣшающее значеніе, плебеи постепенно получили полную гражданскую равноправность и дѣйствительную политическую силу. Частыя междоусобныя войны породили анархію, а эта послѣдняя привела къ установленію цезаризма. Такимъ образомъ, Римъ превратился въ имперію, сперва съ ограниченнымъ сенатомъ верховною властью, а затѣмъ съ абсолютнымъ правленіемъ государя, окруженнаго пышнымъ дворомъ и опирающагося на многочисленную бюрократію и военное управленіе. Правосудіе сперва управлялось царями, затѣмъ оно было раздѣлено между магистратами и народомъ, а, наконецъ, сосредоточилось въ рукахъ императора и его чиновниковъ. Суда присяжныхъ въ эпоху имперіи не существовало. Римляне, благодаря своему великолѣпно разработанному и удивительно логично построенному праву, стали такими же учителями другихъ народовъ въ юриспруденціи, какими для нихъ

оказались греки въ области художественнаго творчества и философіи. Сперва произошла кодификація устнаго обычнаго права, выразившаяся въ изданіи законъ двѣнадцати таблицъ. Расширяемое и дополняемое преторскими и императорскими эдиктами, а также отвѣтами, т.-е. заключеніями ученыхъ юристовъ, это законодательство, при императорѣ Юстиніанѣ, было объединено въ такъ называемый *corpus juris*, надъ составленіемъ котораго работали Трибонианъ и др. Защита частной собственности, которая составляла предметъ особыхъ заботъ гражданскаго права, привела къ немалымъ суровымъ узаконеніямъ, касающимся долговыхъ отношеній. Международное право сводилось къ ряду частныхъ договоровъ. Наблюдается извѣстный коммунизмъ въ существованіи общинной (государственной) земли (*ager publicus*), распоряженіе которою въ первое время принадлежало однимъ патриціямъ. Не безвредною оказывалась частая раздача хлѣба народу. Такими средствами нельзя было предупредить ни эксплуатаціи тѣхъ же народныхъ массъ латифундіальнымъ хозяйствомъ крупныхъ землевладѣльцевъ и послѣдующаго разоренія провинцій со стороны откупщиковъ и преторіанцевъ, ни обезлюденія государства вслѣдствіе крайней нужды и непрерывныхъ войнъ, ни все расширяющейся и углубляющейся пропасти между богатствомъ и нищетою.

Въ болѣе раннія времена семейная жизнь отличалась строгостью и чистотою. Формою брака была моногамія; отецъ (*pater familias*) былъ безграничнымъ господиномъ надъ жизнью и смертью своихъ близкихъ, своей *familia*, къ которой причислялись также рабы и слуги его, пользовавшіеся сперва хорошимъ обращеніемъ, и которая составляла законную собственность домовладыки; позднѣе власть послѣдняго подверглась значительнымъ ограниченіямъ по отношенію къ дѣтямъ, убивать или продавать въ рабство которыхъ онъ уже не имѣлъ больше права. Зависимость супруги отъ мужа со временемъ тоже уменьшилась, и мать семейства (*mater familias*), всегда высокочтимая, въ эпоху имперіи достигла большой самостоятельности въ правовомъ отношеніи. Вступленіе въ бракъ совершалось въ формѣ либо *coemptio* (возникшее изъ брака путемъ купли), либо *confarreatio*, либо *usus*. Выходя замужъ, дѣвушки переходили изъ подчиненія отцу въ подчиненіе мужу. Участіе замужнихъ женщинъ въ общественной жизни было свободнѣе, чѣмъ въ Греціи, а впоследствии стало даже крайне свободнымъ, когда вѣрность и цѣломудріе среди женщинъ уступили мѣсто порочности и разврату, когда разводы стали явленіями обычными, и широко разрасталась публичная и тайная проституція. Дѣвушки получали строго домашнее воспитаніе и только самое элементарное образованіе Юношей готовили прежде

всего въ хорошіе граждане. Ихъ обучали чтенію, письму и счету подъ руководствомъ домашняго наставника, который былъ нерѣдко рабомъ, или въ частныхъ школахъ, послѣ чего уже риторъ знакомилъ ихъ съ литературою и философіею. Возмужалый римлянинъ, съ совершеніемъ особыхъ обрядовъ и облеченіемъ въ тогу возмужалыхъ юношей (*toga virilis*), приобщался къ составу полноправныхъ гражданъ.

Изъ занятій, служащихъ поддержанію жизни, римляне выше всего ставили земледѣліе. Въ древнѣйшія времена римскій гражданинъ не гнушался того, чтобы воздѣлывать почву личнымъ трудомъ, но позднѣе всѣ полевые работы исполнялись рабами. Все болѣе и болѣе увеличивающимся латифундіямъ богатыхъ и знатныхъ противостояло численно и имущественно непрерывно убывающее свободное крестьянство. Ремесла и промыслы, которыми болѣею частью занимались рабы, вольноотпущенные и бѣднѣйшіе граждане, какъ и мелкая торговля, не пользовались уваженіемъ, иное дѣло расцвѣтшая впослѣдствіи крупная торговля, а на ряду съ нею фабричное производство и денежные операціи, которыя не считались чѣмъ-либо постыднымъ. Недоставало широкаго трудящагося средняго класса, образованію котораго препятствовало существованіе громадной массы рабовъ. Вмѣсто скота (*pecunia* отъ *pecus*) въ употребленіе вошли сперва мѣдныя, затѣмъ серебряныя и золотыя деньги. Судоходство и почта были весьма развиты. Въ области техники, въ устройствѣ дорогъ, каналовъ, мостовъ, водопроводовъ и вѣдуковъ римляне достигли выдающихся и чрезвычайно прочныхъ результатовъ. Путешествія, даже за границу, стали обычными, соотвѣтственно чему Италія обзавелась многими благоустроенными гостиницами. Ремесленные цехи тоже были извѣстны. Прекрасной организаціе отличалось войско, какъ въ отношеніи построенія (дѣленіе на легіоны, манипулы, когорты, тяжело- и легковооруженные, конница), такъ и благодаря его великолѣпной тактической выучкѣ; со временъ пуническихъ войнъ римляне обладали и военнымъ флотомъ. Первоначально не было постояннаго войска, а только милиція, народное ополченіе изъ всѣхъ гражданъ, способныхъ нести оружіе; позднѣе граждане часто уклонялись отъ военной службы, и потому сформировано было постоянное войско, составъ котораго пополнялся изъ разныхъ національностей (союзниковъ, провинціаловъ) и въ силу этого далеко не былъ проникнутъ внутреннимъ единствомъ и сознаниемъ долга прежняго народнаго ополченія.

Извѣстно устройство римскаго дома. Онъ состоялъ изъ непокрытаго частью атрия съ импловіемъ (бассейномъ для дождевой воды),

таблинума, перистиля (окруженнаго колоннами двора), триклинія и различныхъ жилыхъ и спальныхъ помѣщеній по обѣ стороны атрия и перистиля. Дома были низки, позднѣе прибавился верхній этажъ, а въ самомъ Римѣ была масса многоэтажныхъ наемныхъ зданій (*insulae*). Одежда римскихъ гражданъ состояла изъ нижняго платья, туники, и тоги (женщины позднѣе носили также столу); одежда императоровъ, сенаторовъ и всадниковъ была обрамлена пурпуромъ. Обувь носили кожаную, съ ремнями; голова оставалась обыкновенно непокрытою. вмѣсто прежняго суроваго, но зато внутренне здороваго образа жизни, отъ котораго нѣсколько страдала только духовная сторона развитія, въ эпоху имперіи въ широкихъ кругахъ общества наблюдается склонность ко всякаго рода распутству и излишествамъ; гнались за самыми изысканными и дорогими яствами и напѣтками, иногда платя за нихъ громадныя деньги («лукулловы пиры»); богатыми часто устраивались безумныя оргіи, сопровождавшіяся музыкой и танцами невольницъ и невольниковъ, сладострастными и возбуждающими чувственность. Народъ страстно предавался наслажденіямъ, которыя предоставлялись ему въ видѣ пышныхъ, а подчасъ и жестокихъ зрѣлищъ, устраиваемыхъ въ циркѣ, на аренѣ, въ театрѣ, здилами, императорами и частными лицами. Состязанія на колесницахъ, конскія ристанія, кулачный бой, травля дикихъ животныхъ и кровавая борьба гладиаторовъ, закалывающая, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и приглушающая сердца зрителей, должны были римлянамъ позднѣйшаго времени, постоянно взывающему о «хлѣбѣ и цирковыхъ представленіяхъ» народу, замѣнять отсутствующіе духовные интересы и содѣйствовать успокоенію возрастающаго броженія и недовольства. Безнравственность, развращенность и денаціонализація въ эпоху имперіи въ значительной мѣрѣ подготовили распаденіе нѣкогда столь могущественной державы, объединившей обширныя, разрозненныя области въ единое политическое цѣлое. Однако, при всемъ этомъ не слѣдуетъ забывать того, насколько гражданственность и образованность совершались во всѣхъ отношеніяхъ именно въ эту эпоху, въ сравненіи съ предыдущими, болѣе грубыми временами.

Насквозь практической умъ римлянъ сказался въ ихъ религіи. Зерно ея было латинско-сабинско-этрусскаго происхожденія, въ дальнѣйшемъ она стала видоизмѣняться по греческому образцу и, наконецъ, заимствовала такъ много изъ Египта и съ Востока, что возникъ цѣлый пантеонъ боговъ всѣхъ покоренныхъ народовъ, такъ какъ римляне не желали портить отношеній ни съ однимъ божествомъ или прямо добивались покровительства чужихъ боговъ. Римская религія характеризуется большою разсудочностью, недостаткомъ самобитной фантазіи на почвѣ мифологическаго творчества, приведеніемъ боговъ

духовъ и демоновъ въ непосредственную связь со всѣми сторонами частной и общественной жизни, гипостазированіемъ всевозможныхъ, отвлеченно взятыхъ бытовыхъ отношеній въ качествѣ особыхъ божествъ и геніевъ (духовъ-хранителей), чрезвычайнымъ развитіемъ культа предковъ (мановъ) и поклоненіемъ домалинимъ божествамъ (ларамъ и пенатамъ). Рядомъ съ олицетвореніями силъ природы, обоготворяемыми древними италиками, Фавномъ, Сильваномъ, Янусомъ, Вертумномъ и др., становились боги второго и третьяго поколѣнія—Марсъ-Квириръ, Юпитеръ, Юнона, Веста, Церера и др., далѣе божества брачнаго союза, смерти, добродѣтелей, счастья, плодородія и т. д., подъ конецъ и иноземныя божества Ирисъ, Сераписъ, Митра и др. Храмовъ и изображеній боговъ первоначально не было. Насколько ничтожно было религіозное чувство, у римлянъ, настолько же велико было ихъ суевѣріе. Римляне старались заручаться помощью всевозможныхъ боговъ на всякаго рода жизненные случаи посредствомъ извѣстнаго рода обрядовъ. Культъ былъ такъ тѣсно связанъ съ государственностью, что безъ испытанія воли божества при помощи авгуровъ и гаруспиковъ не предпринималась ни одна важная общественная мѣра, причемъ изъ самыхъ ничтожныхъ по своему значенію явленій (полета птицъ и др.) дѣлались серьезные выводы. Изъ жреческихъ должностей, бывшихъ сперва исключительнымъ достояніемъ патриціевъ, самыя важныя замѣщались понтификами (*pontifex maximus*), фламминами, феціалами, салиями и связанными обѣтомъ цѣломудрія весталками; существовали также особыя жреческія коллегіи. Подъ вліяніемъ греческой философіи и денаціонализации впоследствии, рядомъ къ крайнимъ суевѣріемъ и склонностью къ мистицѣ, среди образованныхъ распространяется еще религіозный индифферентизмъ и скептицизмъ.

Въ философіи римляне оказались мало самостоятельными, ставъ учениками грековъ, особенно стоицизма и эпикуреизма, съ каковыми направленіями они часто совершенно эклектическимъ путемъ соединяли и другія ученія. Назвать приходится здѣсь Цицерона, Сенеку, Лукреція Кара, автора поэмы, написанной въ духѣ эпикуреизма («О природѣ вещей»), императора Марка Аврелія, раба Эпиктета, государственнаго дѣятеля Боэція, «Утѣшевія философіи» котораго очень много читались. Римскому духу особенно отвѣчалъ стоицизмъ съ его строгимъ ученіемъ о долгѣ, оказавшимъ дѣйствительное вліяніе, на примѣръ, на позднѣйшее римское право («естественное право»). Что среди наукъ первое мѣсто по оригинальности и развитію принадлежитъ юриспруденціи, для насъ должно быть вполне понятнымъ послѣ того, что нами говорилось о римскомъ правѣ

вообще. Политическій умъ этого народа создалъ также исторіографію, возвысившуюся отъ простаго лѣтописнаго изложенія до прагматической характеристики. На этомъ поприщѣ особенно проявили себя Цезарь, Саллюстій, Ливій, но больше всѣхъ Тацитъ. Римляне цѣнили очень высоко краснорѣчіе, и у нихъ не было недостатка въ блестящихъ ораторахъ, какъ Катонъ и Цицеронъ; послѣдній, какъ и Квинтиліанъ, оставилъ намъ изслѣдованія о риторикѣ. Изъ естествениспытателей и географовъ выдѣляются Плиній, Помпоній Меланидр., въ медицинѣ Целзій, Галенъ, въ грамматикѣ Терентій Варронъ. Писалось много о сельскомъ хозяйствѣ, находившемся въ большомъ почетѣ у римлянъ. Въ математикѣ и астрономіи пріобрѣли извѣстность Нигидій Фигуль и Ценсоринъ. Широко извѣстно сочиненіе Витрувія объ архитектурѣ.

Языкъ, на которомъ говорили римляне, латынь, представляетъ собою вѣтвь индоевропейскаго корня, наиболее родственную языку греческому; римскій алфавитъ является видоизмѣненіемъ греческаго. Національные зародыши поэтической литературы сильно заслонялись греческимъ вліяніемъ, положившимъ вообще начало всей римской образованности и направившимъ все ея развитіе. По глубинѣ чувства и непосредственности римская поэзія значительно уступала греческой, что, однако, не помѣшало ей достигнуть въ «золотой вѣкъ» высокаго совершенства въ стилистическомъ отношеніи. Существуютъ деревенскія пѣсни, народныя драмы (ателланы, фесценны), сатирическія произведенія, рядъ нравоучительныхъ поэмъ, преимущественно посвященныхъ сельскому быту, а также поэтическія посланія—всѣ самобытнаго происхожденія. Національнаго эпоса нѣтъ, есть только эпосы литературные. Въ качествѣ эпиковъ пріобрѣли извѣстность: Ливій Андроникъ, основатель римской художественной поэзіи, Эній, особенно же творецъ «Энеиды» Вергилій Маронъ и авторъ «Метаморфозъ» Овидій Назонъ. Произведенія повѣствовательнаго характера написали Петроній (важенъ для бытовой исторіи) и Апулей («Амуръ и Психея»). Какъ баснописецъ выдвинулся Федръ, какъ писатели съ нравоучительнымъ направленіемъ, главнымъ образомъ, уже поименованные Лукрецій и Вергилій («Георгика»). Выдающимися сатириками были Люцилій, Ювеналь, Персій, авторы эпиграммъ Марціаль, Горацій Флакъ, бывшій въ то же время благодаря своимъ одамъ первымъ по значенію римскимъ лирикомъ. Въ области элегической поэзіи прославились Катулль, Проперцій, Тибуллъ и Овидій. Лучшіе результаты, въ

сравненіи съ нерѣдко ходульною трагедіею (Энній, Сенека и др.), достигались въ комедіи, въ которой подвизались съ наибольшимъ успѣхомъ Плавтъ, Терентій и Аффраній. Очень популярны были пантомимы, принимавшія впоследствии часто скабрёзный характеръ. Устройство театра и положеніе артистовъ было сколкою съ соотвѣтственныхъ греческихъ порядковъ.

Сравнительно слабый національный отпечатокъ носило и римское искусство. Наибольшую самостоятельность римляне обнаружили въ своихъ утилитарныхъ сооруженіяхъ, воздвигаемыхъ ими какъ въ Италіи, такъ и въ провинціяхъ, и благодаря своей превосходной конструкціи устоявшихъ противъ всеразрушающаго времени. Къ числу этихъ памятниковъ относятся особенно слѣдующіе: водопроводы, мосты, клоаки, триумфальныя арки, базилики и отдѣливаемые съ расточительною роскошью бани. Характернымъ для римской архитектуры является соединеніе этрусской сводчатой системы съ греческою колоннадою, а также примененная ею впервые косая крыша при жилыхъ постройкахъ. Въ эпоху имперіи склонность къ пышнымъ и колоссальнымъ сооруженіямъ, къ эффектному, импозантному и великолѣпному находитъ себѣ воплощеніе въ большомъ количествѣ театровъ, амфитеатровъ, цирковъ, триумфальныхъ арокъ, террасъ, дворцовъ, виллъ, базиликъ и храмовъ. Римская пластика оригинальна своими портретными статуями, характерными и прекрасно индивидуализирующими, и историческими рельефами (колонна Траяна). Но въ общемъ она находится подъ греческимъ вліяніемъ, такъ что рядомъ съ суровостью и выдержанностью римской пластики находитъ себѣ также мѣсто мягкость и изящество позднѣйшаго греческаго искусства (Аполлонъ Бельведерскій, Венера Медицейская и др., и въ противоположность къ нимъ, подлинно-римскія фигуры Августа, императрицъ и другихъ женщинъ). Римская живопись также подпала подъ вліяніе грековъ. Образцы ея дошли до насъ только въ видѣ помпейской стѣнописи съ мифологическими и другими изображеніями (геніи, аморетты и т. д.), а также съ сюжетами, заимствованными изъ народнаго быта; рисунокъ и колоритъ во многихъ случаяхъ прекрасны.

§ 20. Кельты, германцы, славяне. Аріиское племя кельтовъ уже съ очень давнихъ временъ обитало въ тѣхъ частяхъ Западной Европы, которыя позднѣе получили названіе Галліи и Британіи; отсюда они распространились въ Испаніи, Верхней Италіи, Германіи, Австріи и Греціи, смѣшиваясь съ иберами, германцами и римлянами и видоизмѣняя, въ свою очередь, встрѣчныя чужія расы и культуры. Во Франціи особенно сильно сказывается вліяніе кельтской стихіи и до сихъ поръ. Большая живость ума,

подвижной темпераментъ, тщеславіе, страсть къ спору и наклонность къ хвастовству, воинственный и рыцарскій духъ, чрезвычайная любовь къ свободѣ— вотъ качества, издавна отличавшія это племя. Кельты были сперва кочевниками, затѣмъ они стали хлѣбопашами; ихъ главнымъ занятіемъ, однако, была война, тогда какъ всякую производительную работу они возлагали на несвободныхъ. Въ высшей степени непокорная знать лишила царскую власть всякаго дѣйствительнаго значенія; громадную силу имѣло жреческое сословіе друидовъ, обладавшихъ тайнымъ ученіемъ и бывшихъ въ то же время носителемъ всякаго научнаго знанія. Въ общемъ, намъ очень мало извѣстно о старокельтской культурѣ, тѣмъ не менѣе, можно предполагать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она стояла не на очень низкомъ уровнѣ. У кельтовъ было особое сословіе пѣвцовъ и стихотворцевъ, такъ называемыхъ бардовъ. Кельты изготовляли прекрасное оружіе характерными для нихъ были длинный мечъ, копье и щель. Они любили пеструю, разукрашенную одежду; мужчины носили штаны и плащи.

Родственные кельтамъ германцы отличаются отъ нихъ въ существенныхъ чертахъ. Въ древнія времена они населяли Германію до Вислы на востокъ, до Рейна къ западу и весь сѣверъ вплоть до внутренней Скандинавіи. Суровый отчасти климатъ, въ которомъ они жили, создалъ изъ нихъ чрезвычайно крѣпкій и рослый типъ людей преимущественно русоволосыхъ и голубоглазыхъ и съ долихокефальнымъ (длинноголовымъ) строеніемъ черепа. Они неоднократно смѣшивались съ славянскими, финскими, кельтскими и римскими элементами. Главными чертами ихъ характера были: извѣстная суровость, доходящая часто до жестокости, прямотуше, честность, высоко развитое самолюбіе, гостепрѣимство, свободолюбивый духъ, неудержимая отвага и цѣломудріе; рядомъ съ этимъ въ нихъ подмѣчаются и пороки, въ родѣ страсти къ спорамъ, игрѣ и бражничанью, наклонности къ тунеядству, особенно въ мирное время. Этотъ во многомъ довольно варварскій народъ скрывалъ въ себѣ благородное зерно подъ суровой внѣшностью. Когда наступили благопріятныя условія, богатые задатки вложенныя въ природу германцевъ, получили широкое развитіе, и германцы стали выдающимся культурнымъ народомъ.

Долгое время германцы жили кочевниками, раздѣленными на множество самостоятельныхъ племенъ; охота, скотоводство, а позднѣе и земледѣліе чередовались въ ихъ повседневною обиходѣ или же отпращивались одновременно, причемъ мужчины охотились и воевали, а женщины и несвободные обрабатывали поля и ходили за стадами. Ручной трудъ считался недостойнымъ свобод

лага человека; только оружие онъ могъ изготовлять самъ. Главнымъ источникомъ богатства для германца служили стада. Убъ изъ нихъ, которые жили на границахъ Иберіи, занимались также торговлею, которая въ общемъ была мало развита, такъ какъ почти повсемѣстно господствовала система замкнутаго домашнего хозяйства. Городовъ не было, существовали лишь деревни и хутора, жизнь въ которыхъ способствовала развитію свободной индивидуальности германца. Жилыща далеко за начало среднихъ вѣковъ, въ виду обилія лѣсовъ, были деревянными; къ нимъ присоединялись дворъ и пахотная земля; лѣсъ и пастбища находились въ общемъ владѣніи (альменда) и предоставлялись въ свободное пользованіе всей деревнѣ, всей сельской общинѣ.

Германцы первоначально не знали ни строгой государственности, ни національнаго единства. Различныя племена и народности существовали болѣе или менѣе обособленно другъ отъ друга. Ядро социальной организаціи составлялъ родовой союзъ, выступавшій въ защиту каждаго своего участника противъ другихъ враждебныхъ ему союзовъ и сохранившій изъ временъ «матріархата» такъ называемый «авункулатъ», согласно которому дядя со стороны матери занимаетъ въ семьѣ исключительное положеніе. Надъ отдѣльными родами и семьями возвышались «сотни», смыкавшіяся, въ свою очередь, въ племена. Не во всѣхъ племенахъ во главѣ находился король, изъ числа наиболее знатныхъ родовыхъ старѣйшинъ; санъ его хотя и былъ наследственнымъ, но фактическаго значенія не имѣлъ. Настоящая власть сосредоточивалась въ совѣтѣ, тингѣ, собраніи благородныхъ и свободныхъ простолюдиновъ. Въ военное время избирался особый вождь, герцогъ, сотнями командовали князья. Для послѣдующаго развитія феодальнаго строя имѣло большое значеніе существованіе дружинныхъ отношеній, въ силу которыхъ отряды молодыхъ людей поступали на службу къ избранному ими вождю (князю, герцогу или королю), чтобы раздѣлять съ нимъ опасности, славу и добычу, предварительно обязавшись присягою и договоромъ. Знать состояла изъ членовъ наиболее древнихъ родовъ, не имѣвшихъ, однако, никакихъ привилегій. Кромѣ нихъ и свободныхъ, у германцевъ были еще лично свободные крѣпостные (литы) и рабы, причемъ источниками рабства являлись плѣнъ, продажа или задолженность и проигрышъ. Съ рабами обращались мягко. Они часто, подобно литамъ, получали въ пользованіе участокъ земли, за который они несли извѣстныя повинности. Племенные вожди творили судъ въ собраніи свободныхъ, которые, обступая первыхъ соменутымъ кольцомъ, постановляли приговоръ принятіемъ или отклоненіемъ предложеннаго рѣшенія. Существовалъ обычай кровной мести,

въ случаѣ непреднамереннаго убійства замѣняемой также вирою, величина которой зависѣла отъ положенія пострадавшаго. Семейная жизнь германцевъ отличалась большою чистотою нравовъ; форма брака была м о н о г а м и ч е с к а я, причемъ женщина занимала очень высокое положеніе въ семьѣ. При воспитаніи юношества съ раннихъ лѣтъ обращалось вниманіе на то, чтобы закалить здоровье. Не имѣя никакихъ научныхъ знаній, германцы, тѣмъ не менѣе, обладали уже зачатками п о э з і и: у нихъ были свои религіозныя, боевыя, застольныя, героическія и сослзательныя пѣсни, загадки, импровизація и сказанія, между прочимъ, также изъ животнаго міра. Общихъ п и с ь м е н ь у германцевъ не было; они знали только р у н ы, которыя вырѣзались изъ буковаго дерева и служили только цѣлямъ религіознымъ.

Древнегерманская р е л и г і я родственна всѣмъ прочимъ арійскимъ религіямъ. Будучи одного съ ними происхожденія, она, однако, складывалась подъ различными вліяніями: племенного характера, окружающей среды и христіанства. Первобытная мифологія природы со временемъ принимаетъ національныя черты; обоготворяемыя силы природы становятся также идеализированными представителями господствовавшихъ у германцевъ соціальныхъ отношеній. Но сильно развитое чувство природы кладетъ на религію германцевъ постоянный отпечатокъ. Борьба свѣта съ мракомъ, добрыхъ и благотворныхъ силъ съ разрушительными стихіями, ополчающимися въ образѣ гигантовъ противъ началъ порядка, вотъ основа германскаго мифа, особенно въ Скандинавіи. Верховнымъ божествомъ былъ сперва Т і у (санскр. Дьяусъ, греч. Зевсъ), ставшій впоследствии богомъ войны и принявшій у различныхъ племенъ различныя названія; его мѣсто, какъ владыки неба, занялъ В о т а н ь (Однъ), супругу котораго звали Ф р е е й (Фрика). Ихъ сынъ былъ Д о н а р ь (Торъ), богъ грома и молніи, исполнявшій, однако, подобно большинству другихъ германскихъ божествъ, еще рядъ другихъ функцій. Богу свѣта и весны Б а л д р у противопоставляется, какъ злое начало, Локи. Взглядъ, по которому все сотворено прабогомъ А л ь ф а д р о м ь, вѣроятно, возникъ позднѣе подъ вліяніемъ христіанства. И В а н ы, дополняющіе собою сонмъ боговъ, А з о в ь, не представляютъ собою ничего самобытнаго. Своимъ божественнымъ родоначальникомъ германцы считали Т у и с т о, сыномъ котораго былъ М а н н у с ь. Вся природа считалась наполненной божественными и демоническими существами, гигантами, карликами, альбами, русалками; кромѣ того, у германцевъ сыздавна существовалъ особый культъ духовъ и умершихъ. Въ германскихъ богахъ сочетаются стихійныя и человѣческіе, добрые и злые элементы, и прежде всего

въ нихъ находятъ себѣ воплощеніе боевая натура самихъ германцевъ (Валгалла, валькирии и др.). Еще сильнѣе, чѣмъ у грековъ, развита у нихъ вѣра въ ограниченіе власти боговъ рокомъ, олицетворяемымъ н о р н а м и. Боги, какъ и міръ, погрязшіе въ грѣхахъ, обречены вмѣстѣ съ нимъ на гибель, чтобы затѣмъ, обновившись, опять воскреснуть; правда, мысль о грѣховности боговъ не самобытна; она, какъ и многое другое, несомнѣнно навѣяна христіанствомъ. Культъ въ древнѣйшія времена не обходился безъ человѣческихъ жертвоприношеній, къ чему присоединялись еще жертвы животныхъ. Поклоненіе богамъ совершалось въ рощахъ, впоследствии также въ (деревянныхъ) храмахъ передъ установленными въ нихъ изображеніями боговъ. Были ж р е ц ы и ж р и ц ы, но замкнутой, вліятельной жреческой корпораціи не существовало. Болѣе систематической разработкѣ подверглась (сѣверно-)германская мифологія со стороны исландскихъ скальдовъ въ «Эддѣ» ранней и поздней редакціи. Переживанія германской національной религіи и связанныхъ съ нею обычаевъ мы встрѣчаемъ еще у христіанъ-германцевъ вплоть до нашего времени.

Самымъ послѣднимъ изъ индоевропейскихъ народовъ на арену исторіи выступаетъ с л а в я н с к о е п л е м я. Славяне въ древнее время обитали в о с т о ч н у ю Е в р о п у, равнину, разстилающуюся между Чернымъ и Бѣлымъ морями, однообразіе которой отразилось на характерѣ народа. Они смѣшивались съ германцами, финнами и монголами. Но имъ недостаетъ свойственной германцамъ энергіи, инициативы и самостоятельности, точно также какъ и воинственнаго духа послѣднихъ. Этимъ объясняется, что склонный къ меланхоліи и чувствительности народъ этотъ столь долгое время отставалъ въ своемъ культурномъ развитіи. Общественная организація славянъ во многомъ и очень долго удержала задружно-товарищескій характеръ, наиримѣръ, въ большой самостоятельности сельской общины; городской бытъ складывается довольно поздно. О древнеславянской религіи мы знаемъ очень немногое; она, во всякомъ случаѣ, сводилась къ поклоненію силамъ природы и обоготворенію душъ умершихъ; мифологія свидѣтельствуетъ о борьбѣ между лучезарными божествами свѣта и черными богами мрака. Главными богами считались П е р у н ъ, Р а д е г а с т ъ, С в ѣ т о в и т ъ. Славяне такъ же, какъ и германцы, вѣрили въ загробную жизнь. Національный характеръ славянъ всегда склонялся въ сторону суевѣрія. Земледѣліе и скотоводство были ихъ главными занятіями. Прекрасныя дарованія обнаруживаютъ славяне въ м у з ы к ѣ и х у д о ж е с т в е н н о й л и т е р а т у р ѣ, которая въ древнія времена, особенно у сербовъ, процвѣтаетъ въ формѣ героическаго эпоса (на-

ціональний сербскій герой Марко Кралевичъ). Старославянская азбука возникла въ IX вѣкѣ путемъ соединенія греческихъ, коптскихъ и армянскихъ письменъ.

§ 21. Христіанство. Христіанство, какъ соединеніе религіи, этики и опредѣленной соціальной организаціи, является самостоятельнымъ культурнымъ факторомъ чрезвычайной важности. Оно оказало самое широкое вліяніе на совокупность жизненныхъ отношеній, сложившихся послѣ крушенія государствъ древняго міра на почвѣ вѣровъ установившихся политическихъ рамокъ. Въ то время какъ въ языческой средѣ, рядомъ съ религіознымъ индифферентизмомъ, проявлялось страстное желаніе заполнить религіозную пустоту всевозможными культами, а у евреевъ усиленно подчеркивались формальная и обрядовая стороны религіи, въ лицѣ происшедшаго, быть-можетъ, изъ смѣшаннаго, еврейско-греческаго брака Иисуса изъ Назарета выступилъ на историческую сцену религіозный и моральный геній. Онъ задумалъ замѣнить простую законность религіею всеобщей любви къ человѣчеству, пробудить въ человѣкѣ сознаніе его сыновности Божьей и чистоту души поставить превыше всякихъ добрыхъ дѣлъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заполнить пропасть, отдѣляющую бѣдныхъ имуществомъ, честью и духомъ отъ презирающихъ ихъ богатыхъ и въ писаніи свѣдущихъ, указаніемъ на братство всѣхъ людей передъ Богомъ. Эти ученія встрѣтили на первыхъ порахъ горячій пріемъ у одной части еврейства; но вскорѣ опять стала вкрадываться «законность» мейсейства или фарисейства, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и все національно ограниченное, препятствовавшее распространенію новой вѣры среди остального человѣчества. Въ противоположность этому «іудейскому христіанству» апостола Петра, апостоль «языческаго христіанства», еврей Павелъ, училъ о наднаціональной природѣ христіанства. Къ восходящей къ стародавнимъ уюваніямъ, но лишенной прежняго свѣтскаго характера мысли о Мессіи и къ идеѣ о «царствѣ Божіемъ», создаваемомъ на землѣ, теперь, благодаря апостолу Павлу, присоединяется вѣра въ спасеніе человѣчества некупительными страданіями пожертвовавшего собою ради грѣховъ человѣческихъ сына Божьяго, Христа. Далѣе, христіанство было подвинуто впередъ въ своемъ развитіи вліяніемъ эллинской философіи, а именно воспринятаго евреемъ Филономъ изъ Александріи и переработаннаго имъ въ духѣ іудейства ученія о логосѣ, о божественномъ міровомъ духѣ, о міровомъ разумѣ; благодаря этому вліянію Христосъ превратился въ тѣлесно претворенный «логосъ», предвѣчно пребывавшій у Бога какъ «слово», чрезъ которое все было сотворено. Съ присоединеніемъ къ этому идеи святаго духа, христіанская религія посте-

ненно развились въ известное ученіе о Троицѣ. Еврейское и другія восточныя вліянія скрестились въ христіанствѣ съ возрѣніями греческой философіи. Съ помощью послѣдней послѣ долгихъ и упорныхъ вѣроисповѣдныхъ споровъ, послѣ изыятія многихъ различныхъ точекъ зрѣнія и лжеученій (побѣды аѳанасіанства надъ аріанствомъ на Никейскомъ соборѣ), мало-по-малу, были разработаны догматы христіанства, т.-е. католицизма.

То, что у язычниковъ было раздѣльно, а именно высокая философская мораль и благоговѣйная проникновенность религіи, въ христіанствѣ слилось въ одно цѣлое. Оно связывало съ трансцендентальными идеями страстное желаніе регулировать въ духѣ этихъ идей отношенія практической жизни. Эти его преимущества передъ другими, родственными, но односторонними тенденціями того времени, въ особенности же господствовавшая тогда децидентализація, далѣе, бѣдственное состояніе рабовъ и имущественно обездоленныхъ, беззавѣтная готовность къ самопожертвованію столькихъ людей (мучениковъ), наконецъ, проснувшееся и у цезарей, послѣ столькихъ гоненій, сознаніе высокой цѣнности этой религіи, объявленной при императорѣ Константинѣ государственной,—все это неминуемо должно было обезпечить за христіанствомъ господство надъ умами. Побѣда эта досталась ему тѣмъ легче, что изъ небольшихъ сначала общинъ образовалась іерархически организованная церковь, которая вскорѣ могла перейти отъ обороны къ наступленію, между прочимъ, благодаря тому, что она дѣлала уступки привычкамъ и вѣрованіямъ обращаемыхъ въ христіанство народностей, этимъ, конечно, во многомъ видоизмѣняя самое христіанство. Тогда какъ Іисусъ и учившіе вслѣдъ за нимъ въ духѣ нагорной проповѣди, не отвергая совершенно обрядовой стороны, все же отодвигали ее на задній планъ. въ болѣе позднес христіанство, кромѣ законности іудейства, языческой мифологіи и римскаго имперіализма, проникли сложный и пышный культъ и жреческая іерархія. И если первоначальное христіанство обнаруживаетъ коммунистическія черты, и помыслы его направлены преимущественно на сохраненіе нравственной чистоты въ настоящемъ мірѣ и на достиженіе вѣчнаго блаженства въ мірѣ потустороннемъ, церковь въ такой степени обмірщала, что власть и богатство стали для нея сперва средствомъ, ведущимъ къ цѣли, а затѣмъ и самоцѣлью, обладающею величайшею внутреннею цѣнностью. Невзирая, однако, на то, что конечная форма, въ которую вылилось христіанство, только въ очень несовершенной степени отвѣчало лежащей въ его основаніи высокой идеѣ богочеловѣчества и провозглашенному

имъ осуществленію царства моральныхъ цѣлей въ сознаніи внутренняго единенія съ Богомъ, и невзирая также ни на какія препятствія, вредъ и ужасъ, чинимые впоследствии во имя Христа, ученіе это оказало освобождающее, обновляющее и возвышающее дѣйствіе; оно внесло въ хаосъ народовъ наступающаго средневѣковья начало внутренняго единства и этимъ подготовило созданіе новой всеобъемлющей культуры. Если христіанству и не удалось тотчасъ же упразднить рабство, то своею проповѣдью о равенствѣ всѣхъ людей передъ Богомъ и во Христѣ оно все-таки подѣйствовало умѣряюще и смягчающе на его проявленія въ жизни. Христіанство также оказало громадное вліяніе въ пользу улучшенія положенія женщины, на распространеніе милосердія и благотворенія, на подавленіе чувственныхъ вождельній, на уваженіе къ человѣческой жизни; за излишества и заблужденія нерѣдко морально развращеннаго, но, тѣмъ не менѣе, въ высшей степени нетерпимаго, фанатичнаго, ограниченнаго и умственную свободу стѣсняющаго поповства христіанство, какъ таковое, однако, отвѣтственнымъ дѣлать нельзя. Съ самаго начала оно содержало въ себѣ многое, что, какъ реакція, или какъ непреднамеренное дѣйствіе, или только вслѣдствіе односторонняго проведенія въ жизнь, могло вредно отразиться на культурѣ; многое, конечно, обуславливалось лишь характеромъ времени и особенностями первоучителя и потому не могло удержаться навѣки; но религіозно-моральное ядро все-таки не пострадало отъ разрушающаго потока времени и измѣняющихся отношеній.

Первоначальное христіанство не знало никакой церкви. Существовали только общины единомышленниковъ для веденія чистаго образа жизни и для почитанія Бога въ духѣ христіанства. Каждый членъ общины могъ совершать священническія дѣйствія, но пресвитеры (старѣйшины) отправляли религіозныя и прочія дѣла общины. Тогда какъ главные изъ пресвитеровъ отдѣлились отъ послѣднихъ какъ особыя епископы, высшіе священники, сами пресвитеры со временемъ сошли на положеніе простыхъ священниковъ. Изъ среды епископовъ выдѣлился, въ свою очередь, и достигъ высшей власти епископъ римскій, въ качествѣ «преемника апостола Петра». Такимъ образомъ, возникли папство и іерархія, рѣзкая противоположность между клиромъ и мірскимъ обществомъ, между церковью и государствомъ, съ постояннымъ соперничествомъ послѣднихъ двухъ силъ между собою.

Возникшее въ первые вѣка новой эры христіанское монашество и отшельничество слѣдовало восточнымъ образцамъ. Въ противоположность къ христіанамъ, не гнушавшимся интересовъ міра сего, нѣкоторая часть, охваченная религіознымъ экстазомъ,

думала посвятить свою жизнь исключительно служенію Богу, аскетизму и покаянію, чтобы подавить въ себѣ все суетное. Они изоцрялись въ умерщвленіи плоти и въ наложеніи на себя всякаго рода лишеній, жили въ глубокомъ уединеніи, избѣгали общенія съ людьми, особенно съ женщинами, воздерживались то отъ принятія пищи сверхъ извѣстнаго минимума, то отъ тѣлеснаго движенія, то отъ рѣчи, истязали себя ужаснѣйшимъ образомъ, выступали въ качествѣ «столпниковъ» и т. п.; при этомъ пренебрегались всѣ узы родства, религиозное воодушевленіе часто переходило въ сумасшествіе и крайнюю жесткость. Женщины тоже предавались такой аскетической жизни. Но и въ монашество вскорѣ проникло начало соціальной организаціи; путемъ соединенія отдѣльных отшельниковъ или отшельницъ для совмѣстной жизни образовались монастыри, для которыхъ со временемъ были выработаны различные уставы. И здѣсь обмирщенію былъ снова открытъ самый широкій доступъ; аскетизмъ часто переходилъ въ самый грубый развратъ и обнагленную чувственность.

II. Средніе вѣка.

§ 22. Общій взглядъ на средневѣковье. Средніе вѣка являются, съ одной стороны, временемъ реакціи, направленной противъ свѣтскаго характера античной культуры, съ другой—періодомъ подготовленія и созиданія культурныхъ новообразованій, преимущественно на почвѣ религіи и общественно-государственной жизни. Новые народы выступаютъ на историческую сцену, предѣлы которой раздвигаются въ сѣверномъ и западномъ направленіяхъ. Религія составляла главное связующее начало между ними, и она же направляла и регулировала всю совокупность средневѣковой жизни. Кромѣ христіанства, заимствуется у античнаго міра идея римской имперіи, и съ ея помощью церковь превращается въ такую могущественную свѣтскую силу, которая въ лицѣ папства не только вступаетъ въ рѣшительное соперничество съ императорскою властью, но и стремится стать неограниченнымъ властелиномъ надъ всѣмъ вообще христіанскимъ міромъ. Въ соціально-политическомъ отношеніи средніе вѣка характеризуются развитіемъ ленной и феодальной системы, приведшей къ ослабленію королевскаго авторитета и къ усиленію знати и территоріальныхъ князей. Позднѣе въ городахъ возникаетъ бюргерство (буржуазія), съ возрастающимъ значеніемъ котораго падаетъ, наконецъ, и феодализмъ. На Востокѣ, напротивъ, исходя отъ новой религіи ислама, образуется своеобраз-

ный теократическій деспотизмъ. Въ византійской культурѣ сочетаются восточные, греческіе и римскіе элементы, тогда какъ въ средней Европѣ борьба между древними римскими и новыми германскими началами ведетъ къ синтезу, при которомъ перевѣсъ во многомъ остается на сторонѣ послѣднихъ. Въ качествѣ носителей культуры, по очереди выступаетъ сперва духовенство, затѣмъ дворянство (рыцарство), наконецъ, городское сословіе; образованіе захватываетъ только небольшіе кружки; оно отмѣчено односторонностью и незаконченностью. Среднимъ вѣкамъ недостаетъ индивидуализма въ жизни и мысли, самостоятельности и творческой самобытности у отдѣльныхъ дѣятелей; хоровое начало, проявившееся въ существованіи множества разнообразныхъ корпорацій, сильно развито, такъ что отдѣльная личность сознаетъ себя только членомъ своей группы. Мысль скована принципомъ авторитета, мѣшавшимъ ей свободно развернуться. Рядомъ съ величайшею задушевностью и мечтательностью часто наблюдается ничѣмъ не смягчаемая чрезвычайная грубость; неотесанность и чувственность, строгій аскетизмъ и нравственная разнузданность съ обнаглѣлымъ чревоугодничествомъ вполне уживаются другъ съ другомъ. Чрезмѣрная суровая дисциплина и связанность не достигаютъ цѣли, а весьма часто даже приводятъ какъ-разъ къ обратному. Непримиренныя между собою противоположности налагаютъ свой отпечатокъ на средневѣковую жизнь. Возникаютъ всякаго рода противорѣчія, разрѣшеніе коихъ должно было рано или поздно послѣдовать.

Въ дальнѣйшемъ мы обрисуемъ сперва византійскую и арабскую культуры въ ихъ главныхъ чертахъ, а затѣмъ прослѣдимъ развитіе образованности и гражданственности на германо-романскомъ Западѣ Европы.

§ 23. Византійская культура. Культура восточно-римской, греческой или византійской имперіи включаетъ въ себѣ очень мало самостоятельнаго и выдающагося. Однако, она не лишена извѣстнаго значенія благодаря тому, что она стала хранительницею культурнаго достоянія античной древности и посредницею въ передачѣ его послѣдующимъ вѣкамъ. Большой наружный блескъ очень часто сочетался съ внутреннимъ разложеніемъ. Чрезмѣрная погоня за роскошью, чувственность и изпѣженность вмѣстѣ съ сервиллизмомъ, низкопоклонствомъ и безхарактерностью царедворцевъ (византинизмъ) изобличаютъ здѣсь наличность сильнаго восточнаго вліянія. Восточный отпечатокъ носить на себѣ также деспотическое правленіе императоровъ, тиранническое господство церкви и государства. Римскаго происхожденія, наоборотъ, стройность административной организаціи, поста-

новка финансоваго и военнаго дѣла и правосудія (codex Justinianus, 529). Партийныя раздоры, возникавшіе на почвѣ происшествій въ циркѣ (синіе и зеленые) и церкви, также навѣяны римскимъ духомъ. Религія, т.-е. христіанство, именно въ Византіи совершенно уклонилось отъ своего первоначальнаго характера, обмірцало и закоснѣло въ догматическихъ хитросплетеніяхъ. Въ то же самое время проникшее въ него язычество приводитъ къ установленію широкаго иконопочитанія, изъ-за котораго разгорается борьба между иконодудами и иконокластами; упраздненное въ 726 г. иконопочитаніе снова и окончательно возстановляется въ 842 г. Временами богословскіе споры принимали такіе размѣры, что они даже колебали прочность государственныхъ устоевъ, какъ это имѣло мѣсто, съ особенно пагубными послѣдствіями, незадолго до взятія Константинополя турками. Богословскій фанатизмъ ярко проявилъ себя также въ закрытіи въ 529 г., по распоряженію Юстиніана, философской школы въ Аѳинахъ, положившемъ конецъ изученію философіи въ Византійской имперіи вообще. Для науки, хотя и немного, но кое-что все-таки сдѣлано въ рядѣ филологическихъ, историческихъ и математическихъ изслѣдованій. Короткое время сильно процвѣтали промышленность и торговля, особенно изготовлялись и вывозились великолѣпные и драгоценные предметы, служащіе цѣлямъ роскоши; византійскія платья и ткани, а также другія издѣлія художественной промышленности проникали въ знатные круги европейскаго общества. Какъ вообще въ культурной жизни Византіи, такъ въ частности въ искусствѣ ея обнаруживается склоненіе къ застою, къ чопорному формализму безъ индивидуальнаго отпечатка, безъ души. Лучшихъ результатовъ достигается архитектурою, представляющею собою дальнѣйшую разработку стиля римскихъ базиликъ и круглыхъ арокъ; характернымъ для византійскаго церковнаго стиля являются центральная планировка и своеобразное сведеніе купола (Софійскій соборъ какъ образецъ), подвергшагося на Руси восточному вліянію (луковичный куполъ). Восточное вліяніе наблюдается въ византійской пластикѣ. Формализмъ ея во многомъ раздѣляетъ и византійская живопись; общеизвѣстны длинныя фигуры, съ устремленнымъ взоромъ, въ роскошныхъ одѣяніяхъ, на золотомъ фонѣ. Европейское искусство въ теченіе многихъ вѣковъ находилось подъ вліяніемъ этого строгаго, для религіозныхъ цѣлей подходящаго стиля. Въ Россіи онъ до сихъ поръ сохранилъ свое значеніе для церкви; эта страна вообще на протяженіи долгаго времени находилась въ большой зависимости отъ Византіи при созиданіи и развитіи своей культуры, слѣды каковой зависимости она сохранила и по сихъ поръ во многихъ особенностяхъ своего государственнаго строя, церкви и т. д.

§ 24. Арабская культура. Арабская культура раздѣляетъ судьбу византійской. Послѣ эпохи расцвѣта и вліянія на другія культуры, она быстро пришла въ упадокъ, вслѣдствіе покоренія и изгнанія мавровъ изъ Испаніи и разрушенія исламитскихъ государствъ на Востокѣ.

Арабы принадлежатъ къ семитической расѣ. Они представляютъ собою сильную, мускулистую и живучую породу людей. Мужество, гордость, свободолюбивый духъ и гостепріимство составляютъ наиболѣе выдающіяся качества этого племени. Уже съ давнихъ временъ существовала извѣстная противоположность между тѣми арабскими племенами, которыя остались вѣрными кочевой жизни бедуиновъ, и тѣми, которыя перешли къ осѣдлому, городскому быту. «Пра-родина» арабовъ, пустыня, въ значительной степени опредѣлила характеръ арабовъ, ихъ простой образъ жизни и нравы. Скотоводство и торговля, а рядомъ съ этимъ и разбой уже създавна служили имъ главными занятіями. Личный трудъ былъ ненавистенъ арабу-пустыножителю; между отдѣльными племенами, вслѣдствіе разбоя, кровной мести и т. д., происходили частыя распри. Во главѣ племенъ, состоящихъ изъ родовыхъ союзовъ и семействъ, стояли шейхи. Очень развита была семейная жизнь; у богатыхъ существовало многоженство. Туземная религія сводилась къ анимизму и поклоненію небеснымъ свѣтиламъ (савейзмъ); кромѣ этого, были послѣдователи іудейства, христіанства и различныхъ смѣшанныхъ толковъ. Общею всѣмъ святынею былъ храмъ Каабы (съ чернымъ камнемъ) въ Меккѣ, въ который уже издревле совершались паломничества богомольцами.

Магометъ († 632), изъ племени корейшитовъ, объединилъ арабовъ въ единый культурный народъ. Возникъ рядъ государствъ съ деспотическимъ устройствомъ. За основаннымъ Магометомъ военнымъ государствомъ послѣдовала теократическая монархія, халифатъ, т.-е. правленіе «наслѣдниковъ пророка» по обладанію духовной и свѣтской властью. вмѣсто народнаго ополченія теперь образуются наемныя войска, вводятся налоги, пошлины и всѣ государственныя установленія, въ родѣ монетной системы; во всемъ этомъ подражали еврейскимъ порядкамъ. Правосудіе отправлялось особыми судьями, кади; верховнымъ судьей былъ самъ халифъ. Промышленность и торговля процвѣтали, возникали многолюдные и богатые города съ великолѣпною и разнообразною жизнью (Дамаскъ, Багдадъ), повлекшею, однако, за собою продажность, нравственную распущенность и вырожденіе. Въ сферѣ духовной жизни на первомъ планѣ у арабовъ стояла религія—исламъ («покорность» Богу), основанный Магометомъ въ VII вѣкѣ послѣ Р. Хр.

путемъ соединенія іудейскихъ, христіанскихъ и народныхъ вѣрованій. Эта религія представляла собою сразу собраніе какъ правовыхъ нормъ, такъ и нравственныхъ поученій. Трезвый раціонализмъ и чувственное воображеніе, на ряду съ крайнимъ фанатизмомъ настроенія въ одинаковой мѣрѣ принимали участіе въ ея созиданіи. Она покоится на строгомъ монотеизмѣ, выраженномъ положеніемъ: «Единъ есть Богъ, и Магометъ его пророкъ»; Моисей и Іисусъ признаются пророками, но только второй степени. Богъ—господинъ всего, его воля—безусловный источникъ всего совершающагося, ею опредѣлена судьба каждаго человѣка (фатализмъ); это, однако, не мѣшало Магомету учить также о свободѣ воли. Известно, что этотъ фатализмъ привелъ арабовъ къ презрѣнію смерти и безграничной отвагѣ съ одной стороны и къ застою и косности—съ другой. Исламу свойственна, далѣе, вѣра въ ангеловъ, воскрешеніе, страшный судъ, въ безсмертіе и существованіе рая (изображаемаго матеріалистически и населяемаго прекрасными дѣвами—гуріями) и ада (геенна). Благочестіе, правдивость и милосердіе считаются главными добродѣтелями. Въ отношеніи ритуала для каждаго магометанина обязательны известныя омовенія, молитвы, милостыни (десятина), посты (въ мѣсяцѣ рамаданѣ) и воздержанія; хожденіе въ Мекку на богомолье слѣдовало совершать, по крайней мѣрѣ, разъ въ жизни. Особаго, замкнутаго жреческаго сословія нѣтъ, но существуетъ духовная корпорація изъ улемовъ и имамовъ съ шейхъ-уль-исламомъ во главѣ; кромѣ того, имѣются разнаго рода дервиши и дервишскіе монастыри. Священное писаніе ислама называется кораномъ; оно составлено Абу-Бекромъ. Существуетъ, однако, множество магометанскихъ сектъ; самыми важными являются сунниты, правовѣрные приверженцы устнаго преданія (сунна), и шиты, отвергающіе послѣднюю. Подъ вліяніями, идущими съ Востока, образовались различныя богословскія школы, какъ-то. раціоналистическихъ мутазитовъ, проповѣдующихъ свободу воли, ашаритовъ (правовѣрныхъ), суфовъ (мистиковъ) и др., причѣмъ всѣ онѣ подвизались и въ философіи. При всемъ своемъ презрѣніи къ другимъ религіямъ, а, пожалуй, именно изъ-за этого, исламъ относится къ сектамъ вполне терпимо. Но, невзирая на это, онъ, какъ доказываетъ исторія, по существу своему все-таки стремится къ утвержденію господства ученія пророка, которое въ дѣйствительности распространялось и укрѣплялось арабами не иначе, какъ мечомъ и огнемъ.

Въ эпоху, когда христіанскіе народы Европы стояли на весьма низкой ступени умственной культуры, арабы достигли значительныхъ успѣховъ въ наукахъ, и Европа, въ самомъ дѣлѣ, многому отъ нихъ научилась, будучи обязана арабамъ не только множествомъ позайм-

ствованныхъ у нихъ готовыхъ знаній, но и просто сильнымъ возбужденіемъ разностороннихъ умственныхъ интересовъ. На Востокѣ (въ Багдадѣ) и на Западѣ (въ Испаніи) среди арабовъ, несмотря на стѣснительныя тенденціи ислама, господствовала подвижная и богатая духовная жизнь. Въ философіи арабы выступали если не самобытными, то весьма тонкими и остроумными мыслителями, сочетавшими и развившими, съ помощью своеобразнаго діалектически-схоластическаго метода и въ чрезвычайно оригинальныхъ формахъ, ученіе Аристотеля и неоплатониковъ, оставаясь при этомъ, въ бѣльшей или меньшей степени, вѣрными также исламу. Самыми выдающимися философами были: Алъ-Кинди, Алъ-Фараби, Ибнъ-Сина (Авиценна), Ибнъ-Рошдъ (Аверроэсъ), Алъ-Гацали (Алгасель), Ибнъ-Тофайль. Къ философіи въ широкомъ смыслѣ относятся также математика и естествознаніе. И въ этихъ научныхъ областяхъ они продолжали разработывать унаслѣдованное отъ древнихъ грековъ и чрезъ посредство сирійскихъ ученыхъ преемственно переданное имъ научное достояніе, какъ-то: ариметику, алгебру, геометрію, тригонометрію и т. п.; изъ Индіи они принесли европейцамъ такъ называемыя «арабскія» цифры. Многие сдѣлали они также для астрономіи благодаря точности своихъ наблюденій, хорошимъ качествамъ приборовъ и благоустройству обсерваторій; но на ряду съ этимъ они много занимались также астрономіею. Въ оптикѣ отличился, между прочимъ, Авиценна. Въ медицинѣ арабы едва ли превзошли ученіе Галена, хотя ихъ врачи были прекрасными знатоками своего дѣла, и всѣ обучались въ собственныхъ школахъ. Больше успѣвали арабы въ химіи, въ которой они сдѣлали немало цѣнныхъ открытій. Частыя и далекія путешествія, предпринимавшіяся арабами въ коммерческихъ и религіозныхъ цѣляхъ, а также ихъ многочисленныя походы способствовали появленію обильной литературы по географіи; самымъ выдающимся географомъ былъ Эдриси. Чрезвычайно цѣнна богатствомъ свѣдѣній арабская исторіографія, которая выступаетъ подъ видомъ какъ національной, такъ и универсальной исторіи, а въ лицѣ Ибнъ-Халдуна подымается на уровень философскаго обзрѣнія исторіи, останавливающаго свое вниманіе, напр., на природѣ страны и т. д. Очень распространены были также занятія филологическими и особенно богословскими дисциплинами. Благодаря большому числу переводовъ, прекрасныхъ школъ, не исключая высшихъ, богатыхъ книгохранилищъ и институтовъ, арабы всячески содѣйствовали широкому распространенію образованія.

Поэтическое чутье еще съ древнихъ временъ было развито у арабовъ. Склонность къ поэтическому творчеству предполагала

чрезвычайно высокую оцѣнку соотвѣтственнаго дарованія, которое, дѣйствительно, стяжало его обладателю, смотря по обстоятельствамъ, славу, богатство, помилованіе. Поэтическія состязанія были очень популярны; произведенія, удостоенныя награды, по свѣдѣніямъ, развѣшивались въ Каабѣ, откуда произошло названіе Моаллакъ для части до-магометовской поэзіи, къ которой причисляются также Дивана и Гамаза. Страстность, чувство природы и благородство характеризуютъ древнюю арабскую поэзію, сводящуюся преимущественно къ лирикѣ. Съ возникновеніемъ ислама въ нее проникаютъ витіеватость и аллегорія; она становится манерною и, во всякомъ случаѣ, рѣзко противоположною безыскусственной непосредственности первобытнаго времени. Несмотря на это, все-таки имѣется рядъ превосходныхъ арабскихъ поэтовъ; изъ нихъ самый выдающійся—Мутаннаби. Эпоса у арабовъ нѣтъ, но зато они могутъ гордиться громаднымъ богатствомъ повѣстей, басенъ, сказокъ, изъ коихъ наибольшею извѣстностью пользуется заимствованный отчасти у персовъ знаменитый сборникъ «Тысяча и одна ночь». Оригинальна поэзія макамовъ, смѣсь поэзіи съ прозою (Гарри). Чрезвычайно изобилуетъ арабская поэзія сентенціями и афоризмами. Фатализмъ въ религіи служилъ серьезнымъ препятствіемъ для развитія драмы.

Строгий монотеизмъ, исключавшій всякое иконопочитаніе, не допускалъ также развитія пластики и живописи. Оба названныхъ искусства должны были ограничиваться у арабовъ растительными и геометрическими мотивами въ соединеніи съ стилизованными письменами (арабески). Высокаго расцвѣта достигла архитектура; характерными для нея являются изящныя линіи сводовъ (въ формѣ подковъ и др.), окаймляющія дворы колоннады, куполы и минареты на мечетяхъ, богатая орнаментика на плоскостяхъ, долженствующая замѣнить собою картины. Великолѣпныя мечети и роскошные дворцы и замки существовали въ Дамаскѣ, Каирѣ, Испаніи (Кордовѣ, Гренадѣ—Альгамбра, Севильѣ—Альказарѣ), Сициліи, Индіи, Персіи и другихъ странахъ. Оригинальныя и изящныя формы вырабатаны художественною промышленностью арабовъ (работы изъ дерева, стекла, глины, эмали); въ такомъ же состояніи находилась художественная промышленность и въ новоперсидскомъ царствѣ, которое особенно прославилось своею прекрасно расписанною керамикой. У персовъ исламъ распространился въ видѣ шіитства. Блестящія произведенія дала намъ персидская поэзія, какъ эпическая (героическая поэма Шахъ-наме Фирдуси), такъ и лирическая (Джелаледдинъ Руми, Сади. Гафисъ и др.). Въ наукахъ (преимущественно въ медицинѣ) и въ философіи выдвинулись въ средніе вѣка еще и евреи. Благодаря своимъ переводамъ, они сооб-

щили Западной Европѣ болѣе или менѣе полное знакомство съ Аристотелемъ, а въ лицѣ собственныхъ своихъ философовъ, особенно Ибнъ-Габироля (Авицебронъ), оказали непосредственное вліяніе на христіанскую философію. Они частью являются послѣдователями Аристотеля, съ нѣкоторыми, однако, отклоненіями отъ подлинника, частью склоняются болѣе въ сторону неоплатонизма, а то и прямо выступаютъ эклектиками. Кромѣ Ибнъ-Габироля, слѣдуетъ особенно упомянуть Ибнъ-Эсру, Моисея-бенъ-Маймуна (Маймонидъ), методъ котораго очень похожъ на схоластическій (его главный трудъ—Морэ Небухимъ, «Путеводитель заблудшихся») и др. Съ характеромъ мистической теософіи и тайнаго ученія выступаетъ кабала, изучаемая также христіанскими учеными. Раввинство, занявшее мѣсто древняго жречества, создало богатую талмудійскую литературу, извѣстную своими до мелочности подробными законотолкованіями. Въ этой литературѣ разбираются преимущественно богословскіе, но, на ряду съ ними, и этическіе, юридическіе, историческіе, медицинскіе и другіе вопросы. Обнаруживающаяся въ ней чрезвычайно напряженная работа ума направлена въ чисто-формальную сторону и изощряется въ постановкѣ и разрѣшеніи хитросплетеній. Талмудъ («Ученіе») состоитъ изъ обработки старыхъ преданій Мишны и толкованій къ ней Гемары. Выдающимися еврейскими писателями въ средніе вѣка были Ибнъ-Габироль, Иуда Галеви и др. Соціальное положеніе евреевъ было различное: блестящее въ Испаніи при владычествѣ мавровъ, оно находилось въ рѣзкомъ контрастѣ къ угнетенію и гоненіямъ, испытываемымъ евреями въ то же самое время въ Германіи и Франціи. Но въ общемъ и въ послѣднихъ странахъ ихъ доля не была чрезмерно суровою; они здѣсь имѣли важную привилегію отдавать деньги въ ростъ и взимать проценты, что давало имъ возможность съ полнымъ успѣхомъ использовать свои финансовыя таланты, и принимали дѣятельное участіе въ развитіи торговли, денежнаго оборота и культурнаго взаимодействія отдѣльныхъ народовъ. Обособленіе по собственному почину и принудительное заключеніе въ гетто, вмѣстѣ съ ограниченіями въ выборѣ занятій и съ возрастаніемъ, особенно со времени крестовыхъ походовъ, общаго внѣшняго гнета—все это наложило печать односторонности на еврейскую культуру и привило самимъ евреямъ такія качества (главнымъ образомъ, крайне мелочный подчасъ утилитаризмъ), отъ которыхъ они въ состояніи будутъ освободиться только путемъ продолжительнаго и глубокаго усвоенія началъ европейской культурной жизни.

§ 25. Религіозная культура христіанскаго средневѣковья.
Приступая къ разсмотрѣнію средневѣковой германо-романской культуры, мы должны прежде всего остановить свое вниманіе

на самомъ главномъ ея факторѣ, на религиозныхъ ея элементахъ. Это—время, когда, съ помощью идеи римскаго имперіума, христіанство организуется въ покоящуюся на іерархическихъ началахъ католическую церковь, обнимающую и подчиняющую себѣ всѣ христіанскіе народы. Изъ римскаго епископата образуется папство, которое, подчеркивая свое божественное происхожденіе, превращаетъ церковь въ государство.

Много вѣковъ ушло, пока языческіе народы, населявшіе Европу, окончательно и вполнѣ пріобщились къ христіанству. Долгое время переходъ въ новую религію былъ чисто-внѣшнимъ; въ душѣ новообращенные христіане оставались язычниками, продолжая открыто или тайно совершать прежніе обряды и культы. И позднѣе не переставало привходить много языческихъ элементовъ въ христіанскую вѣру германскихъ, романскихъ, славянскихъ и другихъ племенъ, особенно въ средѣ народной. Обращеніе въ новую религію иногда совершалось благодаря примѣру государя, увлекавшаго за собою и весь народъ, или путемъ внѣшняго принужденія послѣ завоеванія, или же, наконецъ, какъ слѣдствіе дѣятельности апостоловъ христіанства среди язычниковъ (Колумбанъ, Эмеранъ, Рупертъ, Бонифацій и др.) и монаховъ. Смотря по душевному складу народа, воспринимающаго новую вѣру, христіанство получало тотъ или иной характеръ; у германцевъ христіанство стало глубже въ смыслѣ большей проникновенности и заданности, сдѣлавшей его способнымъ къ дальнѣйшему развитію; на ихъ религиозномъ сознаніи отразились также старо-германскія дружинныя отношенія въ представленіи Христа Господа какъ «герцога», которому вѣрующіе отдають себя въ собственность, чтобы служить ему вѣрою и правдою и въ награду стяжать себѣ его благоволеніе.

Раздѣленіе на мірянъ и клириковъ совершается уже въ первые вѣка послѣ Рождества Христова. Духовенство выступаетъ избраннымъ посредникомъ между Богомъ и людьми, оно составляетъ чиновниковъ той церкви, единственно въ которой человѣческая душа можетъ обрѣсти спасеніе. Но, вопреки своимъ идеальнымъ принципамъ, христіанство въ скоромъ времени подвергается обмірщенію; блескъ, роскошь и стремленіе къ богатству и власти, нравственная развращенность и пріобрѣтеніе церковныхъ должностей за деньги становятся характерными чертами для части духовенства. Въ ужасномъ положеніи находилось духовенство, особенно въ вѣка, слѣдовавшіе за царствованіемъ Карла Великаго и предшествовавшіе эпохи реформации. Послѣ періода плодотворной работы отчасти весьма образованнаго духовенства, смягчившаго суровые

нравы новыхъ народовъ и приобщившаго ихъ къ труду и культурѣ, наступило время полнѣйшаго невѣжества и величайшей порочности въ отчасти равнодушной, отчасти фанатизированной духовной средѣ. И въ монашествѣ, порожденномъ сперва на Востокѣ, а потомъ и на Западѣ, стремленіемъ къ особой святости въ устроении жизни, процвѣтаніе смѣнилось упадкомъ; на Востокѣ Василій Великій, для западной церкви преимущественно Бенедиктъ Нурсійскій (529) создали твердый уставъ орденскихъ правилъ вмѣстѣ съ монастырями (Монте Кассино), ставшими примѣромъ для всѣхъ прочихъ монашескихъ организацій, особенно въ отношеніи обѣтовъ послушанія, цѣломудрія и нестяжанія. Благодаря послѣднимъ, монахи становились въ извѣстную противоположность къ подвергшемуся обмирщенію духовенству. Монастыри въ первые вѣка своего существованія имѣли громадное культурное значеніе. Они были центрами сельскохозяйственной и промышленной дѣятельности; они обучали населеніе и подготавливали его ко всякаго рода занятіямъ, развивали широкую благотворительную и душеспасительную дѣятельность. Своими школами германскіе монахи стали носителями воспитанія, а своими научными и литературными трудами (рукописи)—проводниками образованія. Послѣ Карла Великаго и монашество пришло въ упадокъ. Лѣнивые, безпечные и развращенные монахи и монахини вели въ стѣнахъ монастырей и внѣ ихъ вредную для культуры жизнь. Какъ реакція противъ этого, вводились болѣе суровыя правила, прежде всего въ монастырѣ Клуни, получившемъ особенное значеніе для развитія церковной жизни, затѣмъ и въ орденахъ цистерціанскомъ (реформированномъ Бернардомъ Клервоскимъ), картезіанскомъ и др. Возвратъ къ древней простотѣ, аскетизму и нравственному ригоризму проповѣдывался также двумя нищенствующими орденами, прибрѣтшими большую важность какъ въ церковномъ, такъ и въ философскомъ отношеніяхъ: орденомъ миноритовъ или францисканцевъ (основанномъ мечтательнымъ Францискомъ Ассизскимъ) и орденомъ доминиканцевъ (родоначальникомъ котораго былъ испанецъ Доминго), возникшими оба въ первой четверти XIII вѣка; между этими орденами существовало много противоположностей, и происходило немало споровъ.

До VII вѣка включительно папство признавало надъ собою верховенство византійскаго императора. Во франкскомъ государствѣ же устанавливается своего рода равенство между духовной и свѣтскою властями, но вскорѣ послѣдняя подчиняетъ себѣ первую, и свѣтскій государь становится сюзереномъ папы и, вмѣстѣ съ тѣмъ

всего духовенства. Наступаетъ время постояннаго и жестокаго соперничества между обѣими властями, которое принуждаетъ погрязшее въ мірскихъ заботахъ и развратившееся папство приступить къ внутреннему своему обновленію; послѣднее совершается подъ вліаніемъ Ключійскаго монастыря, выдвинувшаго такую сильную личность, какъ Григорія VII (папа съ 1073—1085). Теперь устранялись различныя злоупотребленія, вкравшіяся въ церковную практику; далѣе, проводится мысль, что королевская власть подчинена папѣ, что замѣщеніе духовныхъ должностей не обусловлено облеченіемъ со стороны свѣтскихъ правителей (споръ за инвеституру, Вормскій конкордатъ 1122), что духовенство подвластно въ сущности только одной церкви, и, наконецъ, что папа является не только самостоятельнымъ государемъ въ принадлежащей ему свѣтской («церковной») области, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, верховнымъ владыкою универсальной христіанской монархіи. Благодаря крестовымъ походамъ, папство сильно возвысилось; но къ окончанію ихъ оно стало приходить во все большій и большій упадокъ. Вовлеченное въ начавшіеся политическіе раздоры, подвергнутое полному омірщенію, алчное и подкупное, наконецъ, обезсиленное схизмами, папство, также какъ и раздѣлявшая съ нимъ одинаковую участь церковь, не поддавалась преобразованію и обновленію посредствомъ соборныхъ постановленій.

Христіанскія секты, возникшія въ средніе вѣка, пробили первую брешь въ окопы, которые возвела вокругъ себя церковь. Болѣе древнія изъ нихъ отличаются отъ правовѣрныхъ особенностями своихъ богословско-философскихъ воззрѣній, позднѣйшія—болѣе своимъ отношеніемъ къ обрядамъ (причастію, крещенію и т. д.), къ папству и подвергнутому омірщенію духовенству. Преслѣдованія еретиковъ въ церковь начались довольно рано. Всякое стремленіе къ самостоятельности, всякую попытку къ самочинной реформаціи церковь подавляла посредствомъ отлученія и интердикта, заключенія и казни виновныхъ, наконецъ, военною силою (крестовые походы противъ альбигойцевъ; стедингенцы). Происходили ужасныя кровопролитія, убивалось неисчислимое количество людей въ вящее прославленіе имени Божьяго, возрастала страсть къ религіозному сыску и гоненіямъ инакомыслящихъ, особенно со времени учрежденія инквизиціи Иннокентіемъ III, которая затѣмъ нашла себѣ поддержку и со стороны свѣтской власти, особенно въ Испаніи; лишь въ Германіи она никогда не вошла въ дѣйствительную силу. Въ оппозицію къ вывѣтрившемуся официальному христіанству становились мистики и народные проповѣдники, о которыхъ рѣчь будетъ идти ниже.

Средніе вѣка изобилуютъ проявленіями религіозной экзальтаціи. Какъ порожденіе крестовыхъ походовъ, повальныхъ болѣзней («черная смерть»), народныхъ бѣдствій (напримѣръ, голодовки), гоненій еретиковъ и другихъ возбуждающихъ явленій, а также отчасти какъ реакція противъ всякаго рода излишествъ и распутства, наблюдается временное возобладаніе тенденціи къ аскетизму, къ разнымъ формамъ удрученія плоти, напримѣръ, бичеванію («флагеланты»), къ пляскамъ и видѣніямъ въ состояніи полного изступленія (преимущественно у женщинъ, напримѣръ, Екатерина Сіенская). Насыщеніе умовъ религіею въ соединеніи съ невѣжествомъ большихъ массъ породило самыя дикія суевѣрія, въ поклоненіи святымъ и культѣ мощей доходящія до явнаго фетишизма, а въ гоненіяхъ противъ вѣдьмъ и евреевъ принимавшія самыя безобразныя формы. Съ XIII вѣка начинаются ужасные процессы противъ вѣдьмъ, отъ которыхъ ни одинъ человѣкъ не могъ считать себя вполне обезпеченнымъ: въ этихъ процессахъ у обвиняемыхъ посредствомъ допроса и пытокъ исторгалось признаніе въ своей виновности. Вѣра въ чорта, въ злыхъ духовъ, въ бѣснованіе была широко распространена; питалась она заклинаніями, которыя охотно практиковались духовенствомъ.

§ 26. Государство и общество въ средніе вѣка. Съ наступленіемъ среднихъ вѣковъ римскій империализмъ сталкивается съ племенной организаціею и народной королевскою властью германцевъ. Въ громадной державѣ Карла Великаго империалистическая идея вошла въ силу, но ненадолго. Строгаго государственнаго единства въ средніе вѣка нѣтъ; устанавливается вышедшее отчасти изъ дружинныхъ отношеній феодальное государство, въ которомъ господство князей и бароновъ обуславливаетъ собою раздробленіе государства на безчисленное количество почти самостоятельныхъ владѣній; это произошло, главнымъ образомъ, въ Германіи, тогда какъ во Франціи и Англіи королевская власть, въ концѣ концовъ, поборола власть феодаловъ. Феодальная (ленная) система установилась во франкскомъ государствѣ при Меровингахъ: короли, а наряду съ ними свѣтскіе и духовные землевладѣльцы стали, въ награду за участіе въ дружинѣ и другія услуги, жаловать имѣніями, съ правомъ наследственнаго владѣнія и съ обязательствомъ вѣрной службы со стороны «бенефициала» (бенефицій, феодъ=пожалованіе, аллодъ=свободная собственность) или «вассала» по отношенію къ сеньеру. Ленная система расширилась еще въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, благодаря тому, что многіе отдавали свою собственность болѣе сильнымъ и могущественнымъ владѣльцамъ, чтобы получить ее обратно отъ нихъ подѣ

видомъ лена и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заручиться защитой со стороны сеньера; во-вторыхъ, путемъ облеченія выслужившихся дворянъ и свободныхъ должностями и правительственными правами, пожалованія имъ званій графа, герцога и т. д. Указанныя обстоятельства имѣли своимъ послѣдствіемъ образованіе многихъ мелкихъ территоріальныхъ единицъ, маленькихъ государствъ въ государствѣ. Въ средневѣковомъ государствѣ мы имѣемъ дѣло, вмѣсто прочнаго политико-правового союза съ сильною центральною властью, только съ массою построенныхъ на договорѣ и вѣрности вассальныхъ отношеній. Король только верховный сеньеръ; его власть сильно ограничена феодалами; онъ часто зависитъ отъ ихъ доброй воли, такъ какъ они поставляютъ ему необходимыя для веденія войны войска и денежныя средства. Древнія вѣчевыя собранія и военные смотры (мартовскія и майскія поля) уступаютъ мѣсто рейхстагамъ, сословно-представительнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ свѣтскіе и духовные вельможи, а впослѣдствіи и уполномоченные отъ имперскихъ городовъ, обсуждаютъ важныя общегосударственныя дѣла. Феодално-сословная монархія, такимъ образомъ, отнюдь не имѣетъ абсолютическаго характера.

Юридическій бытъ среднихъ вѣковъ характеризуется также пестротою и раздробленіемъ. На первыхъ порахъ дѣйствуютъ рядъ варварскихъ племенныхъ правдъ — салиевъ, аллеманновъ, лангобардовъ, вестъ-готовъ, бургундовъ и т. д. Позднѣе старыя правды подвергаются забвенію или вытѣсняются древнимъ обычнымъ правомъ, передаваемымъ изъ поколѣнія въ поколѣніе путемъ устнаго преданія въ разнообразныхъ мѣстныхъ формахъ. Къ старымъ видамъ права присоединяются въ дальнѣйшемъ выросшія на почвѣ феодальныхъ отношеній обыя, подворныя и территоріальныя, рыночныя и городскія правды. Въ XIII вѣкѣ появляется опять писанное право (Саксонское, Швабское зеркало и т. д.). Сословныя и другія привилегіи (для дворянства, для духовенства и, позднѣе, для городовъ) своею массою и своимъ пестрымъ разнообразіемъ препятствуютъ установленію однообразной правовой нормировки всѣхъ отношеній, если только не усматривать такого однообразія въ повсемѣстномъ господствѣ феодализма. Начиная съ XIII вѣка, обычное право уступаетъ мѣсто праву римскому и каноническому; объединеніе права подъ вліяніемъ *cognis juris* относится только къ исходу среднихъ вѣковъ и первымъ вѣкамъ новаго времени. Отъ стараго, до-правового состоянія въ средніе вѣка сохранились нѣкоторыя пережитки въ новыхъ формахъ, а именно въ дуэли и кулачномъ правѣ (распри—феды, самопомощь). Дуэль является отчасти также формой суда Божьяго, ордаліи, при совершеніи которой

настоящимъ судьей считается самъ Богъ; къ ордалямъ первоначально отнесены и присяга. Разнаго рода «испытанія» огнемъ или водою также сводятся къ суду Божьему. Согласно принципу обычнаго права, судьи и эшеваны не опредѣляли, а только «вскрывали» право. Особаго судебного сословія въ средніе вѣка не было, по крайней мѣрѣ, въ Германіи; только со времени реценціи римскаго права обнаруживалась необходимость въ существованіи адвокатовъ и законовѣдовъ. Правосудіе отправлялось королевскими судьями и въ частности судами эшевановъ, сначала избираемыхъ всѣми свободными, а затѣмъ подчиненныхъ верховной юрисдикціи помѣщиковъ (надворный судъ). Только съ XV вѣка (въ Германіи) возникла объединяющая судебная инстанція, имперскій судъ (1495), дѣятельность котораго была, однако, очень громоздкою и вообще несостоятельною. Судъ и расправа отъ имени имперіи чинился уже раньше въ Вестфалии въ трибуналахъ такъ называемой «фемы», обставленной большою тайнственностью; засѣданія были преимущественно негласными («тайные суды»). Во Франціи существовали, въ качествѣ верховныхъ государственныхъ судовъ, парламенты, состоящіе изъ разныхъ палатъ.

Дворянство и духовенство, поскольку они были землевладѣльцами или обладали крупными ленами, составляли привилегированныя сословія большей части среднихъ вѣковъ. Кромѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, мы имѣемъ дѣло и съ болѣе мелкими васалами, затѣмъ съ королевскими министралами (чиновниками и слугами), наконецъ, съ большимъ количествомъ обязанныхъ (полусвободныхъ) и крѣпостныхъ людей. Крестьянство все болѣе и болѣе переходило въ состояніе зависимости и крѣпостничества. Это объясняется вліяніемъ феодальной системы и помѣщичьими захватами, благодаря которымъ древнія общины, марки, все болѣе теряли свою былую самостоятельность. Сильное городское сословіе возникаетъ только въ болѣе позднее средневѣковье. Ему предшествуетъ военное, рыцарское сословіе, образовавшееся изъ дружинныхъ отношеній и изъ сложившейся въ VIII в. всаднической войсковой организаціи. Государство достигло высшаго расцвѣта въ эпоху крестовыхъ походовъ; оно соединяетъ съ чисто-военными функціями тенденцію церковнаго вонительства и защиты женщинъ и обездоленныхъ, но позднѣе вырождается въ искаительство приключеній и самое грубое разбойничество. На службу христіанству посвящаютъ себя различныя духовно-рыцарскіе ордена (іоанниты, тампліеры и др.). Хотя рыцарство и не было вполне замкнуто извнѣ (даже несвободные могли быть посвящены въ рыцари), тѣмъ не менѣе, вступленіе въ его ряды было очень за-

труднено, особенно вслѣдствіе его связи съ ленной системой; прѣнтіе оруженосцевъ въ число рыцарей было сопряжено съ рядомъ торжественныхъ обрядовъ (посвященіе). Нѣкоторое время рыцари являлись носителями образованія, отличавшагося, правда, известною односторонностью. Отъ совершеннаго рыцаря требовалось чтобы онъ былъ храбрымъ, благороднымъ, набожнымъ и правдивымъ; чтобы онъ ставилъ свою честь превыше всего, былъ свѣдущъ во всѣхъ военныхъ искусствахъ, въ точности зналъ и соблюдалъ рыцарскіе церемоніаль, слѣдовалъ въ разговорѣ и поведеніи «придворному образцу, умѣлъ сочинять стихи и понималъ музыку, чтеніе, письмо и всякая другая наука считались часто излишними, а нерѣдко, подобно физическому труду, даже постыдными. Рыцарство эпохи процвѣтанія рядомъ съ возвышеннымъ, идеальнымъ настроеніемъ совмѣщаетъ въ себѣ много грубаго и суроваго, отчего возникаютъ своеобразные контрасты, которыми, какъ известно, вообще изобилуютъ средніе вѣка, особенно въ сферѣ эмоціональной жизни. Служеніе любви, романтическое поклоненіе женщинѣ, распространилось изъ Франціи, отчасти въ связи съ культомъ Пресвятой Дѣвы Маріи, достигшимъ особаго расцвѣта именно въ средніе вѣка. Это служеніе представляется своеобразнымъ соединеніемъ восторженной мечтательности и грубо-чувственнаго распутства, съ возрастающимъ преобладаніемъ послѣдняго элемента. При всемъ обожаніи «прекрасныхъ, чистыхъ женщинъ» (нерѣдко чужихъ женъ, но отнюдь не собственной супруги), положеніе женщины въ эпоху средневѣковаго рыцарства не было высокимъ; жена была для мужа обыкновенно не болѣе чѣмъ служанкою; она нерѣдко истязалась самымъ дикимъ образомъ; права ея были очень ограничены. Зато женщины обладали несравненно болѣшимъ образованіемъ, чѣмъ мужчины. Упадокъ рыцарства, кромѣ внутреннихъ причинъ, объясняется развитіемъ городского быта и связаннаго съ нимъ денежнаго хозяйства и, наконецъ, преобразованіемъ оружія и военной организаціи, вслѣдствіе введенія въ употребленіе пороха.

Города возникли отчасти на мѣстахъ римскихъ колоній, отчасти вокругъ королевскихъ пфальцовъ, бурговъ и епископскихъ резиденцій. Ихъ расцвѣтъ находится въ самой тѣсной связи съ хозяйственнымъ развитіемъ. Подъ защитою бурговъ и пфальцовъ устраивались рынки, на которыхъ сельское населеніе обмѣнивало свое сырье на то, что нельзя было добыть или изготовить въ собственномъ хозяйствѣ. Здѣсь стекались чужестранные купцы, и предлагали свои издѣлія ремесленники, которые хотя и не принадлежали къ состоянью свободныхъ и были зависимы, но могли

работать на себя, такъ какъ господинъ не нуждался всецѣло въ ихъ услугахъ. Рынки со временемъ превращаются въ настоящіе города, когда къ первоначальному ядру министеріаловъ присоединяются ремесленники и купцы, приобретающіе здѣсь постоянное жительство, причемъ ремесленники сбрасываютъ съ себя прежнюю неволю, согласно правилу, что городской воздухъ освобождаетъ. Часть городовъ входитъ непосредственно въ составъ имперіи, другая становится подъ властью того или другого духовнаго или свѣтскаго феодала, отъ которой они освобождаются только постепенно, путемъ упорной и долгой борьбы. На основѣ дарованныхъ имъ привилегій городъ создаетъ свое собственное право (городскія права). Для отраженія нападений со стороны князей города часто соединяются въ союзы (рейнкскій, швабскій союзъ); изъ нихъ ганза приобрѣла и крупное коммерческое значеніе. Внутри городовъ тоже велась борьба за власть между дворянствомъ (юнкерствомъ) и настоящими бюргерами, съ одной стороны, и между организованными въ цехи и обладающими недвижимостью старожилами—патриціями и ремесленниками и созданными ими корпораціями,—съ другой. Во время этой борьбы послѣднимъ удалось проложить себѣ дорогу въ городскіе совѣты и получить участіе въ управленіи общинными дѣлами, благодаря чему города нерѣдко принимали совершенно демократическій характеръ. Широкая промышленная дѣятельность, ростъ внутренняго благосостоянія и связанная съ этимъ возможность содержать собственные наемныя войска, наконецъ, забота о процвѣтаніи наукъ и искусствъ сообщили городамъ и городскому сословию такую силу, которая, въ союзѣ съ покровительствующей ей властью территориальныхъ князей, въ концѣ концовъ, сломала и весь феодализмъ. Въ итальянскихъ городахъ, наоборотъ, ожесточенная борьба партій привела къ замѣнѣ демократическаго строя аристократическимъ или княжескимъ правленіемъ.

Уже въ дворянскихъ помѣстьяхъ зависимые ремесленники соединены были въ корпораціи. Чисто-средневѣковая тенденція къ товарищескимъ организаціямъ, къ образованію всякаго рода корпорацій привела къ развитію купеческихъ гильдій и ремесленныхъ цеховъ въ городахъ; они имѣли тутъ одновременно политическій, религіозный (цеховыя церкви) и товарищескій характеръ (взаимопомощь, уходъ за больными, погребеніе и т. д.), обладали собственною юрисдикціею и выработали для своего обихода извѣстныя церемоніи и обряды (процессіи, игры). Принудительность и замкнутость цеховаго устройства создавалась только позднѣе; цеховая организація имѣла своею непосредственною цѣлью защиту отъ конкуренціи и упорядоченіе отношеній между

производствомъ и потребленіемъ, какъ и регламентацію вообще всей промышленной жизни.

§ 27. Промышленность и торговля. Частный бытъ. Въ раннее средневѣковье промышленность и торговля были мало развиты. Прежде всего стали заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Въ усовершенствованіи его принимали выдающееся участіе монастыри, которые сдѣлали очень много для обработки почвы. Правленіе Карла Великаго весьма содѣйствовало поднятію земледѣлія и скотоводства; въ его имѣніяхъ было введено образцовое хозяйство, въ составъ котораго входили разнаго рода промыслы. Вслѣдствіе господства замкнутаго домового хозяйства, съ характерными для него соединеніями производителя и потребителя въ одной хозяйственной единицѣ (помѣстьѣ), торговля въ теченіе долгаго времени имѣла очень ничтожное значеніе. Земледѣліемъ и промыслами занимались преимущественно люди несвободныя; долгое время существовала трехпольная система. Помѣстьемъ завѣдывалъ мэръ или фохтъ. Зависимые крестьяне были прикрѣплены къ землѣ; они были лишены свободы передвиженія, должны были служить господину барщиною и разнаго рода оброками. Оба вида повинностей впоследствии переводились на деньги, что существеннымъ образомъ содѣйствовало ослабленію зависимости. Большаго расцвѣта промышленность достигла въ городахъ. Лишь тутъ свободный классъ ремесленниковъ, организованный на основѣ строго проведеннаго принципа раздѣленія труда, могъ удовлетворить предъявляемымъ къ нему требованіямъ. Новое «городское хозяйство» было на первыхъ порахъ по существу хозяйствомъ натуральнымъ; только съ XIV вѣка въ Средней Европѣ устанавливается денежное хозяйство, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получаетъ широкое развитіе торговля; чеканка монетъ составляла существенный элементъ такъ называемыхъ регалій и територіальныхъ верховныхъ правъ. Зародыши позднѣйшаго кредитнаго хозяйства заключаются въ банковомъ и вексельномъ дѣлѣ, распространившемся впоследствии изъ Италіи (Ломбардіи) по всей Европѣ. Благодаря крестовымъ походамъ Европа познакомилась съ произведеніями и роскошью Востока; общеніе между Европою и Востокомъ дало поводъ къ установленію торговыхъ сношеній, поддерживаемыхъ сперва одними итальянскими городами на Средиземномъ морѣ, между которыми даже завязалось на этой почвѣ очень оживленное соперничество; за коммерческимъ расцвѣтомъ Амальфи (компасъ) слѣдовала Пиза, уступившая, въ свою очередь, свое мѣсто Генуѣ, пока всю средиземную торговлю по направленію какъ къ Востоку, такъ и къ Западу не захватила въ свои руки владычица морей, Венеція.

Устройство складовъ (fondachi) въ сѣнахъ и въѣ этихъ городовъ дало громадный толчокъ торговому развитію. На сѣверѣ и востокѣ торговля сосредоточивалась въ рукахъ фландрскихъ и нѣмецкихъ городовъ, которые, особенно съ помощью ганзейскаго союза, установили свое господство надъ Балтійскимъ моремъ. Ганза открыла свои факторіи въ Лондонѣ, Висби, Бергенѣ, Новгородѣ и другихъ городахъ. Вслѣдствіе политическихъ и многихъ другихъ событій Ганза утратила свое могущество, и міровая торговля перешла къ другимъ народамъ. Средневѣковыя городскія законодательства и цеховое устройство налагали большія ограниченія на внутреннюю торговлю, что, если еще принять во вниманіе всю неустойчивость общаго положенія, конечно, очень задерживало всякія сношенія. Складочное право, которое было даровано нѣкоторымъ городамъ, обязывало всѣхъ иностранныхъ купцовъ раньше, чѣмъ продолжать свой путь, заходить предварительно въ эти мѣста, чтобы предоставить населенію возможность приобрести ихъ товары.

Воздѣйствовали на торговлю также различныя путешествія, предпринятые въ средніе вѣка съ цѣлью открытія новыхъ или изученія неизвѣстныхъ земель. Изъ этихъ путешествій наиболѣе важныя были совершены евреемъ Веньяминомъ Тудельскимъ, арабомъ Ибнъ-Батутомъ, особенно же венеціанцемъ Марко Поло (въ XIII вѣкѣ). Послѣдній посетилъ большую часть Азии до самой Индіи и Китая, а также часть африканскаго побережья и отовсюду принесъ съ собою въ Европу массу новыхъ свѣдѣній.

Жизнь въ средніе вѣка была лишена многихъ удобствъ. Многія созданія античной культуры какъ бы не существовали для средней и сѣверной Европы. Дорожное дѣло, которое было поставлено римлянами на такую высоту, какъ и устройство гостиницъ, падалось въ полномъ пренебреженіи. Вопросъ объ отопленіи и освѣщеніи долгое время разрѣшался очень неудовлетворительно; дымящія каминны служили одной, тлѣющія лучины другой цѣли. Чрезъ окна въ замкахъ, устроенныя слишкомъ высоко подъ потолкомъ, проникало очень мало свѣта; стеклянныя окна довольно поздно вошли въ обиходъ и то лишь у богачей.

Рыцарскіе замки, главнымъ образомъ, служили цѣлямъ защиты отъ внѣшнихъ враговъ. Ихъ основныя части были кремль, четырехугольная или круглая башня, залъ для мужчинъ, теремъ и звѣринецъ; эти замки стояли на высотахъ или были окружены водою. Въ болѣе позднее время богатые замки украшались деревянной рѣзьбой, гобеленами, массивною мебелью. Города долгое время продолжали носить наполовину деревенскій характеръ: улицы были

немощены, тѣсны и извилисты; онѣ ночью не освѣщались; въ домахъ тоже было мало свѣта. Пожары были явленіемъ обыденнымъ, и недостатокъ въ гигиеническихъ приспособленіяхъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ частыя повальныя болѣзни. Ыли и пили въ средніе вѣка удивительно много, но пили все-таки болѣе, чѣмъ ѣли, вѣроятно, въ виду того, что въ пищу употреблялось много пряностей. Гостепріимство было очеь развито. Рѣзкій контрастъ обнаруживается между временами безпросвѣтной гульбы и дѣйствительнаго голода, который, вслѣдствіе неразвитости сношеній, былъ отнюдь нерѣдкимъ явленіемъ. Празднества и увеселенія происходили очень часто, превращаясь иногда въ дикій разгулъ. Совершенно различные типы представляютъ собою грубый деревенскій укладъ жизни простого крестьянина, рыцарскій обиходъ съ распрями, турнирами и пиршествами и трудовая дѣятельность промышленяющаго горожанина. Существовалъ рядъ «безчестныхъ» профессій, какъ, напр., «гуляціе люди» (фокусники, музыканты и т. д.). Проституція процвѣтала въ непотребныхъ домахъ и въ баняхъ. Уходъ за больными (больницы) и попеченіе о бѣдныхъ (богадѣльни) отъ монастырей перенли къ городамъ. Моды на костюмы, поскольку они не были національными (крестьянская одежда), въ средніе вѣка (съ XIII вѣка) опредѣляются преимущественно Франціею. Любовь къ красочности обнаруживается въ пестротѣ одѣяній; характерными являются башмаки съ заостренными носками и проч. Въ XIV вѣкѣ, особенно въ Германіи, замѣчаются экстравагантности относительно костюма. Штаны и камзолы укорачиваются и суживаются до обнаженія тѣла, при широко болтающихся верхнемъ платьѣ и рукавахъ; каймы вырѣзаются четырехугольными, круглыми и листьеобразными зубчиками; башмаки съ заостренными носками; косички, бубенчики и неисчислимое количество пуговицъ—все это вмѣстѣ взятое даетъ такую отвратительную картину, какой мы врядъ ли отыщемъ второй разъ въ исторіи нарядовъ.

§ 28. Наука. Образование. Носителями научнаго образованія въ средніе вѣка выступаютъ преимущественно духовныя лица. Соотвѣтственно повышенному благочестію этого времени, богословіе стояло на первомъ планѣ умственнаго интереса. Въ этой дисциплинѣ средніе вѣка проявили наибольшую оригинальность и творческую силу. Прежде всего разрабатывается христіанская догматика съ помощью греческой философіи, которою «отцы еркви» прекрасно сумѣли воспользоваться для указанной цѣли. На оборахъ и, позднѣе, самими папами тѣ или другіе догматы вры объявляются правовѣрными; начало положено было на Іикейскомъ соборѣ 325 г., который высказался за едино-

сущность Христа и Бога противъ ученія Арія, утверждавшаго, что Сынъ Божій имѣетъ только богоподобную природу. Для исторіи догматовъ особенно важенъ бл. Августинъ, который, кромѣ того, является и самымъ выдающимся философомъ ранняго средневѣковья (ученіе о первородномъ грѣхѣ, о предопредѣленіи и т. д.). Задачу систематической разработки и точнаго обоснованія религіозныхъ догматовъ взяли на себя схоластики, пытавшіеся согласовать христіанскіе догматы съ требованіями человѣческаго разума, за исключеніемъ того, что они считали ирраціональнымъ; такого рода попытки мы находимъ въ средніе вѣка также у евреевъ и у арабовъ.

Богословіе господствовало въ то время почти надъ всѣми науками, ставя имъ точно опредѣленныя границы. Философія въ сущности тоже была только «прислужницею богословія». Она въ состояніи была остроумно формулировать ту или другую проблему, пожалуй, даже давать удачныя отвѣты на очень важныя вопросы, но въ общемъ все-таки оставалась несамостоятельною. Въ своихъ разсужденіяхъ она менѣе руководствовалась опытомъ, нежели чисто-діалектическимъ мышленіемъ, усвоивъ себѣ преимущественно формальный характеръ, охотно вращалась въ сферѣ высшихъ абстракцій, которыя вдобавокъ объективировала, и пускалась въ разрѣшеніе тонкихъ хитросплетеній и просто пустыя словопренія. Она поступала догматически и въ томъ отношеніи, что не давала себѣ отчета въ правильности своихъ выводовъ путемъ серьезной провѣрки познавательныхъ способностей нашего разума; она съ большою готовностью ссылалась на авторитеты въ качествѣ главныхъ аргументовъ, почти не выходила изъ извѣстнаго круга понятій, однообразна, какъ вообще все, созданное средними вѣками. Первый періодъ обнимаетъ патристическую философію, защищавшую христіанство отъ ученій и нападокъ язычниковъ (аполлогеты), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспринявшую также нѣкоторыя положенія греческой философіи съ тѣмъ, чтобы ихъ развивать уже подъ вліяніемъ христіанскимъ; своеобразное соединеніе философіи съ богословіемъ представляетъ собою гностицизмъ, сложившійся въ сильной зависимости отъ неоплатонизма (Василидъ, Валентинъ и др.). Кромѣ того, слѣдуетъ упомянуть еще отцовъ церкви: Иренея, Климента Александрійскаго, Татіана, Тертулліана, Оригена и Августина.

Сильную неоплатоническую и пантеистическую окраску носить система Іоанна Скота Эригены (IX вѣка). Съ него начинается первый періодъ схоластики, основою которой является Ари-

стотель. видоизмѣненный въ духѣ неоплатоновской философіи, причѣмъ роль посредниковъ въ данномъ случаѣ сыграли арабы и евреи. Аристотель въ схоластической философіи ставится на одну доску съ Христомъ; ему приписывается почти абсолютный авторитетъ. Главный интересъ сосредоточивается на спорѣ между «реализмомъ», отстаивавшимъ объективную дѣйствительность общихъ понятій, и «номинализмомъ», объявлявшимъ эти понятія просто именами, имѣющими одно субъективное существованіе въ нашемъ умѣ; среднее положеніе между обоими направленіями занимаетъ «концептуализмъ» («роды» или «виды» предметовъ дѣйствительно существуютъ, но какъ понятія) и умѣренный реализмъ. Томистовъ (сторонниковъ Тома Аквината) и скотистовъ (приверженцевъ Дунса Скота) раздѣляла масса спорныхъ пунктовъ; такъ, напримѣръ, вопросъ объ отношеніи воли и мысли (свобода воли). Самыми выдающимися схоластиками были: Ансельмъ Кэнтерберійскій, Абеляръ, Петръ Ломбардскій, Іоаннъ Салисберійскій, далѣе Альбертъ Великій, провозглашенный, затѣмъ, философомъ церкви Тома Аквината, Дунсъ Скотъ, Раймундъ Луллій, Роджеръ Бэконъ (съ тенденціями въ сторону эмпиризма), Вильгельмъ Оккамскій (номиналистъ). Реакціею противъ умозрительной философіи выступаетъ апеллирующая къ чувству и духовному созерцанію (экстазу) мистика, отчасти склоняющаяся также къ пантеизму и вообще къ большому свободомыслию. Она имѣетъ своими представителями графа С.-Викторъ, Бонавентуру, Бернарда Клервоскаго, а въ еще болѣе яркой формѣ проявляется у братьевъ и сестеръ свободнаго духа: у Эккарта, Таулера, Сузо, Рюисброка и др. Много усердія схоластики истратили на составленіе богословско-философскихъ компендіумовъ, такъ называемыхъ «суммъ». Если философская мысль и была первоначально отдана на службу церкви, если дѣятельность ея (особенно у скотистовъ) вырождалась часто въ безплодную игру словами и понятіями, то постоянное упражненіе мышленія все-таки не могло не привести къ попыткѣ человеческого разума сбросить съ себя авторитетъ церкви и встать на собственныя ноги. Первые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы уже въ позднѣйшей схостикѣ, напримѣръ, въ ученіи о «двухъ истинахъ», богословскихъ и философскихъ, изъ коихъ каждая сама по себѣ дѣйствительна, но ни одна не должна производить вліянія на другую (подготовка раздѣленія между богословіемъ и наукою).

Вѣрующее чувство склоняющееся предъ авторитетомъ (библіею) или увлекаемое воображеніемъ и, въ связи съ этимъ, недостатокъ сполнаго наблюденія и критическаго чутья сдѣлали успешную разработку отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ невозможнымъ.

Во многихъ отношеніяхъ средніе вѣка просто остановились на точкѣ зрѣнія античной образованности, придерживаясь въ естественныхъ наукахъ Аристотеля, Теофраста, Птолемея и др., а въ медицинѣ Галена: такъ какъ сѣченіе человѣческихъ труповъ запрещалось церковью, то этимъ самымъ сколько-нибудь замѣтные успѣхи въ анатоміи и хирургіи становились немислимыми. вмѣсто химіи процвѣтала алхимія, стремящаяся къ открытію «золота», «философскаго камня», «жизненнаго эликсира», но, какъ предтеча научной химіи будущаго, она все-таки принесла кое-какую пользу примѣненіемъ экспериментальнаго способа изслѣдованія; въ общемъ видѣ и въ естествознаніи господствовали методъ діалектической, дедуктивной. Зачатки экспериментальнаго изслѣдованія природы имѣются особенно у Альберта Великаго (графа фонъ Больштедтъ) въ виду своихъ обширныхъ знаній (также по физикѣ, химіи, ботаникѣ и т. д.) прозваннаго *doctor universalis*, и у Роджера Бэкона, чрезвычайно крупнаго для своего времени астронома, физика и химика, съ именемъ котораго связано открытіе увеличительныхъ стеколъ. Много открытій и изобрѣтеній, сдѣланныхъ въ средніе вѣка, остались тайною или были позабыты, такъ какъ они наводили на подозрѣніе въ чародѣйствѣ, въ «черной магіи». Большою эрудиціею отличался также Гербертъ (папа Сильвестръ II), главнымъ образомъ, по математикѣ и астрономіи. Географія и исторія, рядомъ съ сухимъ внѣшне-лѣтописнымъ пересказомъ, содержали въ себѣ много фантастическаго; очень популярны были императорскія и универсально-историческія хроники, выдержанныя въ извѣстномъ порядкѣ. Подъемъ исторіографіи начинается съ французской мемуарной литературы. Въ средніе вѣка часто составлялись научныя энциклопедіи, какъ, напр., энциклопедія Мартіана Капеллы, *hortus deliciarum* монахини Геррады изъ Ландсберга, *speculum scientiarum* Викентія Бовэскаго.

Изъ средневѣковыхъ изобрѣтеній слѣдуетъ упомянуть: зеркало (около 1280), очки (около 1300), компасъ (съ 1181 извѣстенъ въ Европѣ, усовершенствованъ Флавіо Джіоіемъ около 1300), механическіе часы (около 859), порохъ, употреблявшійся раньше подъ названіемъ «греческаго огня», вновь изобрѣтенный около 1260 г. Бертольдомъ Шварцомъ), орудія и гаковницы (съ фитидемъ, впоследствии съ фитильнымъ затворомъ) въ XIV и XV вв., рѣзьба на деревѣ (около 1423). Уже китайцы и арабы знали тряпичную бумагу; съ 1200 года мы находимъ слѣды писчебумажнаго производства также въ Европѣ. Гутенбергъ (въ 1436) изобрѣлъ книгопечатаніе съ помощью подвижныхъ литеръ,—изобрѣтеніе, имѣвшее величайшее культурное значеніе, такъ какъ благодаря ему стало возможнымъ массовое и быстрое распространеніе дешевыхъ

книгъ въ широкихъ кругахъ общества, вмѣсто дорогихъ, рѣдкихъ и легче поддающихся порчѣ рукописей прежняго времени, изготовляемыхъ монахами. Книгопечатаніе приобрѣло особую важность для гуманизма и реформаціи.

Преподаваніе въ средне вѣка велось, главнымъ образомъ, духовенствомъ, сперва монашествующимъ, а затѣмъ приходскимъ. Монастырскія и соборныя школы, а также придворная школа Карла Великаго, который очень заботился о распространеніи образованія, были древнѣйшими учебными заведеніями того времени; знаменитыми руководителями такихъ заведеній были Алкуинъ, Грабанъ Мавръ и др. (въ С. Галленѣ, Фульдѣ). Въ монастыряхъ поддерживалась весьма строгая школьная дисциплина, съ примѣненіемъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній. Преподаваніе касалось преимущественно семи свободныхъ наукъ: грамматики, діалектики, риторики (составлявшія вмѣстѣ «тривій», откуда слово тривіальный), музыки, ариметики, геометріи, астрономіи (квадривій); умѣнье сочинять стихи очень цѣнилось, еще больше вниманія обращалось на религію. Образованіе, однако, широко не распространялось. Начиная съ XIII вѣка, появляются также городскія школы, которыя на первыхъ порахъ посвящались бѣльшему частію низшему образованію. Университеты въ средніе вѣка тоже находились подъ вліяніемъ церкви. Это были высшія спеціальныя учебныя заведенія, напр., въ Салерно для медицины, въ Болоньѣ для юриспруденціи, въ Парижѣ для богословія; первый нѣмецкій университетъ былъ открытъ въ Прагѣ (1348). Университеты были корпораціями студентовъ и учителей; первые раздѣлялись по націямъ, жили въ бурсахъ, часто переходили съ мѣста на мѣсто въ качествѣ «странствующихъ школяровъ», причемъ нерѣдко теряли изъ виду цѣль своего странствованія и становились плутоватыми бродягами; вообще ихъ поведеніе, несмотря на попытки къ поддержанію строгой дисциплины, часто принимало крайне грубый и разнузданный характеръ. Студенты обладали многими привилегіями; они пользовались своею юрисдикціею. Преподаватели (доктора, магистры; профессорами назывались сами студенты) получали гонораръ отъ своихъ слушателей и не считались состоящими на государственной службѣ. Преподаваніе велось исключительно на латинскомъ языкѣ; существеннымъ факторомъ преподаванія на высшихъ ступеняхъ являлись близкіе по своей идеѣ рыцарскимъ турнирамъ маленькіе и большіе диспуты. Въ единичныхъ случаяхъ преподавателями были также лица женскаго пола.

§ 29. Литература и искусство. Средневѣковая литература прекрасно отражаетъ въ себѣ всѣ перемѣны, происшедшія въ общей культурѣ ея времени. Въ первомъ періодѣ мы встрѣчаемъ,

главнымъ образомъ, лицъ духовнаго званія посетителями поэтическаго творчества, причемъ вниманіе ихъ останавливается на р е л и г і о з н ы х ъ с ю ж е т а х ъ, обрабатываемыхъ въ житіяхъ святыхъ и сводахъ («гармоніяхъ») евангелій («Геліандъ», «Христосъ»); кромѣ этого, сочиняются церковныя гимны на латинскомъ языкѣ. Свѣтскій характеръ носятъ только эпическія пѣсни о Гильдебрандѣ и Беовульфѣ. Этотъ свѣтскій элементъ постепенно возрастаетъ, складываются нѣсколько цикловъ сказаній, которыя обрабатываются сперва «попами», уступившими, однако, вскорѣ свое мѣсто поэтамъ рыцарскаго сословія. Возникаютъ великіе нѣмецкіе національныя эпосы, заимствующие свое содержаніе изъ поэтическихъ народныхъ преданій, а именно: пѣсни о Нибелунгахъ и о Гудрунѣ; складываются скандинавскія пѣсни Эдды; появляется множество художественныхъ эпическихъ произведеній, которыя черпаютъ свое содержаніе изъ британскаго (легенда о королѣ Артурѣ), каролингскаго, испанскаго, античнаго и восточнаго цикловъ сказаній, прославляя добродѣтели и страсть приключеній феодальнаго рыцарства. Въ Испаніи развивается лирическая поэзія; во Франціи изъ рядовъ рыцарства выступаютъ трубадуры и труверы, а также жонглеры, положившіе основаніе придворной поэзіи любви, которая затѣмъ начинаетъ процвѣтать и въ Германіи. Главное содержаніе этой рыцарской лирики составляетъ любовь то въ просто чувственной, то въ идеализированной ея формѣ; но и въ произведеніяхъ религіозной и полемико-политической лирики не наблюдается недостатка (хулительныя пѣсни, сирвенты). Позднѣе рыцарская поэзія вырождается, отчасти впадая въ грубую чувственность, отчасти переходя въ аллегорію (во Франціи). Миновали времена глубокомысленнаго Вольфрама фонъ Эшенбаха, жизнерадостнаго Готфрида Страсбургскаго, глубокомысленнаго и непосредственнаго Вальтера фонъ-деръ Фогельвейде, полнаго силы и воображенія Кретьена де Труа, Бертрама де Борнѣ; слащаво-фальшивый тонъ овладѣваетъ лирикою. Въ Италіи, наоборотъ, пробуждается національная поэзія; это—время Данте, Боккаччіо, Петрарки; въ Англии подвизается Чосеръ. Въ нижней Германіи особенно процвѣтаетъ старый животный эпосъ (Рейнеке Лисъ). Кромѣ того, для среднихъ вѣковъ характерны еще многочисленныя басни, сентенціи и другія произведенія частью нравоучительнаго или сатирическаго характера, легенды о св. Дѣвѣ Маріи и др. Драматическую поэзію мы встрѣчаемъ въ средніе вѣка только въ зачаточномъ состояніи: она развивается изъ богослуженія (мистеріи, моралитеты, миракли); ставится она сперва кли-

риками въ церкви, а потомъ горожанами на открытомъ мѣстѣ. Сцена еще очень примитивна. Она состоитъ изъ деревяннаго помоста, раздѣленнаго на три возвышающіяся другъ надъ другомъ отдѣленія, изображающія собою небо, землю и адъ. Въ противоположность религіозному характеру мистерій, въ ко л я д а х ъ преобладаетъ свѣтское содержаніе. Благодаря упадку рыцарства и возвышенію городовъ, поэзія становится мѣщанской; дѣятели ея организуются въ ц е х и, ф о р м а пріобрѣтаетъ главное значеніе (табулатура), фантастичность рыцарской поэзіи уступаетъ мѣсто трезвости и банальности мейстерзингеровъ.

Средневѣковое искусство складывается на почвѣ античности, но дальнѣйшее его развитіе, вполне самостоятельное, обусловливается вліяніемъ религіозной мысли и національностей. Что касается архитектуры, то она, какъ искусство, находится почти цѣликомъ на службѣ у религіи и въ формѣ церковнаго строительства господствуетъ надъ всѣми остальными отраслями художественнаго творчества. Въ древнехристіанскомъ зодчествѣ изъ базиликъ образуется продолговатая, съ плоскою крышею, церковь, тогда какъ византійскія церкви сводятся наверху куполомъ. Древнехристіанскій стиль въ X вѣкѣ переходитъ въ романскій, характеризуемый основаніемъ въ формѣ простого или двойного креста, круглыми арками, крестовыми сводами, дѣленіемъ на двѣ части или корабли, продольный и поперечный, апсидомъ, хоромъ, гладкими или покрытыми орнаментаціею стержнями колоннъ и кубообразными капителями, животною и растительною орнаментикою. Съ примѣненіемъ, восточнаго происхожденія, стрѣльчатыхъ арокъ зарождается «переходный стиль». Въ XII вѣкѣ начинаетъ вырабатываться стиль готическій, прежде всего во Франціи, затѣмъ въ Англии, позднѣе въ Германіи, гдѣ онъ достигаетъ своего наивысшаго расцвѣта, тогда какъ въ Италиі онъ какъ-то не прививается. Въ этомъ стилѣ находитъ себѣ полное выраженіе глубоко религіозное міросозерцаніе христіанскаго средневѣковья, обращенное исключительно на міръ сверхчувственный и всѣми своими помыслами и мечтами стремящееся вверхъ, въ свободныя отъ земныхъ тяготъ заоблачныя сферы; съ другой стороны, органическое расчлененіе цѣлаго на великое множество частей и деталей и воссозданіе его изъ пестраго разнообразія составныхъ элементовъ знаменуютъ собою противоположность между германскимъ міросозерцаніемъ и духовнымъ складомъ античныхъ и романскихъ (итальянскихъ) народовъ, въ которомъ, кромѣ сильнаго преобладанія чувственности, замѣтно именно тяготѣніе къ мѣрѣ и гармоніи. Характернымъ для готическихъ построекъ являются, кромѣ стрѣльчатыхъ арокъ, система столбовъ-подпорокъ, своды чрезвычайной

высоты, громадныя окна, величественныя и богато украшенныя порталы, обширныя палаты и высокія башни, тонко разработанныя стѣны, фіалы, розетки, крестовники и т. д., все это—легко и свободно и одухотворяемо идеею, которой оно служитъ.

Древнехристіанская пластика по формѣ сходна съ римскою скульптурою. Съ прекращеніемъ античнаго вліянія, нужно было какъ бы сызнова учиться пластическому искусству. Большинство произведеній не только византійской, но и ранней романской скульптуры неуклюже и безжизненно, лишь послѣдняя обнаруживаетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую естественность и свѣжесть; но скульптура занимаетъ безусловно декоративное, подчиненное архитектурѣ положеніе. Занимались особенно составленіемъ рельефовъ изъ слоновой кости, позднѣе также изъ бронзы и камня. Готическая пластика въ Германіи и Франціи отличается болѣе мягкими и стройными формами, часто не лишена пріятнаго и теплаго выраженія. Въ Италіи съ XIII вѣка въ произведеніяхъ Николо Пизано обозначается поворотъ отъ формализма византійцевъ къ болѣе естественности и одухотворенности, внушаемыхъ античными образцами; превосходныя работы изъ бронзы и камня дали Джованни Пизано, Лоренцо Жиберти, Лукка делла Роббія, Донателло и др.

Средневѣковая живопись подражаетъ сперва римской манерѣ, запечатлѣнной картинами въ катакомбахъ, затѣмъ она слѣдуетъ стилямъ византійскому съ его видоизмѣненіями въ Ирландіи (миніатюры) и франкскому. Сперва преобладаютъ мозаики и миніатюры, позднѣе, особенно въ Италіи, процвѣтаетъ стѣнная и въ видѣ отдѣльныхъ картинъ живопись; около 1000 г. была изобрѣтена живопись по стеклу, получившая особенное развитіе въ Германіи (церковное окно). Самостоятельный подъемъ живописи начинается въ Италіи въ лицѣ Чимабуэ въ XIII вѣкѣ; Джіотто, Фра Анжелико, Мазаччіо и др. продолжаютъ развивать ее далѣе въ смыслѣ болѣе задушевности выраженія и естественности формъ. Нѣмецкіе живописцы голятся менѣе за внѣшнею красотою формъ, нежели за мягкостью, проникновенностью и миловидностью въ передачѣ самого содержанія; особенно выдвинулись мастера Вильгельмъ, Стефанъ Кельнскій, Мартинъ Шонгауеръ, Цейтбломъ, Вольгемуть и др. Характеру средневѣковья вполне соотвѣтствуютъ многочисленныя изображенія пляски смерти. Благодаря усовершенствованію письма масляными красками, связанному съ именемъ братьевъ ванъ Эйкъ во второй половинѣ XIV вѣка, живопись получила новый толчокъ къ дальнѣйшему развитію. Если до того времени въ живописи господствовалъ религіозный элементъ (изображенія Богоматери, Христа и пр.), то теперь, параллельно растущему значенію городского быта

въ Нидерландахъ и Германіи, она испытываетъ расширение въ сторону бѣльшей свѣтскости; усердно разрабатывается портретная живопись, удѣляется также вниманіе пейзажу, хотя на первыхъ порахъ онъ играетъ только роль обстановки; чувство и пониманіе природы обнаруживается, главнымъ образомъ, у фламандскихъ художниковъ Губерта и Яна ванъ Эйка, Роджера ванъ-деръ-Вейдена, Ганса Мемлинга. Но проходитъ нѣкоторое время прежде, чѣмъ окончательно исчезаютъ жесткости и шероховатости германской живописи. Ея развитіе задерживало еще тѣсное сочетаніе искусства съ ремесломъ (цехи живописцевъ, строительныя палаты; послѣднія служили исходною точкою для франкъ-масонскихъ обществъ, англійскихъ free masons, французскихъ confraternities). Отъ этого тѣснаго союза между искусствомъ и ремесломъ (отсутствовавшими, впрочемъ, въ Италиі) выиграла художественная промышленность, достигшая высокаго расцвѣта въ болѣе позднее средневѣковье.

Средневѣковая музыка преимущественно церковнаго характера. Амвросій и Григорій Великій (VI вѣкъ) устанавливаютъ церковное пѣніе (хоралы); оно пока одноголосное. Попытки къ введенію многоголосности дѣлались въ IX и X вѣкахъ (Гукбальдъ и др.). Прежній способъ обозначенія, послѣ разныхъ попытокъ, напримѣръ, со стороны Гукбальда и др., замѣняется въ XI вѣкѣ Гвидо Аретинскимъ употребляемою и посейчасъ потною системою. Въ послѣдующее время продолжается развитіе многоголосія, а въ XIV столѣтіи начинается выработка контрапункта. Игра на музыкальныхъ инструментахъ и пѣніе еще въ очень раннее время распространены и въ недуховной средѣ (гудочники, трубадуры, минезенгеры), особенно въ Провансѣ.

Для средневѣковаго искусства во всей его совокупности является знаменательнымъ символизмъ, подчиненіе его внѣ-эстетическимъ, духовнымъ идеямъ и принципамъ, преимущественно религіознаго характера; оно далеко не въ той степени, что античное искусство смотритъ на себя какъ на самоцѣль. Форма перестала владѣть или иначе еще не овладѣла содержаніемъ.

III. Новое время.

А. Отъ эпохи ренессанса до эпохи просвѣщенія.

§ 30. Сущность ренессанса. Подъ ренессансомъ въ узкомъ смыслѣ (rinascimento) мы понимаемъ совершившееся въ

XV вѣкъ возрожденіе наукъ и искусства античнаго міра Въ болѣе широкомъ смыслѣ же это названіе обозначаетъ широкія измѣненія, происшедшія на протяженіи всей жизни подъ вліяніемъ возобновленія изученія памятниковъ античной культуры. Ренессансъ — это движеніе впередъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени путемъ возвращенія къ временамъ прошедшимъ. Человѣческій умъ отворачивается отъ сверхчувственнаго, по ту-сторонняго міра и обращается вновь къ настоящей земной жизни; природа и реальный міръ возстанавливаются въ своихъ правахъ въ смыслѣ не только мощнаго пробужденія чувства природы, но и въ предоставленіи неограниченной свободы проявленія всѣмъ за про самъ природы, признаваемымъ теперь, въ отличіе отъ среднихъ вѣковъ, вполне законными. Въ противоположность господствовавшему въ средніе вѣка корпоративному принужденію и цеховому духу, стѣснительнымъ путамъ авторитета и тягостной тенденціи къ полному единообразію, теперь возвышается индивидуализмъ, стремленіе къ самостоятельному мышленію и къ собственной воли, къ проявленію, теоретическому или практическому, своей личности, доходящему до самаго крайняго и жестокаго эгоизма, и безъ колебаній и безъ зазрѣнія совѣсти сметающему все, что становится ему поперекъ дороги; это—время г е н і а л ь п а г о с в е р х ч е л о в ѣ ч е с т в а,—время, не только преисполненное блеска и энергіи, но и отмѣченное чрезвычайнымъ упадкомъ нравовъ. Человѣкъ разсматривается уже не какъ членъ цѣлаго, а какъ личность, и великая и сильная личность и есть то, что отнынѣ высоко цѣнится, мало того, вызываетъ благоговѣйное себѣ поклоненіе. Стремленіе къ жизни, къ собственному «я», къ власти и славѣ овладѣваетъ всѣмъ. Знаменательно также, что эстетическій художественный элементъ повсюду и властно даетъ себя чувствовать.

Все сказанное первымъ долгомъ относится къ И т а л і и, откуда, подъ благопріятнымъ вліяніемъ живыхъ преданій античной культуры, началось движеніе ренессанса, и гдѣ оно достигло своего высшаго расцвѣта. Существовавшія здѣсь соціальныя и политическія условія сдѣлали возможнымъ самое полное развитіе индивидуализма, единичной личности—*uomo singolare*. Вслѣдствіе духа независимости, которымъ были проникнуты итальянцы, германская имперія не могла войти въ силу. Образовался рядъ государствъ-городовъ, спорившихъ и враждовавшихъ между собою и раздираемыхъ внутренними партійными распрями. Непрочностью положенія, создаваемаго этими обстоятельствами, воспользовались нѣкоторые знатные роды, какъ, напримѣръ, В и с к о н т и в ѣ М и л а н ѣ,

Гонцага въ Мантуѣ, Эсте въ Моденѣ, Медичи во Флоренціи, и захватили въ свои руки верховную власть. Предводители наемныхъ дружинъ, такъ называемые кондотьеры, въ родѣ Франца Сфорцы, становились въ это время князьями. Эти князья были большею частью сильныя личности. Они окружали себя знаменитыми учеными, поэтами и художниками, вели пышный образъ жизни, покровительствовали своею щедростью духовному творчеству (Медичи). Подвергшееся полному обмірщенію папство, которому nepотизмъ и продажность успѣли войти въ плоть и кровь (Инокентій VIII, Александръ VI и его дѣти Цезарь и Лукреція Борджія), тоже очень много сдѣлало для наукъ и искусства; особенныя заслуги въ этомъ отношеніи стяжалъ себѣ папа Юлій II, покровитель Рафаэля и Микеланджело.

Упомянутый нами расцвѣтъ итальянской литературы въ XIV вѣкѣ уже сопровождается возобновленіемъ изученія античныхъ писателей, которые дѣйствительно, какъ нельзя лучше, могли служить руководителями и образцами при устройствѣ новой жизни. Гуманистическій переворотъ, обращеніе вновь къ *studia humaniora*, начинается уже съ выступленія на это поприще Данте, Петрарки и Боккаччіо, съ большою любовью изучавшихъ латынь; Мануиль Хрисоларъ Вессаріонъ, Георгій Гемистъ Плевонъ и др. направили свою дѣятельность на греческую старину, изученію которой оказываютъ сильное содѣйствіе спасавшіеся въ Италиі ученые послѣ взятія Константинополя турками. Въ противоположность среднимъ вѣкамъ, теперь строже слѣдятъ за чистотою латинской и греческой рѣчи, и многое перенимается также изъ античнаго міросозерцанія; «языческіе» взгляды на жизнь, мѣтологія и пр. проникаютъ повсюду, сказываясь даже на поведеніи и языкѣ духовенства и папъ. Воодушевленіе античною культурою проявляется въ учрежденіи многихъ школъ и университетовъ, въ основаніи академій во Флоренціи, Неаполѣ, Римѣ и другихъ мѣстахъ. Изобрѣтенное недавно книгопечатаніе благопріятствуетъ распространенію литературы; усердно собираются книги и рукописи; папа Николай V основываетъ ватиканскую бібліотеку.

Гуманизмъ распространяется сперва во Франціи, а потомъ и въ Германіи, гдѣ онъ принимаетъ національную окраску. Предшественниками нѣмецкаго гуманизма были мистики, какъ примѣрно въ Нидерландахъ «братья общей жизни», учреждавшіе школы, въ которыхъ много заботъ положено было на изученіе языка латинскаго и, рядомъ съ нимъ, также греческаго. Рудольфъ Агрикола и др. ставятъ греческій на первое мѣсто въ преподаваніи. Но нѣ-

мецкіе гуманисты выдвигаются въ качествѣ не только филологовъ, но и го́нителей схоластики; подвергая вкрашіяся въ церковную жизнь нестроенія рѣзкой критикѣ и осмѣянію, они также подготовляли реформацію, совершить которую они сами, однако, не были въ силахъ отчасти вслѣдствіе своей половинчатости и нерѣшительности, отчасти изъ-за своего высокомернаго обособленія отъ народной массы. За исключеніемъ жизнерадостнаго, воинственнаго и патріотически настроеннаго Ульриха фонъ Гуттена, гуманисты, какъ Рейхлинъ, Цельтъ, Эразмъ Роттердамскій и др., были натурами теоретическими, которыя, главнымъ образомъ, увлекались изученіемъ античныхъ писателей, а не возможнымъ практическимъ вмѣшательствомъ въ реальныя жизненные отношенія. Въ соединеніи съ нѣкоторыми учеными Гуттенъ издалъ ѣдкій памфлетъ—*epistolae obscurorum virorum*,—направленный противъ кельнскихъ богослововъ-мракобѣсовъ и сосредоточившій около себя ожесточенные споры, которые продолжались до кореннаго измѣненія всѣхъ отношеній реформаціею.

§ 31. Реформація и контръ-реформація. Религіозная реформація тоже представляетъ собою своего рода ренессансъ, а именно возрожденіе христіанской идеи, подвергшейся обмірщенію въ средневѣковомъ католицизмѣ. Ей предшествуютъ различныя попытки къ возстановленію чистаго христіанства. Въ XII вѣкѣ Арнольдъ Брешианскій поплатился за свою проповѣдь смертью чрезъ сожженіе; за этимъ послѣдовали кровавыя гоненія на катаровъ и альбигойцевъ. Въ XV вѣкѣ умеръ на кострѣ Савонарола. Съ большимъ успѣхомъ дѣйствовалъ Виклефъ въ Англіи († 1387), ученіе котораго усвоиваетъ и развиваетъ чехъ Іоаннъ Гусъ, но въ 1415 г. и его предають огню; у него и среди его послѣдователей, гуситовъ, съ религіозною идеею переплетается также идея національная (чехи противъ нѣмцевъ). Рядъ церковныхъ соборовъ въ XV вѣкѣ признаетъ необходимость преобразования церкви «во главѣ и членахъ», но на дѣлѣ все остается по-старому. Между тѣмъ обмірщеніе религіи и духовенства все возрастаетъ, папы подають самый дурной примѣръ, священники пренебрегаютъ всѣми церковными правилами, религіей промышляютъ (торговля индульгенціями, т.-е. отпущеніемъ грѣховъ), продажа церковныхъ должностей, nepотизмъ, грубый развратъ среди приходскаго и монашествующаго священства принимаютъ ужасающіе размѣры. Христіанство матеріализировалось и застыло, ставши вѣрою въ чудеса и святыхъ; іерархія церкви подчиняетъ умы своей власти, авторитету духовнаго Рима. Противъ этого возстаетъ болѣе глубокая и чувствительная германская натура, и изъ среды нѣмецкаго народа подымается

крупная религіозная личность Лютера, августинскаго монаха, которому совѣсть не даетъ покоя до тѣхъ поръ, пока онъ, послѣ тщетныхъ попытокъ къ мирному соглашенію съ Римомъ, не рѣшается на разрывъ съ папствомъ, увлекаая за собой множество одинаково воодушевленныхъ съ нимъ лицъ. Не церковь, организованная на подобіе и съ помощью государства, должна властвовать надъ умами людей, а евангеліе и сознаніе своей общности во Христвъ, къ которому всякій человѣкъ можетъ и долженъ вступить въ личныя и непосредственно живыя отношенія; не «добрыми дѣлами», а только одною вѣрою, проявляющеюся въ самой жизни, можетъ спастись человѣкъ. Папство и іерархія, культъ Богоматери и святыхъ, отпущеніе грѣховъ, монашество, целибать и пр. отвергаются. Такимъ образомъ, протестантизмъ отдѣляется отъ католицизма. Но протестантизмъ не сохраняетъ своего внутренняго единства, а вскорѣ распадается на секты и направленія, и прежде всего на крупные отдѣлы лютеранской и реформатской церквей. Последняя возникла въ Швейцаріи; ея основателями были Цвингли и Кальвинъ. Кальвинъ еще радикальнѣе Лютера, еще болѣе опирается на библію, особенно на ветхій завѣтъ; его ученія, среди которыхъ доктрина о предопредѣленіи имѣетъ выдающееся значеніе, проникнуты крайнею суровостью, прямолинейностью и рассудочностью; по вопросу о причастіи онъ расходится съ Лютеромъ, подчеркивая исключительно символическую роль хлѣба и вина при совершеніи таинства. Кальвинизмъ распространяется, между прочимъ, въ Венгріи, Англии и Шотландіи (пресвитеріане), Нидерландахъ; во Франціи онъ исповѣдуется гугенотами. Если въ Германіи и Швейцаріи реформація возникаетъ изъ народнаго движенія, то въ Англии она обязана своимъ происхожденіемъ волѣ короля Генриха VIII, который благодаря разводу съ женою вступаетъ въ конфликтъ съ папою. Такимъ образомъ, возникаетъ англійская высокая церковь (англиканская церковь), какъ нѣчто среднее между протестантизмомъ и католицизмомъ; съ первымъ она позднѣе согласуется въ своихъ основныхъ ученіяхъ (39 статей 1571 г.), у послѣдняго она заимствуетъ іерархическій строй, отвергая, однако, главенство папы и организуясь въ государственную церковь. Бракъ священникамъ разрѣшается.

Протестантизмъ тоже не избѣгъ судьбы, рано или поздно, временно или безповоротно настагающей всѣ религіи: застою и закоснѣлости. Уже перенесеніе епископской власти на князей (*suus regio, ejus religio*) внесло принужденіе и нетерпимость въ религію, и послѣдняя еще болѣе затвердѣла отчасти въ слѣдствіе полемики съ католицизмомъ, отчасти благодаря неуступчивости богослововъ, осно-

вавшихъ на самомъ дѣлѣ какъ бы новую протестантскую схоластику съ догматизмомъ, чуждымъ подлинному духу протестантизма. Возникшій въ XVII вѣкѣ піэтизмъ образовалъ реакцію противъ рационалистической формы протестантизма. Родственный во многихъ отношеніяхъ болѣе ранней мистикѣ, онъ, однако, вскорѣ выродился въ чувствительность и даже ханжество; въ презрѣніи къ свѣтскимъ удовольствіямъ піэтизмъ имѣетъ много общаго съ англійскими пуританами и методистами.

Если католицизмъ не желалъ все болѣе и болѣе утрачивать свое значеніе, то стремленіе вернуть себѣ отторгнутую протестантизмомъ почву должно было стать естественною цѣлью самыхъ энергическихъ усилій съ его стороны. Въ дѣйствительности, задуманное имъ дѣло настолько удалось, что не только былъ положенъ предѣлъ распостраненію протестантизма, но и возвращены многія области, считавшіяся утраченными. Церковь и папство опять возвышаются, восстанавливая свое господство надъ романскими народами, которые ограждаются отъ еретическихъ вліяній извѣстнымъ примѣненіемъ средствъ устрашенія, выработанныхъ инквизиціею, услугами которой послѣ восстановленія ея папою Павломъ IV усердно пользовался Филиппъ II Испанскій; на многочисленныхъ аутодафэ религіи приносились въ жертву протестанты, мавриски, евреи и т. д. Контр-реформація не въ малой степени обязана своимъ быстрымъ и прочнымъ успѣхомъ новой, сильной организациі ордена іезуитовъ, созданнаго въ 1540 году Игнатіемъ Лойолою и усовершенствованнаго Лайнесомъ. Сила ордена заключалась въ безусловномъ повинненіи его членовъ старшимъ и въ чрезвычайно активной дѣятельности іезуитовъ на политическомъ, научномъ и учебно-воспитательномъ поприщахъ, а также въ «іезуитской морали», провозгласившей своимъ основнымъ положеніемъ, что добрая цѣль оправдываетъ всѣ средства (пробаблизмъ, казуистика).

Внутри самого католицизма іезуитизмъ столкнулся съ противникомъ въ лицѣ янсенизма, ученія голландскаго богослова Корнелиса Янсена († 1638), который, возвращаясь къ Августину, проповѣдуетъ идею о предопредѣленіи.

На Тридентскомъ соборѣ (1545—1563) католическая церковь вновь упрочивается, устранивъ изъ своей практики различныя злоупотребленія и выработавъ твердый кодексъ законовъ и догматовъ.

§ 32. Государство и общество въ XVI и XVII вѣкахъ. Феодалному строю среднихъ вѣковъ рано или поздно долженъ былъ наступить конецъ, такъ какъ натянутыя отношенія между королевскою властью и территоріальными владѣльцами, между князьями и рыцарствомъ требуютъ извѣстнаго согласованія. Въ Германіи Карлъ V,

хотя и тщетно, пытается стать абсолютнымъ государемъ; императорская власть не можетъ войти въ силу; территориальные князья дѣлаются независимыми и неограниченно управляютъ своими землями, ведя только борьбу съ непокорнымъ дворянствомъ, которое лишается нѣкоторыхъ, особенно политическихъ, привилегій (напр., въ Бранденбургѣ). Франція становится образцомъ абсолютной королевской власти. Здѣсь со временъ Людовика XI систематически проводится подчиненіе крупныхъ феодаловъ (*grands seigneurs*) королю, такъ что при Людовикѣ XIII и Людовикѣ XIV и ихъ министрахъ Ришелье и Мазарини завершается процессъ возвышенія королевскаго абсолютизма Божьей милостью. Въ Россіи Петръ Великій кладетъ основаніе абсолютизму. Въ Польшѣ, напротивъ, сохраняется господство шляхты, рядомъ со слабой, избирательной королевской властью. Въ Англіи всѣ попытки Стюартовъ сломить парламентъ и утвердить королевское единодержавіе терпятъ крушеніе въ двухъ революціяхъ, изъ коихъ англійскій конституціонализмъ выходитъ еще болѣе упроченнымъ. На развитіе абсолютизма въ Германіи реформація оказала вліяніе своимъ ученіемъ о безусловномъ повиновеніи властямъ, а также обогащеніемъ государей путемъ секуляризаціи монастырскихъ имуществъ. Громадную пользу оказало абсолютизму введеніе постоянныхъ войскъ изъ наемниковъ (ландскнехты), съ помощью которыхъ государи сдѣлались независимыми отъ дворянства. Въ XVII вѣкѣ абсолютизмъ господствуетъ уже неоспоримо; во Франціи съ 1614 года генеральные штаты болѣе не созываются, и въ другихъ странахъ болѣею частью мало обращаютъ вниманія на собранія земскихъ чиновъ (ландтаги); князья управляютъ неограниченно съ помощью чиновниковъ, нерѣдко, деспотически и произвольно, ублажая своимъ прихотямъ и эксплуатируя страну и населеніе. Правительство вмѣшивается рѣшительно во все, процвѣтаетъ система политической опеки, при дворахъ господствуетъ режимъ временщиковъ и фаворитокъ худшаго пошиба. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что многіе государи въ родѣ Людовика XIV, Петра Великаго и нѣкоторыхъ бранденбургско-прусскихъ правителей во многихъ отношеніяхъ подняли культуру своихъ странъ. Дѣлалось не мало для народа, но ничего посредствомъ народа; послѣдній былъ не болѣе какъ совокупностью подданныхъ, собственностью государя, который могъ свободно распоряжаться жизнью и имуществомъ подвластныхъ ему людей. Для удовлетворенія страстей, какъ мирныхъ, такъ и воинственныхъ, своихъ государей народы должны были приносить жертвы, сколько только могли.

Если дворянство и потеряло свое прежнее могущественное положеніе, если многіе изъ его рядовъ и обѣднѣли вслѣдствіе

измѣнившихся хозяйственныхъ условій, то, тѣмъ не менѣе, политическое и социальное значеніе дворянства вплоть до французской революціи осталось очень высокимъ. Оно обладало въ сравненіи съ народомъ многими привилегіями, сваливая особенно податное бремя на плечи крестьянъ и горожанъ. Тогда какъ въ средніе вѣка мы имѣемъ дѣло съ родовитою, служилою или феодальною знатью, въ новое время образуется новое дворянство, члены котораго приобрѣтаютъ свое званіе путемъ выслуги или жалованныхъ грамотъ, откуда происходитъ обычай, переходящій въ открытое злоупотребленіе, добывать себѣ дворянское достоинство за деньги. Но центръ тяжести культурной жизни уже перемѣстился на городское сословіе. Пышный расцвѣтъ его относится къ XVI вѣку; обогатившійся посредствомъ торговли и промышленности патриціатъ завелъ въ городахъ Германіи и другихъ странъ пріятную и нерѣдко расточительную жизнь, окружая себя большой роскошью въ смыслѣ устройства жилища, домашней утвари и платья. Быть крестьянъ былъ въ сравненіи съ этимъ особенно тягостнымъ. Они находились въ крѣпостной зависимости отъ дворянъ, которые облагали ихъ все бѣльшими и бѣльшими повинностями и обращались съ ними самымъ жестокимъ образомъ. Среди поработанныхъ крестьянъ происходили частыя возстанія. Они поняли реформацію въ томъ смыслѣ, что, согласно ученіямъ евангелія, должно было наступить облегченіе въ положеніи поработанныхъ или даже полное ихъ освобожденіе. Но Лютеръ рѣзко отрекся отъ возставшихъ крестьянъ, ссылавшихся на Священное Писаніе; мало того, опасаясь вреда, могущаго отсюда произойти для его религіозной проповѣди, онъ приглашалъ властей къ безпощадному подавленію возстанія, хотя «двѣнадцать статей» крестьянъ выставляли довольно умѣренныя требованія. Крестьянская война кончилась кровавымъ подавленіемъ возставшихъ, послѣ чего жизнь крестьянъ стала, пожалуй, еще тяжелѣе. Въ той же мѣрѣ потерпѣли неудачу попытки къ основанію новыхъ обществъ на коммунистическихъ началахъ. Исходившіе отъ перекрещенцевъ *Томы Мюндера* и *Іоанна Бокольда* изъ Лейдена. Наконецъ, соединенное движеніе нѣмецкаго рыцарства подъ предводительствомъ *Франца фонъ Зиккигена* противъ князей тоже кончилось полнымъ разгромомъ.

Въ періодѣ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, продолжаютъ рецепція и обработка римскаго права. Это вноситъ больше стройности и единства во всѣ правовыя отношенія, хотя съ этимъ связано и болѣе сложное судопроизводство, требующее въ свою очередь, существованія особаго сословія юристовъ — *законовѣдовъ*. Въ Германіи при *Карлѣ V* возникаетъ новое

уложение о наказаніяхъ, «Уголовное судопроизводство» («Саргина»), еще сравнительно мягкое, хотя оно уже содержитъ въ себѣ немало суровыхъ и жестокихъ каръ. Позднѣе суровость уголовного законодательства еще возрастаетъ; ужаснѣйшія наказанія, въ родѣ колесованія, четвертованія и т. д., назначаются даже за ничтожныя преступленія; у обвиняемыхъ стараются безсмысленнѣйшимъ образомъ, путемъ пытокъ, исторгнуть признаніе въ своей виновности. Но варварское правосудіе отнюдь не уменьшаетъ громаднаго количества преступниковъ за это время. Процессы противъ вѣдьмъ надѣлали немало бѣдъ въ XVI и XVII вѣкахъ; дѣйствуютъ спеціальныя трибуналы; «молоть вѣдьмъ» съ 1489 г. изъясняетъ подробно процедуру, примѣняемую при допросѣ и слѣдствіи надъ вѣдьмами, т.-е. обвиняемыми въ чародѣйствѣ. Несмотря на то, что еще въ XVII вѣкѣ раздавалась масса голосовъ противъ сожженія вѣдьмъ (напримѣръ, трактатъ іезуита Фридриха Шне), такія судебныя убійства совершаются вплоть до конца XVIII вѣка, да единичные случаи убіенія вѣдьмъ наблюдаются даже въ XIX столѣтіи. Широко распространенныя въ тѣ времена суевѣрія (магія, философскій камень, жизненный эликсиръ, алхимія, выдѣлка золота, астрологія и т. д.) дѣлаютъ эти заблужденія правосудія понятными; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что находились также шарлатаны, злоупотреблявшіе этими суевѣріями.

Въ бытовыхъ отношеніяхъ этотъ вѣкъ, особенно въ Германіи, обнаруживаетъ наклонъ въ сторону безмѣрности и невоздержанности. Въ ѣдѣ и питьѣ не знали границъ; прямо изумляешься, до чего въ этомъ отношеніи доходили даже женщины. Это было именно крѣпкое и выносливое поколѣніе, незнакомое съ чванствомъ и жеманностью болѣе поздняго времени; суровое и грубое, оно въ языкѣ и нравахъ опускалось прямо до пошлости и безстыдства. Особенно огрубѣли нравы вслѣдствіе тридцатилѣтней войны, но и до ея начала не было недостатка въ злоупотребленіяхъ, въ распространеніи которыхъ не малое участіе приняли и ландскнехты; безшабашное бражничество, игра, драки, убійства и другія безчинства не были рѣдкими явленіями въ мірѣ военномъ или въ средѣ низшаго дворянства и крестьянства. Князья и вельможи устраивали пиршество и громкія празднества, а достаточные бюргеры предавались сытой жизни, посвященной чувственнымъ наслажденіямъ. Студенческая жизнь все болѣе и болѣе вырождалась, грубости и пошлости получали право гражданства, особенно въ истязаніяхъ и эксплуатаціи, которымъ подвергались новички со стороны старшихъ товарищей. Кулачная расправа и взаимное задираніе въ студенческихъ кружкахъ были явленіемъ обыденнымъ тамъ, гдѣ свирѣпствовали дуэли; занятія считались вещью

постороннею. П р о с т и т у ц і я значительно возросла; проститутки цѣлыми толпами слѣдовали за войсками, и сифилисъ, получившій къ концу XV вѣка широкую извѣстность подъ названіемъ французской болѣзни, причинялъ ужасныя бѣдствія. Благоустройство городовъ въ отношеніи гигиены еще долгое время оставляло желать многого.

Одновременно съ реформаціею измѣнились э к о н о м и ч е с к і я условия; большое вліяніе оказало на нихъ о т к р ы т і е новаго свѣта, Америки. Лишь теперь дѣйствительно устанавливается д е и е ж н о е х о з я й с т в о. Приливъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ новооткрытыхъ земель измѣняетъ цѣны на товары, а введеніе американскихъ и индійскихъ продуктовъ (пряности, картофель, хлопчатникъ, кофе, сахарный тростникъ, табакъ и др.) преобразовываетъ весь укладъ частной жизни, возбуждаетъ новыя потребности, усиливаетъ жажду наслажденій. На одной сторонѣ мы замѣчаемъ сосредоточеніе крупныхъ богатствъ въ однѣхъ рукахъ благодаря широкимъ торговымъ сношеніямъ, возникновеніе міровыхъ фирмъ въ родѣ Фуггеровъ и Вельзеровъ. зачатки к а п и т а л и з м а новаго времени; съ другой стороны, даетъ о себѣ знать безпрестанно увеличивающійся пролетаріатъ, пополняющійся изъ разныхъ слоевъ. Открытіе Великаго океана для т о р г о в л и лишаетъ Средиземное море его значенія. Мѣсто итальянскихъ республикъ теперь занимаютъ П о р т у г а л і я и И с п а н і я. Эти государства, вслѣдствіе своего политическаго и культурнаго безсилія, утрачиваютъ свою роль первоклассныхъ морскихъ державъ, которая затѣмъ переходитъ къ Н и д е р л а н д а м ъ; послѣдніе основываютъ голландскую остъ-индскую кампанію (1612), рядъ заморскихъ колоній и торговыхъ факторій. Но Англія съ помощью флота и искусной политики сумѣла захватить торговлю въ свои руки и, широкою постановкою к о л о н і а л ь н а г о вопроса (остъ-индская кампанія 1600, колоніи въ Азіи, Америкѣ, Африкѣ), не только удержать, но и приумножить свое коммерческое могущество. Германія утрачиваетъ свое бывшее торговое значеніе, испытывая вообще страшный экономическій упадокъ благодаря тридцатилѣтней войнѣ, которая разрушала массу цвѣтушихъ городовъ, обезлюдила ихъ, пріостановила богатую культурную жизнь и нанесла гяжелый ударъ промышленности; только въ Б р а н д е н б у р г ѣ, вслѣдствіе переселенія сюда изъ Франціи укрывающихся отъ преслѣдовацій гугенотовъ и попеченія самихъ князей, хозяйственное благосостояніе упрочивается. Внутри отдѣльныхъ странъ сношенія испытываютъ большія стѣсненія отъ многочисленныхъ пошлинъ, таможенъ, мытной и другихъ заставъ. Протекціонизмъ, развивающійся подъ видомъ системы меркантилизма съ XVI до середины XVII вѣка параллельно политическому абсолютизму, рядомъ съ благо-

пріятными, имѣлъ также и отрицательныя послѣдствія. Исходя отъ мысли, что богатство народа заключается преимущественно въ деньгахъ, государство стремится регулировать производство и торговлю, такимъ образомъ, чтобы по возможности больше вывозить промышленныхъ издѣлій и какъ можно больше ввозить денегъ, причемъ промышленность и вывозъ всячески поддерживаются государствомъ посредствомъ разнаго рода привилегій, премій, нормировки цѣнъ и т. д.; особенно Кольберомъ меркантилизмъ былъ возведенъ въ цѣлую систему.

§ 33. Наука. Преподаваніе. Съ гуманизма начинаются новая самостоятельная мысль и наука, освободившіяся отъ средневѣковой церковности. Что разрывъ со средними вѣками совершился не сразу, обнаруживается во многихъ суевѣрныхъ воззрѣніяхъ, которыми перемѣшаны точные результаты научной работы еще въ XVI и XVII вѣкахъ. Это подтверждается также пережитками схоластической, діалектической философіи и нерѣдко прорывающеюся наклонностью къ теософіи и мистикѣ; идея божества продолжаетъ играть выдающуюся роль въ философіи. Тѣмъ не менѣе, философская мысль гигантскими шагами удаляется отъ богословія, идя впредь своею дорогою даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она приходитъ въ соприкосновеніе съ теологическими вопросами.

Въ философіи эпохи ренессанса можно подмѣтить три группы мыслителей. Это, во-первыхъ, такіе философы, которые проповѣдуютъ ученіе Аристотеля и Платона въ формѣ, нѣсколько видоизмѣненной въ духѣ неоплатонизма, во-вторыхъ, учителя философіи права и политической философіи, въ родѣ Маккіавелли, Бодэна и др., въ-третьихъ, натурфилософы, какъ Патрицій, Телезій, Карданъ, Агриппа фонъ Неттесгеймъ, Парацельсъ и др. У послѣднихъ природа, находившаяся въ такомъ пренебреженіи въ средніе вѣка, оцѣна возстановляется въ своихъ правахъ, ее представляютъ живой и одухотворенною, а у Джіордано Бруно, смѣлаго мыслителя и мученика своей идеи (онъ былъ сожженъ въ 1600 г.), природа пользуется даже божественнымъ почетомъ (пантеизмъ). Изъ ряда философовъ права выдѣляется творецъ естественнаго и международнаго права Гуго Гроцій. Абсолютизмъ теоретически обосновывается Гоббсомъ, согласно которому государство покоится на молчаливомъ договорѣ, заключаемомъ съ цѣлью предупрежденія неизбежной иначе «войны всѣхъ противъ всѣхъ». Другими, наоборотъ, распространяются ученіе о народовластіи, между прочимъ, и іезуитами Беллярминомъ, Маріаною и др., которые считаютъ даже тиранинубійство дозволеннымъ.

Съ Бэкона († 1626 г.), основателя новаго эмпиризма, начи-

наются попытки выработать для философіи и науки надежный методъ. Въ этомъ направленіи особенно крупнымъ новаторомъ оказался отецъ новаго рационализма Декартъ († 1650 г.), благодаря именно своему методологическому скептицизму и утверженію достовѣрности собственнаго существованія. Дуализмъ между тѣломъ и духомъ, строго обоснованный Декартомъ, окказіонализмъ стремится смягчить своимъ ученіемъ о вмѣшательствѣ Бога во взаимоотношенія духовной и тѣлесной сторонъ бытія. Подъ вліяніемъ Декарта, но въ общемъ вполне самостоятельно, еврей Спиноза († 1677 г.) разрабатываетъ свою стройную пантеистическую систему, согласно которой только единая субстанція, Богъ или природа, имѣетъ истинное бытіе и проявляется во всемъ, обладая, какъ своими атрибутами, одновременно и духомъ и протяженіемъ (монизмъ). Спиритуалистъ Лейбницъ († 1716 г.), родоначальникъ оптимизма новаго времени («Теодицея»), предполагаетъ существованіе множества субстанцій духовнаго порядка (монады), соединенныхъ благодаря «предустановленной гармоніи» въ мірозданіе. Хр. Вольфъ († 1754 г.) развиваетъ и популяризируетъ философію Лейбница. Эмпиризмъ разрабатывается Локкомъ († 1704 г.), выступающимъ противъ ученія о «прирожденныхъ идеяхъ»; согласно ему, всякое познаніе основано на внѣшнемъ или внутреннемъ опытѣ. Тогда какъ Берклей († 1753 г.), отдавая предпочтеніе внутреннему опыту, проповѣдуетъ идеализмъ, съ точки зрѣнія котораго тѣла суть не болѣе какъ представленія духовныхъ существъ, имѣющихъ единственно истинное бытіе, у Кондильяка († 1780 г.) эмпиризмъ превращается въ сенсуализмъ, по которому всякое познаніе исходитъ изъ ощущеній; Юмъ († 1776 г.), скептически отворачивающійся отъ всякой метафизики, кладетъ основаніе позитивизму. Скептицизмъ, первое пробужденіе котораго относится къ XVI вѣку, достигаетъ въ лицѣ Бейля своего кульминаціоннаго пункта. Матеріализмъ, представленный еще ранѣе Гоббсомъ, процвѣтаетъ въ XVIII вѣкѣ, когда къ нему приобщаются Гольбахъ, Ламеттри и др. Деизмъ, отвергающій откровеніе и признающій только одну естественную религію разума («свободные мыслители»), возникаетъ въ XVII столѣтіи, когда представителемъ его выступаетъ Толандъ; объ этомъ и многомъ другомъ придется говорить только въ связи съ эпохою просвѣщенія. Въ XVII вѣкѣ первое мѣсто занимаютъ величественныя системы Декарта, Спинозы, Лейбница и др., оказавшія громадное вліяніе на всю духовную жизнь своего времени.

Великое значеніе для нашего времени имѣетъ расцвѣтъ количественно-механическаго (или динамическаго) міросозерцанія, противопоставяемаго средневѣковому ученію о «сскровенныхъ сущностяхъ» вещей и о дѣятельности Бога и ангеловъ.

Перѣшевіе отъ геоцентрической точки зрѣнія въ пользу геліоцентрической, благодаря открытію Коперникомъ (1541) ращенія земли вокругъ солнца, производитъ цѣлый переворотъ въ махъ людей. Положеніе земли и человѣка въ мірозданіи становится теперь совершенно инымъ; наша планета перестаетъ быть центромъ, вокругъ котораго все въ мірѣ вращается, къ которому, какъ къ своей конечной цѣли, все восходитъ. Что ученіе Коперника было объявлено церковью ересью (1616), вполне понятно, если принять во вниманіе значеніе, которое продолжали приписывать библии и въ научныхъ вопросахъ, совершенно произвольно, впрочемъ, истолковывая ее по указанному частному случаю. Результаты, добытые Коперникомъ, подтверждаются и исправляются Кеплеромъ († 1630; законы Кеплера) и Галилеемъ († 1642), основателями новой механики, механическаго міросозерцанія, которое разрабатывается Ньютономъ († 1727), подведшимъ своею грандіозною теоріею о всеобщемъ тяготѣніи необходимое физическое основаніе подъ новыя астрономическія ученія; зато его матеріалистическая теорія свѣта была вытѣснена вибраціонной теоріею Гюйгенса, пользующейся признаніемъ и посейчасъ. Жильбертъ изслѣдовалъ магнетизмъ (1600). Въ математикѣ особенно выдвинулись Декартъ, которому мы обязаны аналитическою геометриею, а также Ньютонъ и Лейбницъ, изобрѣтатели дифференціального исчисленія; къ XVII столѣтію относится также изобрѣтеніе логарифмовъ (Бриггсъ и др.). Такъ какъ индукція и экспериментъ, на ряду съ дедукціею, считались научными методами, то этимъ данъ былъ широкій просторъ для всякаго рода изобрѣтеній и открытій, какъ, на примѣръ, со стороны Ліонардо да Винчи, Галлеи (законы паденія и движенія маятника); имъ и, еще до него, Липперсгеемъ (1608) была изобрѣтена подзорная труба, усовершенствованная Кеплеромъ. Захарій Янсенъ (1590) изобрѣтаетъ микроскопъ. Слѣдуютъ: въ 1643 г. изобрѣтеніе барометра Торичелли, 1650 воздушнаго насоса Оттономъ фонъ Герике, 1655 часовъ съ маятникомъ Гюйгенсомъ, тогда какъ уже въ 1500 году въ Нюрнбергѣ были извѣстны карманные часы. Паровыя машины составляли уже Саломонъ де Ко (1615) и Денисъ Папэнъ (1690), построившій также первый пароходъ (1707). Если эти и многія другія техническія изобрѣтенія остались безъ практическаго результата, то это объясняется, между прочимъ, и отвращеніемъ и даже прямо ненавистью, питаемыми населеніемъ того времени, отчасти изъ суевѣрія, отчасти изъ опасенія утратить свои заработокъ, противъ всякаго рода машины; разрушеніе таковыхъ извоняемыми народными массами происходило довольно часто даже въ XVIII и XIX вѣкахъ. Потребности въ развитіи техники тоже

еще не созрѣли. Прекрасные результаты достигнуты были въ XVII вѣкѣ въ устройствѣ шоссеиныхъ дорогъ, особенно во Франціи.

Въ области біологическихъ наукъ, анатоміи и фізіологіи, выдвинулись Мальпиги, Левенгукъ, открывшій инфузорию, Сваммердамъ, изслѣдователь сперматоцена, Гарвей, открывшій кровообращеніе и основавшій современную фізіологію своимъ ученіемъ *omne vivum ex ovo* (противъ теоріи самопроизвольнаго зарожденія). Зато медицина за XVI и XVII вѣка порядкомъ отстала, несмотря на многіе успѣхи, которыми она обязана была Парацельзу, «іатро-хемической» и «іатромеханической» школамъ. Исторія процвѣтаетъ особенно въ Италіи (Маккіавелли, Гвичіардини, Сарпи и др.), исходя изъ интереса, который возбуждали къ себѣ въ эпоху ренессанса великая личность и политическая жизнь; къ ней нѣсколько позднѣе присоединяется Франція, гдѣ Боссюэтъ († 1704) выступаетъ первымъ французскимъ философомъ исторіи. Мощный подъемъ переживаетъ въ XVI столѣтіи землевѣдѣніе, черпающее новые импульсы изъ географическихъ открытій португальцевъ и другихъ народностей. Прежде всего было открыто нѣсколько острововъ близъ Африки, затѣмъ Вароломей Діасъ обогнулъ южную оконечность этого материка, а Васко де Гама открываетъ морской путь въ Индію. Колумбъ вторично открываетъ Америку въ 1492 г., послѣ того какъ заселеніе Гренландіи и части Сѣверной Америки норманнами (съ X по XV вѣкѣ) было забыто; новая часть свѣта была названа въ честь Америго Веспуччи, давшего первое его описаніе. Кабраль открываетъ Бразилію, Каботъ—Лабрадоръ, Бальбоа—Великій океанъ, Кортесъ покоряетъ Мексику, Пизарро—Перу; Магелланъ совершаетъ первое кругосвѣтное путешествіе; голландцы (Тасманъ) открываютъ Австралію (1606). Земля уже не считается больше плоскимъ кругомъ, теперь убѣждены въ ея шаровидной формѣ. Въ Германіи сильно процвѣтаетъ картографія (проекции Меркатора), разрабатываются руководства по міровѣдѣнію (Сев. Мюнстеръ—«Космографія», 1553 г.). Филологическими изысканіями занимаются въ XV и XVI столѣтіяхъ греческіе, итальянскіе и нѣмецкіе гуманисты; въ XVI и XVII вѣкахъ въ области філологіи выдвигаются преимущественно французы (Казобонъ, Ж. Скалигеръ и др.). Для богословія важенъ Спенеръ († 1705), основатель піэтизма; въ юриспруденціи пріобрѣтаютъ крупное значеніе представители естественнаго права Пуфендорфъ († 1694), Хр. Томазій († 1728), полемизировавшій противъ пытокъ и вѣдовства, и первымъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ читавшій свои лекціи на нѣмецкомъ, вмѣсто латинскаго языка.

Школьное дѣло и педагогика подпадаютъ сперва подъ вліяніе гуманизма, затѣмъ реформаціи. Въ возни-

кающихъ въ большомъ числѣ ученыхъ школахъ преобладаетъ гуманистически-филологическое образованіе; особымъ почетомъ пользуется латынь. Кромѣ самихъ реформаторовъ, стяжали славу въ дѣлѣ устроенія школы Меланхтонъ, Бугенгагенъ, Камерарій; Лютеръ пустилъ въ оборотъ мысль о народной школѣ, которой, однако, было суждено осуществиться только значительно позднѣе. Въ школахъ, руководимыхъ іезуитами, преподаваніе тоже велось въ гуманистическомъ духѣ. Гуманизмъ, однако, принималъ нерѣдко характеръ внѣшній, формальный, бездушный. Усовершенствованія гуманистическихъ занятій и введеніе въ кругъ ихъ также изученія реалій добивались, между прочимъ, Ратихій, Альштедъ, Вал. Андреа, особенно крупное значеніе приобрѣли реформы Яна Амоса Коменскаго († 1670), подчеркнувшаго въ своей «Большой дидактикѣ» необходимость широкой постановки преподаванія, руководящагося строгими методами и построеннаго на принципахъ наглядности и живыхъ примѣрахъ; имъ же былъ составленъ первый *Orbis pictus* (1657). Педагогическая дѣятельность п і э т и с т о в ъ тоже была плодотворна. А. Г. Франке († 1727) основалъ въ Галле знаменитый сиротскій домъ и въ связи съ нимъ учительскую семинарію, послужившую исходною точкою для ряда нѣмецкихъ и латинскихъ школъ. Въ этихъ школахъ особое удареніе ставилось на религіозно-нравственную сторону воспитанія; не пренебрегали также практическими работами; здѣсь, какъ и въ школахъ, организованныхъ по данному образцу въ другихъ городахъ, не оставлялись безъ вниманія и реальныя дисциплины; въ 1747 г. въ Берлинѣ было основано первое реальное училище.

Распространенію знаній уже въ XVI вѣкѣ служатъ летучіе листки, предшественники нашихъ газетъ; послѣднія выходятъ періодически (еженедѣльно, а затѣмъ и ежедневно) только съ начала XVII вѣка или конца XVI (разъ въ три мѣсяца, каждый мѣсяць). Книгоиздательство сосредоточивалось сперва въ рукахъ типографовъ; позднѣе появляются особыя книгопродавцы; ярмарки устраиваются уже съ конца XV вѣка во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Лейпцигѣ и т. д.

§ 34. Литература. Поэтическая литература въ Италіи находится сперва подъ вліяніемъ гуманизма и ренессанса. Жизнь не радостность и чувственныя тенденціи того времени проявляются въ рядѣ эпическихъ произведеній, въ повѣстяхъ Боккаччіо («Декамеронъ»), въ «*Orlando innamorato*» Боярдо († 1494), въ «*Orlando furioso*» Аріоста († 1533); «свѣтскость» переходитъ въ пошлость, напр., въ комедіяхъ остроумнаго, но безхарактернаго Пьетро Аретино († 1557), предтечи позднѣйшей

журналистики. «Освобожденный Иерусалимъ» Торквато Тассо († 1595) находится уже подъ впечатлѣніемъ контръ-реформаціи, а ходульность и слащавость XVII вѣка обнаруживается въ школѣ Марини († 1625). Во Франціи насыщены духомъ ренессанса произведенія Франца Вильона, Клемана Маро, Маргариты Валуа («Гептамеронъ»). Сатира и реализмъ достигаютъ своей кульминаціонной точки въ лицѣ Фр. Рабле († 1553, «Гаргантюа и Пантагрюэль»). XVII столѣтіе — вѣкъ процвѣтанія академической, придворной литературы. Она подчеркиваетъ значеніе формы и склоняется къ антикизаціи (классицизмъ); языкъ ея прекрасенъ, не лишенъ подъема, но не согрѣтъ непосредственнымъ чувствомъ, заглушаемымъ сильною риторикою. Выдающимися драматическими писателями этого времени были Пьеръ Корнель († 1684) и Жанъ Расинъ († 1699). Дѣтищемъ этого времени былъ также Мольеръ († 1673), поскольку онъ идетъ по слѣдамъ классической древности (подражаніе Плавту и Теренцію); но онъ все-таки остается національнымъ писателемъ и менѣе грѣшитъ противъ естественности; его комедіи отмѣчены большимъ реализмомъ; онѣ бичуютъ рѣзкой насмѣшкой и остроумнымъ юморомъ слабости и ошибки людей. Лучшимъ представителемъ лирики эпохи классицизма былъ Буало († 1711), «Поэтика» (*l'art poétique*) котораго возводитъ въ систему принципы корректности, формальной элегантности и разсудочности. Широкое развитіе получаетъ въ это время французская проза, такъ какъ вообще, особенно же съ основанія академіи (1635), начинаютъ придавать большую цѣнность языку. Географическія открытія отважныхъ мореплавателей получаютъ свое поэтическое отраженіе въ «Лузіадахъ» португальца Камоэнса († 1579). Въ испанской поэзіи проявляются въ своеобразномъ сочетаніи основныя черты національнаго характера, а именно: рыцарская гордость, высоко ставящая достоинство и честь личности, въ соединеніи съ пылкой религіозностью. Рядомъ съ плутовскимъ романомъ (Квеведо) процвѣтаетъ, главнымъ образомъ, драма; въ ней самымъ плодотворнымъ образомъ подвизаются надѣленный сильнымъ воображеніемъ Лопэ-де-Вега († 1635), Тирзо-да-Моліна († 1648), преимущественно же Кальдеронъ-де-ла-Барка († 1681), достигающій высшаго совершенства въ своихъ характеристикахъ. Сатирою на различныя слабости испанца является содержательный и полный жизненной правды романъ «Донъ-Кихоть» Сервантеса († 1616). Англійская литература XVI вѣка испытываетъ на себѣ сильное вліяніе гуманизма и итальянской поэзіи, но вскорѣ пріобрѣтаетъ вновь національное направленіе. Прежде всего мы знакомимся съ пока еще грубыми и фантастическими зачатками новой англійской драмы; во второй половинѣ XVII сто-

лѣтія въ Лондонѣ возникаютъ первые постоянные театры. Великолѣпнаго расцвѣта драма достигаетъ въ безсмертныхъ произведеніяхъ гениальнаго сердцевида Вильяма Шекспира († 1616). Обладая неисчерпаемымъ воображеніемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокимъ умомъ, проникая своимъ взоромъ въ самый корень жизни и умѣя воодушевиться человѣческими и общенациональными чувствами, онъ стяжалъ себѣ имя величайшаго драматическаго писателя вплоть до нашихъ дней. Рядомъ съ нимъ золотой вѣкъ королевы Елизаветы насчитываетъ еще много солидныхъ драматурговъ, напр., Флетчера, Бомонта. Въ XVII вѣкѣ классицизмъ, ученая поэзія проникаетъ и въ Англію; она имѣетъ своимъ главнымъ представителемъ Бенъямина Джонсона (Бенъ-Джонсонъ; † 1637), комедіи котораго въ значительной степени превосходятъ аллегорическія или формально холодныя драмы. Строгое благочестивое направленіе пуританизма относилось враждебно къ театру; зато оно наградило насъ Джономъ Мильтономъ († 1674), величайшимъ эпическимъ писателемъ Англіи («Потерянный Рай»). При Стюартахъ реакція противъ пуританизма проникаетъ и въ литературу; представителемъ сатиры является Самуиль Бутлеръ («Гудибрасъ»). Въ то время, какъ въ Италіи, Франціи и Англіи уже давно писали на національномъ языкѣ, въ Германіи латынь продолжала господствовать, по крайней мѣрѣ, въ научной литературѣ. Если въ ней нѣмецкій языкъ приобрѣлъ право гражданства только въ исходѣ XVII столѣтія, то въ поэзіи пользовались имъ съ большою любовью и раньше. Своимъ переводомъ библіи Лютеръ сталъ творцомъ новой верхненѣмецкой литературной рѣчи. Смѣшенію языковъ, начинающемуся въ XVII столѣтіи, пытались противодействовать спеціальныя общества, впавшія, однако, въ противоположную крайность смѣшного пуризма. Нѣмецкая поэзія XVI вѣка носитъ ясно выраженный бюргерскій характеръ; въ этомъ сказалось вліяніе реформации. Это видно какъ на протестантской церковной пѣснѣ, начало которой было положено Лютеромъ, такъ, въ особенности, на сатирическихъ и дидактическихъ произведеніяхъ рѣчистаго и грубовато остроумнаго Фишарта († 1590), Сев. Бранта и его противника Томы Мурнера. Въ большомъ количествѣ появляются басни, сентенціи и шуточные комедіи и знаменитыя народныя сказанія («Фаустъ», «Агасверъ» и др.). Въ качествѣ мейстерзингера, сочинителя шуточныхъ комедій и драмъ подвизался съ большимъ успѣхомъ Гансъ Саксъ († 1576). Въ XVII вѣкѣ нѣмецкая литература приходитъ въ упадокъ: она становится не національною, подражаетъ чужимъ (французскимъ, итальянскимъ) образцамъ, частью принимая суховато-ученый тонъ и аллегорическую форму (первая силезская школа), частью впадая въ витіеватость и

фривольность (вторая силезская школа); противовѣсомъ ко второму направленію выступаетъ трезвая и безцвѣтная муза Хр. Вейзе и его послѣдователей. На драму оказываютъ вліяніе «англійскіе комедіанты» (Яковъ Айреръ, † 1605). Въ XVII столѣтіи, рядомъ съ народными пьесами, въ которыхъ гаеръ (гансвурстъ) услаждаетъ своими грубыми шутками, мы встрѣчаемъ на «высокія» темы драмы (Haupt- und Staatsaktionen), къ которымъ достойно присоединяются широковѣщательные и насыщенные скучною ученостью ложноисторическіе романы Лоэнштейна, Циглера и др.; отъ нихъ выгодно отличается важный въ культурно-историческомъ смыслѣ и полный непосредственной жизни авантюристскій романъ «Simplicius Simplicissimus» Христофора фонъ-Гриммельгаузена († 1676). Сатира сильными и національными тонами заговариваетъ въ эпиграммахъ Фридриха фонъ-Логау († 1656) и въ «Видѣніяхъ» Флиандера фонъ-Зиттевальда (Мошеропфъ), а также въ грубовато-остроумныхъ произведеніяхъ Авраама а Санта-Клара († 1709). Духовная лирика Павла Гергардта († 1676) проникнута теплымъ чувствомъ; рядомъ съ нимъ еще заслуживаютъ быть упомянутыми въ качествѣ прекрасныхъ лириковъ Павелъ Флеммингъ († 1640) и Симонъ Дахъ († 1659). Риторическая и морализующая струя этого времени находитъ также себѣ выраженіе въ «школьныхъ комедіяхъ», обрабатываемыхъ часто іезуитами. Кратковременный расцвѣтъ выпадаетъ въ XVII вѣкѣ на долю голландско й литературы, частью принимающей, тѣмъ не менѣе, характеръ антиквизирующаго классицизма, какъ, напр., у Госта ванъ-денъ-Фондель († 1579).

§ 35. Искусство Музыка. Начало новаго искусства относится еще къ послѣднему періоду среднихъ вѣковъ. Намъ уже извѣстно, что впереди движенія въ сторону большей естественности и красоты формъ шли итальянцы. Особенностью новаго искусства, ренессанса въ узкомъ смыслѣ, какъ для всей культуры новаго времени вообще, является его свѣтскій характеръ, вытѣсненіе религіознаго момента потребностями жизни, просто- и чисто-человѣческимъ духомъ; даже въ художественныхъ произведеніяхъ религіознаго содержанія сказывается это свѣтское направленіе, а именно въ церквахъ и мадоннахъ итальянскаго ренессанса. Въ отличіе отъ интереса къ одному лишь содержанію, каковой наблюдается въ средніе вѣка, теперь на первое мѣсто выдвигаются форма и краски. Индивидуальность стремится отстоять себя и въ области художественнаго творчества.

Зодчество занимается, главнымъ образомъ, дворцовымъ строительствомъ. Образцомъ являются римскія постройки, конструкцію кото-

рыхъ, особенно внутреннюю, приспособляютъ къ современнымъ потребностямъ. Добиваются строгой симметріи какъ въ планѣ, такъ и фасадѣ, гармонически расчленяемомъ съ помощью карниза и пилястровъ и выводимомъ то просто, безъ украшеній (*rustica*), то съ декоративными тенденціями; важность и роскошь хотятъ сочетать съ элегантностью, съ благородствомъ стиля, соотвѣтственно жизнерадостному и гордому духу времени. За простотою ранняго ренессанса (кватроченто) слѣдуетъ богатая отдѣлка поздняго ренессанса (чинквеченто). болѣе свободная, яркая и пестрая въ Венеціи, въ городѣ роскошныхъ дворцовъ. Эпоху ранняго ренессанса открываетъ Филиппо Брунеллески († 1444), поздній ренессансъ—Браманте († 1514). Самымъ величественнымъ памятникомъ церковнаго зодчества эпохи ренессанса, для которой характернымъ является купольный стиль, былъ соборъ св. Петра въ Римѣ. Въ предѣлахъ Италіи стиль ренессанса принимаетъ національный отпечатокъ, какъ, напр., во Франціи, гдѣ новые замки сочетаютъ въ себѣ готику съ ренессансомъ и Пьеръ Леско строитъ старую часть Лувра, въ Германіи, гдѣ основная готическая форма съ фронтономъ сохраняются, особенно въ ратушахъ и частныхъ домахъ (Нюрнбергъ), и гдѣ теперь сооружается прекрасный Гейдельбергскій замокъ.

Въ позднемъ ренессансѣ, въ отличіе отъ прежней выдержанности стиля, обнаруживаются произволъ и нагроможденіе декоративныхъ элементовъ. Въ XVII столѣтіи созрѣваетъ стиль бароко, характеризуемый въ худшихъ своихъ произведеніяхъ стремленіемъ къ роскоши, излишествамъ, пафосомъ и погоней за эффектами; въ декоративной части, въ манерѣ вести линію, обнаруживается наклонъ къ фантастичности. Прямая линія замѣняется кривой, извилистой, у Борромини († 1667) еще въ бѣльшей степени, чѣмъ у Бернини († 1680).

Въ одномъ изъ предыдущихъ параграфовъ мы уже коснулись развитія новой пластики. Тутъ можно еще разъ подчеркнуть отдѣленіе скульптуры отъ зодчества въ эпоху ренессанса, достиженіе ею полной самостоятельности, ея обращеніе къ природѣ и стремленіе къ жизненной правдѣ, при содѣйствіи античнаго искусства и благодаря знакомству съ анатоміею человѣческаго тѣла. Родоначальниками новаго направленія въ искусствѣ были Жакоподелла Кверчіа († 1438), затѣмъ извѣстные раньше Жиберти, Донателло, Вероккіо; къ нимъ можетъ быть причисленъ еще Андреа Санзовино († 1529). Большая часть твореній титана Микеланджело Буонарроти († 1564), проявившаго себя зодчимъ, живописцемъ и потомъ, поражаютъ не столько красотой формъ, сколько величавостью, мощностью и страстностью своего замысла и выполненія.

Бенвенуто Челлини еще удается до известной степени оставаться самостоятельнымъ, тогда какъ другіе художники впадаютъ въ подражаніе манерѣ Микеланджело. XVII вѣкъ въ пластикѣ ознаменованъ возобладаніемъ страстности, эффектности, живописности; стиль бароко и здѣсь торжествуетъ, причемъ главнымъ его представителемъ становится тотъ же Бернини. Среди нѣмецкихъ скульпторовъ новаго, реалистическаго направленія своею нѣжностью выдвинулись Адамъ Крафтъ и Фейтъ Штосъ, къ которымъ въ качествѣ самаго выдающагося нѣмецкаго ваятеля, работающаго на бронзѣ, слѣдуетъ еще причислить Петра Фишера († 1529). Наиболее замѣчательнымъ французскимъ скульпторомъ эпохи ренессанса былъ Жанъ Гужонъ († 1572).

Живопись поднялась въ XVI вѣкѣ на особенную высоту. И тутъ идетъ впереди Италия, которая въ своихъ различныхъ школахъ довела до полного совершенства отдѣльные моменты живописи (рисунокъ, колоритъ, характеристику). Среди флорентинцевъ, замѣчательныхъ въ отношеніи рисунка и формы, а также идеи и ея живого воплощенія, особенно выдвинулись Ліонардо да-Винчи († 1519) и Микеланджело. Венеціанская школа достигаетъ высшаго совершенства въ отношеніи колорита; вся красочная и жаждущая наслажденій жизнь этого времени находитъ себѣ воплощеніе въ мастерскихъ произведеніяхъ венеціанскихъ живописцевъ, особенно Тиціана († 1576), Паоло Веронезе († 1588), Тинторетто († 1594) и др. Въ ломбардской школѣ, главнымъ образомъ, обращаетъ на себя вниманіе Корреджіо († 1534), неподражаемый въ трактовкѣ свѣтло-темнаго. Главою умбрійской школы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, величайшимъ итальянскимъ живописцемъ былъ ученикъ Перуджино, Рафаэль Санти изъ Урбино († 1520), въ произведеніяхъ котораго совершенство рисунка, колорита, одухотворенности соединено съ идеальной концепціею. Итальянская живопись не оскудѣваетъ крупными произведеніями и послѣ эпохи расцвѣта, несмотря на манерность и эклектицизмъ ея, съ одной стороны, и нарождающійся въ противовѣсъ этому натурализмъ, съ другой; изъ этого періода заслуживаютъ упоминанія Караччи, Гвидо Рени († 1642), Караваджіо († 1609), Сальваторъ Роза († 1673), замѣчательные въ пейзажной живописи.

Въ Германіи итальянская живопись оказала вліяніе въ смыслѣ возрастающей красоты формъ; но рядомъ съ этимъ сохраняется тенденція къ реализму и натурализму, и въ отношеніи характеристикъ достигается чрезвычайное совершенство, особенно въ портретной живописи, а именно: Гансомъ Гольбейномъ младшимъ († 1546) и обоими Крапахами. Картины Альбрехта Дюрера

† 1528) отличаются прекраснымъ рисункомъ и глубиною идеи. Германія славится своими политичажами и гравюрами. Въ Нидерландахъ живопись принимаетъ ярко-свѣтскій характеръ, изображая предпочтительно сцены изъ городского и крестьянскаго быта; она великолѣпна въ своихъ портретахъ, пейзажахъ и жанровыхъ картинахъ. Изъ громаднаго числа превосходныхъ живописцевъ мы можемъ здѣсь указать только на немногихъ, наир., Рубенса († 1640), великій мастеръ колорита и сильный воображеніемъ, Антона фанъ-Дейка († 1641), Давида Тенирса (Теньера; † 1690), одного изъ крупнейших, выдающихся жанристовъ: всѣ они принадлежатъ къ брабантской школѣ; голландскую школу составляютъ Францъ Гальсъ († 1666), выдающійся портретистъ, затѣмъ глубокій реалистъ и мастеръ полусвѣта Рембрандтъ († 1669), далѣе братья фанъ-Остаде, пейзажисты Я. фанъ Гойенъ, Рюсдаль, Гоббема.

Французская живопись XVI и XVII вѣковъ малосамостоятельна; характерными для нея являются формальная корректность и пафосъ. Лучше всего здѣсь поставлена пейзажная живопись, представителями которой могутъ быть названы Николай Пуссенъ († 1665) и Жюль Лоррэнъ († 1682); кромѣ нихъ, обращаетъ на себя вниманіе крупный портретистъ Шарль Лебрэнъ († 1690). Періодъ чрезвычайнаго расцвѣта живопись переживаетъ въ Испаніи. Картины разныхъ испанскихъ школъ и ихъ мастеровъ выдѣляются колоритностью, характеристиккою, вѣрностью природѣ, гениальнымъ замысломъ, а частью также граціею и нѣжностью: Сурбаранъ († 1662), Веласкесъ († 1660), какъ портретистъ, въ своемъ родѣ неподражаемъ, Мурильо († 1681), великій мастеръ колорита и полусвѣта, примѣняемаго имъ въ мадоннахъ и въ характеристичныхъ картинахъ изъ народнаго быта.

Музыка этого періода развиваетъ полифонію до полнаго совершенства; въ XV и XVI вѣкахъ дѣятелями въ области музыкальнаго творчества выступаютъ сперва нидерландцы, во главѣ ихъ Орландо ди Лассо († 1594), затѣмъ нѣмцы (церковная пѣснь, мейстерзингеры) и итальянцы; среди послѣднихъ выдается реформаторъ церковной музыки (мессы) Палестрина († 1594). Въ концѣ XVI столѣтія былъ открытъ генераль-басъ, появляются музыкальныя сочиненія разныхъ формъ, наиримѣръ, канцоны, мадригалы и т. д. Новостью является речитативъ и, главнымъ образомъ, музыкальная драма, опера, въ началѣ XVII вѣка и прежде всего въ Италіи, гдѣ она, однако, достигаетъ извѣстнаго расцвѣта только съ Алесандро Скарлатти. Изъ Италіи опера распространяется во Францію (первый національный композиторъ этой формы былъ Люлли † 1687) и въ Германію (Гамбургъ). Одновременно съ

первой оперою въ Гамбургѣ была поставлена опера.

Б. Культура эпохи просвѣщенія.

§ 36. Эпоха просвѣщенія. XVII вѣкъ, въ противоположность о с в о б о д и т е л ь н ы м ъ т е н д е н ц і я м ъ р е н е с с а н с а , г у м а н и з м а и р е ф о р м а ц і и , былъ повсюду сопряженъ съ усиленіемъ гнета. Въ сумятицѣ этого воинственнаго вѣка погибли многіе прекрасные ростки человѣческой культуры: смѣлые и живые порывы мысли и дѣятельности уступили мѣсто чопорной условности, сухой учености, витіеватости и манерности. Надъ всѣмъ тяготѣетъ неограниченная государственная власть, и церковь подчиняетъ людей своимъ велѣніямъ. Тѣмъ не менѣе, уже въ это время были брошены сѣмена, которыя затѣмъ взошли и дали намъ просвѣщеніе. Философія придаетъ новую силу самостоятельной мысли, отчего позднѣе выиграла и практическая дѣятельность. Новый фазисъ свободной отъ авторитета и преданія человѣческой мысли начинается съ момента провозглашенія Декартомъ «сомнѣнія» исходной точкою нашего познанія и разума, яснаго и точнаго мышленія, единственнымъ критеріемъ истины. Процессъ развитія свободной мысли и критики продолжается въ двухъ странахъ, оставшихся въ это время, въ видѣ исключенія, чуждыми политическаго абсолютизма: въ Голландіи и въ Англіи. Въ Голландіи Спиноза своимъ «теологически-политическимъ трактатомъ» становится основателемъ библейской критики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, требуетъ отъ государства соблюденія вѣротерпимости и дѣятельнаго попеченія о народномъ благѣ. Обѣ мысли Локкѣ въ Англіи возводитъ въ степень политическихъ принциповъ. Послѣ него появляются деизмъ и свободомысліе, въ противовѣсъ чудесамъ откровенія и церковному благочестію выдвигающія естественную религію разума. Одновременно разрабатывается этика, подвергающая наши нравственныя понятія строгой критикѣ и анализу, и подчеркивающая ихъ человѣческое, психологическое или соціальное происхожденіе. Къ этому присоединяются е с т е с т в е н н о - н а у ч н ы я отк р ы т і я и и з ы с к а н і я , которыя все болѣе и болѣе убѣждаютъ въ господствѣ строгой з а к о н о м ѣ р н о с т и во всей вселенной, исключаящей возможность какихъ бы то ни было чудесъ.

Сущность «просвѣщенія» и заключается въ этомъ колебаніи традиціонныхъ политическихъ, религіозныхъ и этическихъ взглядовъ, въ томъ, что человѣкъ, сбрасывая съ себя всякую опеку и с т а н о в я с ь н а с о б с т в е н н ы я н о г и , опирается только на показанія своего разума и ничего, кромѣ своей с в о б о д н о й и б е з -

пощадной, критически-разлагающей мысли, не признаетъ для себя обязательнымъ. Слѣдуетъ просвѣщать каждого насчетъ его положенія какъ человѣка и члена общества, его отношеній къ Богу, къ внѣшнему міру, къ государству и морали. Но суровая критика, которой подвергается все нездоровое, устарѣлое и косное въ жизни, весьма часто преступаетъ всякія границы. Просвѣщеніе вырождается въ пошлый раціонализмъ, усматривающій въ религіи вообще лишь одну поповскую выдумку и, въ увлеченіи крайнимъ индивидуализмомъ и совершенно не историческимъ отношеніемъ къ дѣлу, не умѣющій отличать органически сложившееся отъ дѣйствительно искусственнаго, ненормальнаго и окончательно застывшаго въ окружающей жизненной обстановкѣ; господствуетъ склонность—«выливать изъ ванны, вмѣстѣ съ водою, и ребенка». Просвѣщеніе занимается одно стороннимъ культомъ разума; оно предполагаетъ путемъ разсужденія, съ помощью «разумныхъ мыслей», разрѣшить всѣ проблемы, но при этомъ ему подчасъ недостаетъ глубины; его аргументація нерѣдко остроумна, ловка, блестяща, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, поверхностна и иногда даже тривиальна. Правда, просвѣщеніе проникаетъ во всѣ области человѣческой жизни, ограничиваясь, однако, преимущественно высшими достаточными классами общества; масса народа пребываетъ въ темнотѣ; привилегированные даже охотно укрѣпляютъ его въ суевѣріи и невѣжествѣ. Просвѣщенность умовъ также не служитъ препятствіемъ для господства подлиннаго суевѣрія и среди образованныхъ, всегда появляющагося какъ слѣдствіе широкаго невѣрія и скептицизма. Процвѣтаетъ выдѣлка золота, заклинаніе духовъ, чудесныя лѣчонія; всякаго рода шарлатанство пробиваетъ себѣ дорогу въ лицѣ цѣлаго ряда фигляровъ и обманщиковъ, какъ, напримеръ, Сень-Жерменъ, Каліостро; открытый Мессмеромъ «животный магнетизмъ» (предшественникъ научному гипнотизму) даетъ поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ, и даже серьезные и честныя личности, какъ Сведенборгъ, Сень-Мартенъ, Лафатеръ, Юнгъ-Штилингъ и другіе, часто весьма близко подходятъ къ сферѣ мнимо-чудеснаго.

Просвѣщеніе выковываетъ себѣ самыя острыя и дѣйствительныя орудія во Франціи. Его предвѣстниками здѣсь были Раблеи и Бейль; англійское вліяніе дало его развитію новые толчки. Монтескье (+ 1755) былъ еще умѣреннымъ мыслителемъ. Въ своихъ «Персидскихъ письмахъ» онъ критикуетъ французскіе порядки, въ «Духѣ законовъ» онъ выставляетъ примѣромъ для подражанія англійскую конституцію и, примкнувъ къ ученію Локка о грехѣ властяхъ (законодательной, исполнительной и судебной), стано-

нится духовнымъ вождемъ конституціонализма во Франціи. Вольтеръ († 1778) тоже черпалъ свои идеи изъ англійской философіи и естествознанія (Ньютонъ). Онъ подвергалъ безпощадному ѣдкому и остроумному осмѣянію всякаго рода предрасудки, особенно религіознаго порядка. Онъ выступалъ ожесточеннымъ противникомъ церкви (*Escasez l'infame*), догмы, вѣры въ откровенія и духовенства (онъ былъ деистомъ, но не атеистомъ); онъ заявилъ себя энергичнымъ поборникомъ вѣротерпимости, справедливости и гуманности не только въ теоретическомъ, но и практическомъ отношеніи, на примѣръ, своимъ вмѣшательствомъ въ пользу семьи невинно казненнаго Жана Каласа; сочетая въ себѣ высокую серьезность съ безграничною фривольностью, онъ сумѣлъ оказать громадное вліяніе на своихъ современниковъ, между прочимъ, на Фридриха II. Кромѣ Вольтера, распространенію просвѣтительныхъ ученій содѣйствуютъ многіе другіе писатели, какъ матеріалисты и сенсуалисты Гольбахъ, Ламеттри, Гельвецій, такъ вообще энциклопедисты, сотрудники выходящей подъ редакторствомъ Даламбера и Дидеро громадной «*Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*» (1746 ff.). Женевецъ Руссо († 1778) въ значительной степени подготовилъ французскую революцію своимъ ученіемъ о равенствѣ людей въ естественномъ состояніи, объ общественномъ договорѣ («*Contrat social*»), о народовластіи («*Volonté générale*») и о народномъ благѣ какъ цѣли существованія государства. По своей критикѣ соціальныхъ отношеній, а также по своему индивидуализму Руссо былъ дѣятелемъ просвѣщенія. Подчеркивая права чувства, онъ становится также въ противорѣчіе съ раціонализмомъ, свойственнымъ просвѣтительному движенію. Онъ восхваляетъ «естественное состояніе», которое противопоставляетъ блестящей съ внѣшней стороны, но внутри гнилой цивилизаціи, развращающей человѣческую природу. Въ высшей степени важный для реформы педагогики дидактическій романъ его «Эмиль» проводитъ ту мысль, что нужно дать волю природнымъ дарованіямъ и склонностямъ человѣка.

Нѣмецкое просвѣщеніе носитъ болѣе кроткій, теоретическій характеръ. Его удары направлены не столько противъ господствующихъ соціальныхъ отношеній, сколько противъ «сумбурныхъ» идей. Люди стремятся къ «разумному» пониманію всѣхъ вещей; все должно быть яснымъ, понятнымъ, обоснованнымъ, согласованнымъ съ требованіями мышленія, по возможности мышленія спекулятивно-философскаго. Въ такомъ направленіи вліяетъ философія Лейбница и Вольфа, изъ которой затѣмъ развилась популярная философія (Энгель, Гарве, Абтъ, Мендельсонъ), ставившая, подобно вліявшему на нее англійскому и французскому эмпиризму, своею цѣлью служить

людскому «благоденствію». Самымъ выдающимся дѣятелемъ просвѣщенія былъ Г. Э. Лессингъ († 1781), какъ основатель современной критики, какъ рѣзкій, но осторожный противникъ ортодоксіи, какъ поборникъ запросовъ разума и терпимости. Къ числу извѣстныхъ распространителей просвѣщенія принадлежитъ, далѣе, книготорговецъ и писатель Фридрихъ Николаи, дѣйствовавшій особенно успѣшно издаваемой имъ «Всеобщей нѣмецкой библіотекѣ» (1765). Въ духѣ просвѣщенія писалъ также прусскій король Фридрихъ Великій, въ рядѣ сочиненій отстаивавшій основныя положенія деизма и свободомыслія. Базедовъ переноситъ принципы просвѣщенія на педагогику.

§ 37. Государство, общество и хозяйство въ XVIII вѣкѣ. Въ первой половинѣ XVIII вѣка всѣ государства, кромѣ Англии, управляются на основаніи того строгаго абсолютизма, съ которымъ мы имѣемъ дѣло уже въ XVII столѣтіи. Этотъ абсолютизмъ нерѣдко переходитъ въ деспотизмъ и господство произвола. Государи неограниченно распоряжаются жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ; они смогрѣли на себя какъ на носителей права и закона, соблюденіе и нарушеніе которыхъ въ равной мѣрѣ зависѣло отъ ихъ каприза. Чиновничество, постепенно вошедшее въ силу, отчасти продажное, ведетъ народъ на помочахъ и всячески его опекаетъ; «мудрыя» власти вмѣшиваются рѣшительно во все; указы и распоряженія, ими издаваемые, почти не допускаютъ противорѣчій; бюргеру надлежитъ просто-на-просто повиноваться; до общественныхъ дѣлъ онъ не долженъ имѣть никакого касательства: онъ обязанъ безропотно служить государству, т.-е. монарху. Участіе земскихъ чиновъ ландтаговъ въ законодательствѣ почти не встрѣчается. Хотя бюргеры и допускаются въ ряды арміи и чиновничества, но высшія должности все-таки замѣщаются преимущественно дворянами. Дворянство, въ сравненіи съ народомъ, обладаетъ большими привилегіями, особенно во Франціи, гдѣ всѣ налоги падаютъ исключительно на горожанъ и крестьянъ.

Прогрессъ въ способѣ управленія наблюдается во второй половинѣ XVIII вѣка. Абсолютизмъ, продолжая существовать въ большей части странъ, становится просвѣщеннымъ. Элементъ принужденія, опеки, правительственнаго веденія всѣхъ дѣлъ въ государствѣ остается въ силѣ, да опека сверху какъ бы возрастаетъ; но просвѣщеніе отстаиваетъ свое право и по отношенію къ правителямъ, проникающимся желаніемъ управлять «разумно», упразднятъ все устарѣлое и непригодное и вводятъ необходимыя преобразованія на благо государства и народа, «первымъ слугой» коихъ объявляетъ себя такой монархъ, какъ Фридрихъ Великій. «Все для народа, ни-

чего посредствомъ народа» — вотъ лозунгъ, усвоенный правителями того времени. Въ Россіи въ этомъ духѣ поступаютъ П е т р ъ В е л и к і й и Екатерина II, въ Пруссіи Фридрихъ Великій, въ Австріи Іосифъ II, въ Швеціи Густавъ III, въ Португаліи министръ Помбаль, въ Испаніи Аранда, въ Даніи Струензе.

Изъ политическихъ и соціальныхъ реформъ этого времени приведемъ слѣдующія: улучшение и смягченіе уголовного законодательства, главнымъ образомъ, въ Пруссіи и Австріи (упраздненіе нитки, Зонненфельсъ), къ чему въ обоихъ государствахъ еще присоединяются дарованіе извѣстной свободы печати (особенно по вопросамъ религіознымъ) и вѣротерпимости, отмѣна ордена іезуитовъ, болѣе стройная организація чиновничества, наконецъ, рядъ хозяйственныхъ и просвѣтительныхъ мѣропріятій (народная школа въ Пруссіи и Австріи). Крѣпостничество съ 1781 г. начинаетъ исчезать въ Австріи и Германіи. Въ 1783 г. образуется республика Соединенныхъ Штатовъ. Во Франціи, оставшейся чуждою просвѣщеннаго абсолютизма, королевская власть сперва исповѣдывала открытый произволъ и величайшую безнравственность (Людвикъ XV), а потомъ пыталась уладить дѣло «ноблажками», вскрывающими только ея внутреннее безсиліе (Людвикъ XVI). Феодализмъ находится въ полной силѣ, народъ изнываетъ отъ тиранніи дворянства и невыносимаго налогового бремени, повсюду — отжившіе и обреченные на гибель порядки. Начинается великая революція 1789—1793, издавшая, по примѣру Америки, свою декларацію «правъ челоуѣка и гражданина» и провозгласившая, слѣдуя Руссо, принципами своей дѣятельности свободу, равенство и братство и народовластіе. Она отмѣнила всѣ дворянскія привилегіи и крѣпостничество, секуляризировала церковныя и монастырскія имущества, установила «культъ разума», но, повергнувъ страну въ анархію, поддерживаемую самовластіемъ отдѣльныхъ деспотическихъ дѣятелей (Робеспьеръ и др.), подготовила наступленіе реакціи въ формѣ военнаго деспотизма Наполеона. Но и этотъ послѣдній не только не былъ въ состояніи заглушить великія пріобрѣтенія революціи, но даже содѣйствовалъ распространенію освободительныхъ началъ среди другихъ народовъ и ихъ избавленію отъ правительственной опеки.

Для общественной жизни XVIII вѣка особенно характерны многочисленныя тайныя общества, которыя въ это время отчасти вновь возникаютъ, отчасти, какъ франкъ-массоны и розенкрейцеры, получаютъ широкое распространеніе. Одни общества отдають себя на службу просвѣщенія, другія, наоборотъ, противоудѣйствуютъ ему. Они ставятъ себѣ различныя цѣли: религіозныя, филантропическія

или политическія. Они то проникнуты рационалистическимъ духомъ просвѣщенія, то погружаются въ какой-то таинственный мистицизмъ или же просто занимаются эксплуатаціею людского пристрастія къ чудесамъ въ своекорыстныхъ цѣляхъ. Противъ іезуитизма и въ пользу просвѣтительныхъ соціальныхъ идей выступалъ (основанный Ад. Вейсгаупта) орденъ иллюминатовъ. Въ религіозной жизни, на ряду съ свободомысліемъ и религіознымъ индифферентизмомъ и въ противовѣсъ неподвижному правовѣрію, наблюдается склонность къ мечтательности, къ чувствительному христіанству, на примѣръ, у піетистовъ, въ братскихъ обществахъ гернгутеровъ (съ 1722; Цинцендорфъ). Духъ преобразованій овладѣлъ и католическимъ духовенствомъ (въ Германіи); но попытка усилить епископскую власть за счетъ папства (Эмсскія условія 1786) потерпѣла крушеніе. Въ Пруссіи за періодомъ сравнительной свободы, въ царствованіе Фридриха II, наступило время господства мракобѣсія (министерство Веллера, эдиктъ о религіи 1788 г.). При дворахъ и въ дворянскихъ кругахъ въ XVIII вѣкѣ господствовали довольно шаткія, а нерѣдко прямо-таки извращенныя нравственныя понятія; подъ утонченными, свѣтскими формами скрываются грубыя похоти; безшабашность въ половомъ вопросѣ и въ другихъ отношеніяхъ сказывается въ пагубномъ режимѣ фаворитокъ, въ неустойчивости брачныхъ узъ, во всякаго рода обманныхъ продѣлкахъ. Въ особенности во Франціи высшимъ классамъ недоставало сознанія долга; легкомысліе, пресыщеніе, расточительность и погоня за наслажденіями, излишнее и вредное баловство, искательство мѣстъ и должностей, продажность — все это стало обычнымъ. При этомъ жизнь богатыхъ людей съ внѣшней стороны очень блестяща; проявляется много остроумія, элегантности, изящества и достоинства въ поведеніи и костюмѣ, и всѣми овладѣваютъ какое-то безпечное веселье и даже разнузданность, какъ-будто все вокругъ обстояло вполне благополучно. Въ Германіи замѣчается больше важности, чопорности («Zopfzeit»), самодовольства; но и здѣсь нельзя скрыть эвдемоническаго духа времени. Во второй половицѣ вѣка нарождается влеченіе къ мечтательности, къ чувствительности, къ сентиментальности (эпоха Вертера), нѣчто женоподобное присуще этому времени, въ рѣзкомъ контрастѣ къ суровости, грубости и жестокости XVII столѣтія.

Просвѣщеніе во многомъ любитъ ссылаться на «природу», какъ на вѣрный ключъ къ благополучному разрѣшенію всякихъ теоретическихъ и практическихъ затрудненій. Это справедливо и въ отношеніи народнаго хозяйства, гдѣ меркантилизмъ вытѣсняется фізіократіею. Фізіократія столь же односторонне, какъ и предшествовавшее ей теченіе экономической мысли, указываетъ на почву

какъ на единственный источникъ народнаго богатства; земледѣліе, какъ единственная производительная отрасль хозяйственной дѣятельности, должно пользоваться преимущественнымъ покровительствомъ со стороны государства, которое, въ виду этого, имѣетъ также право регулировать отправление этой отрасли; промышленность и торговля, наоборотъ, должны быть свободны (система—*laissez faire*). Физиократизмъ, основанный Кенэ (1756), смягченный Гурнэ и разработанный въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ Тюрго, не получилъ, однако, всеобщаго признанія. Бóльшій успѣхъ выналь на долю родственнаго ему по вопросу о свободѣ производства и обмѣна, экономического «либерализма» или «манчестерства», основаніе которому было положено въ классическомъ трудѣ Адама Смита «О природѣ и причинахъ богатства народовъ» (1776). Въ этомъ сочиненіи источникомъ народнаго благосостоянія объявляется всякая продуктивная работа; послѣдняя должна быть свободной отъ государственной опеки, такъ какъ возможно широкая конкуренція личностей, при правильномъ раздѣленіи труда, служить лучшимъ обезпеченіемъ наибольшей ея успѣшности; торговля сношенія тоже не должны быть стѣснены пошлинами.

Заморская торговля переживаетъ въ XVIII столѣтіи сильный подъемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, развивается акціонерное дѣло, влекущее за собою грюндерство и кризисы (англійское прожекторство въ Тихомъ океанѣ; французское общество Миссиссиппи: *Compagnie des Indes*); плутовствомъ кончается также затѣянная Джономъ Ло бумажная и кредитная система, впоследствии примѣняемая съ лучшимъ успѣхомъ. Въ концѣ вѣка, особенно въ Англии, начинается расцвѣтать заводская промышленность, чему благопріятствуетъ рядъ новыхъ изобрѣтеній (механическій ткацкій станокъ, 1785: Картайтъ; прядильный станокъ, 1767: Гаргривсъ; паровая машина, 1768: Д. Уаттъ, послѣ 1782 г. неоднократно улучшаемая; гидравлическій прессъ, 1795: Брама; газовое освѣщеніе, 1786, съ 1798 г. введенное на улицахъ Лондона; литографія, 1796: Зенцфельдеръ).

§ 38. Наука. Преподаваніе. Философіи XVIII вѣка мы уже коснулись въ связи съ изображеніемъ культуры XVII столѣтія и характеристикой эпохи просвѣщенія. Въ началѣ вѣка еще господствовала философія Лейбница. Ее, по крайней мѣрѣ, въ Германіи, замѣняетъ философія Вольфа, перенедшая затѣмъ въ такъ называемую популярную философію. Во Франци сенсуализмъ Кондильяка возводится въ систему, и проповѣдуется матеріализмъ на разные лады. Въ Англии Берклей защищаетъ идеализмъ и спиритуализмъ, тогда какъ Юмъ скептически относится ко всякой

«физикъ», послѣ чего въ лицѣ Р е й д а и другихъ представителей «голландской школы» совершается реакція, опредѣляющая «здравый смыслъ» источникомъ метафизическихъ принциповъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка разрабатывается съ большою любовью психологія, особаго упомянанія заслуживаетъ швейцарецъ Б о н н э. Философія этого времени достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта въ «критицизмѣ» К а н т а († 1804), противника философскаго «догматизма». Онъ ополчается противъ призрачнаго метафизическаго знанія, чтобы размежевать сферы дѣйствія вѣры, съ одной стороны и методологически обоснованной науки и теоріи познанія, съ другой; онъ становится отцомъ «трансцендентальнаго идеализма», согласно которому все познаваемое есть только «явленіе», «вещь въ себѣ же» остается непознаваемою, такъ какъ пространство, время и основныя понятія мышленія (категоріи) — не что иное, какъ апріорно-субъективныя формы познанія, а отнюдь не формы самихъ вещей. Эвдемонизму своего времени кенигсбергскій мыслитель, творецъ «Критики чистаго разума» (1781 г.), противопоставляетъ въ «Критикѣ практическаго разума» свое ученіе о «категорическомъ императивѣ», свой этический «ригоризмъ», а въ «Критикѣ способности сужденія» закладываетъ фундаментъ эстетики. Последняя, какъ самостоятельная наука, возникаетъ только въ этотъ періодъ (А. Баумгартенъ, З у л ь ц е р ь, Мендельсонъ, Юмъ, Берке и др.). Философія исторіи разрабатывается въ трудахъ Монтескьё, Вольтера, Тюрго, К он д о р с е, И з е л и н а, Гердера (идеаль гуманности).

Прекрасные успѣхи дѣлаетъ въ XVIII вѣкѣ изученіе математики, особенно анализа (Бернулльи, Эйлеръ, Даламберъ, Лагранжъ, Лежандръ и др.); возникаетъ начертательная геометрія (Ламберъ). Астрономія обогащается массою новыхъ данныхъ путемъ наблюденій и вычисленій; открывается масса новыхъ звѣздъ съ помощью усовершенствованнаго (ахроматическаго) телескопа, особенно братьями Гершель. Кантъ («Всеобщая естественная исторія и теорія неба», 1755) и Лапласъ («Изображеніе міровой системы», 1796) даютъ извѣстную теорію происхожденія планетной системы. Въ механику и физику дѣлаются новыя вклады. Брэдлей (1728) открываетъ аберацію свѣта, Ламберъ изобрѣтаетъ фотометръ, Хладный основываетъ современную акустику, Дюфэ и Кулонъ формулируютъ законы электричества и магнетизма, Франклинъ изобрѣтаетъ громоотводъ (1754), Вольта и Гальвани открываютъ и объясняютъ гальванизмъ (1783, 1790, 1792), Фаренгейтъ (1724), Реомюръ (1730) и Цельзій (1740) конструируютъ извѣстные термометры; въ 1791 устанавливается первый оптико-механическій телеграфъ; въ 1775 былъ изобрѣтенъ гигро-

метръ. Дѣлается рядъ химическихъ открытій: Пристлей и Шееле открываютъ кислородъ (1774), Кавендишъ—водородъ (1784). Беттхеръ вновь изобрѣгаетъ фаянсъ (1706). Флогистическому началу, развиваемому Шталемъ (1660—1734), Лавуазье († 1794) противопоставляетъ свою теорію окисленія, которою онъ кладетъ основаніе современной неорганической химіи. Въ 1783 г. начинается развитіе воздухоплаванія (Монгольфье, Шарль). На долю біологическихъ дисциплинъ, въ сравненіи съ науками, посвященными изученію неорганической природы, въ XVIII вѣкѣ выпадаетъ гораздо меньше успѣховъ. Въ дескриптивномъ отношеніи было, однако, сдѣлано немало и въ этихъ отрасляхъ, и заложены даже кое-какія основы будущаго научнаго строительства. Для ботаники важны Линнэ († 1788) и Жюссье, изъ коихъ первый является основателемъ искусственной систематики растений, тогда какъ послѣдній открываетъ собою эру естественныхъ системъ. Линнэ и какъ зоологъ оказалъ большое вліяніе, въ особенности на классификацію и номенклатуру звѣрей, рядомъ съ нимъ заслуживаетъ упоминанія и Бюффонъ († 1788), какъ выдающійся естествоиспытатель. Въ эмбриологіи до середины XVIII вѣка господствовала преформаціонная теорія, согласно которой весь индивидуумъ уже заключенъ въ мужскомъ или женскомъ зародышѣ. Противъ этого взгляда К. Ф. Вольфъ («Theoria generationis», 1759) выдвинулъ свою теорію эпигенезиса, постепеннаго развитія эмбриона, ставшую впоследствии господствующею, хотя за послѣднее время опять дѣлаются позаимствованія у болѣе старой теоріи. Анатомія двигается впередъ трудами Альбрехта фонъ Галлера († 1777), Мекеля, Кампера, Биша (основателя гистологіи); первый изъ названныхъ ученыхъ выдвинулся также въ физиологіи (ученіе о возбуждаемости), въ какой области и Спалланци, Галесъ, Рейль, Блюменбахъ (ученіе о «созидательномъ инстинктѣ») стяжали себѣ заслуги, неумалимыя даже несмотря на спекулятивный характеръ науки того времени вообще. Медицина, отстающая въ практическомъ отношеніи, дѣлаетъ замѣтные успѣхи въ лицѣ Бургава († 1738), А. фонъ Галлера, фонъ Свитена (гуморальная патологія), Д. Брауна, Рейля, Гуфеланда.

Для землевѣдѣнія важны научныя путешествія въ Великомъ и въ Индійскомъ океанахъ (Кукъ); съ 1786 г. приступаютъ также къ изслѣдованію альпійскихъ поясовъ (Соссюръ). Предпринимается множество измѣреній и вычисленій, усовершенствуется картографія. Гейне и Ф. А. Вольфъ († 1824) основываютъ археологію. Исторіографія, усваивающая прагматическій характеръ, выдвигаетъ Юма, Робертсона, Гиббона, Иоганна Мюл-

лера († 1809), А. Герена († 1842), Юстуса Мезера († 1794). Столь вліятельный І. В и н к е л ь м а н ь становится основателемъ исторіи искусства и провозглашаетъ античность прообразомъ художественнаго творчества («Исторія античнаго искусства», 1764). Юрис-груденцію двигаютъ итальянцы Б е к к а р і я († 1794), учившій въ духѣ просвѣщенія и гуманности и ополчавшійся противъ смертной казни, и Филанджіери, затѣмъ Анс. Фейербахъ, испытавшій на себѣ вліяніе Канта, и мн. др.

Въ педагогикѣ господствуютъ «филантропы», стремящіеся воспитать изъ дѣтей, въ духѣ просвѣтительной философіи, дѣльныхъ и счастливыхъ людей (Базедовъ; «Филантропинъ» въ гор. Дессау). Образцовыми школьными дѣятелями были, напр., Кампе, Зальцманъ.

§ 39. Литература и искусство. Музыка. Во Франціи періодъ классицизма (вѣкъ «короля солнца» Людовика XIV) смѣвила просвѣтительная литература, съ ея болѣе или менѣе тенденціозными сочиненіями дидактическаго или беллетристическаго содержанія, принадлежащими перу энциклопедистовъ, Вольтера, Руссо и др. Въ ряду повѣстей и романовъ изображаются легкомысліе и распущенность нравовъ, свойственныя дворянскимъ кружкамъ; сюда относятся, напр., произведенія Кребиллона младшаго, Ретифъ-де-ля Бретонъ. Мариво въ слезливой комедіи облачаетъ сентиментальный духъ времени въ поэтическое одѣяніе; болѣе положительный, буржуазный элементъ находитъ себѣ пріютъ и выраженіе въ драмахъ и разсказахъ Дидеро, а у Бомарше («Свадьба Фигаро») уже ярко пробивается наружу революціонная тенденція.

Въ другихъ странахъ въ первой половинѣ XVIII вѣка подражаютъ французскому классицизму, противъ котораго затѣмъ ополчается національный духъ. Въ Италиі за направлениемъ, представителемъ котораго можно считать Маффея, и которое отдаетъ нѣкоторою холодностью, слѣдуетъ болѣе жизненное и національное творчество драматурговъ Голдони († 1793), Метастазіо (опера), Гоцци († 1802), Альфіери († 1803) и Уго Фосколо († 1827). Въ Даніи въ роли національнаго поэта выступаетъ Гольбергъ. Въ Англии представителями классицизма были Поупе († 1744), Сам. Джонсонъ († 1784), И. Аддисонъ († 1719; драматургъ). Въ различныхъ еженедѣльникахъ (Tatler, Spectator), издаваемыхъ Ститомъ и Аддисономъ, въ мѣщанскихъ драмахъ Г. Лилло и Р. Кумберленда литература принимаетъ буржуазно-національный и частью также просвѣтительный характеръ. «Робинзонъ Крузе» Дефо († 1731) получаетъ широкое распространеніе и вызываетъ массу подражаній. Ричардсонъ, Фильдингъ, О. Гольдсмитъ († 1774) создаютъ семейный романъ, проповѣдующій прописную мораль. Ма-

стеромъ сатиры былъ Свифтъ († 1745), юморомъ блещутъ произведенія Л. Стерна († 1768) и комедіи Шеридана († 1816). Эпическія произведенія шотландца Макферсена († 1796), приписанныя Оссіану, оказали большое вліяніе на духъ времени, и шотландецъ же Р. Бернсъ († 1796) положилъ основаніе свѣжей, народной лирикѣ; рядомъ съ нимъ, въ качествѣ лирика, съ усцѣхомъ подвизался англичанинъ В. Куперъ († 1800), стихотворенія котораго, по сравненію съ растянутыми и скучными произведеніями Томсона († 1748) и Э Юнга († 1765), знаменуютъ собою существенный прогрессъ.

Нѣмецкая литература во второй половинѣ XVIII вѣка переживаетъ новую эпоху, высшаго пока, расцвѣта. Она сперва вполнѣ погружена въ подражаніе чужимъ образцамъ, особенно французскаго классицизма. При этомъ она дышитъ ровнымъ, плоскимъ раціонализмомъ, желая прежде всего, согласно духу нѣмецкаго просвѣщенія, быть разумною, ясною и назидательною. Это направленіе въ поэзіи и теоріи («критическая поэзія») лучше всего олицетворяетъ Готтшедъ († 1766), глава «лейпцигской» школы. Самостоятельнѣе, свободнѣе и ближе къ жизни будутъ произведенія Хр. Гюптера († 1723), Гагедорна († 1754), А. Ф. Галлера († 1777), отчасти и «анакреонтиковъ», среди которыхъ особеннымъ вліяніемъ пользуется Глеймъ († 1803); онъ же первый національно-политическій поэтъ («Военныя пѣсни прусскаго гренадера»). Противъ «лейпцигцевъ» ополчаются «швейцарцы», предводительствуемые профессорами Бодмеромъ и Брейтингеромъ, отводящими ббольшій просторъ воображенію и чувству и ставящими въ примѣръ англійскихъ поэтовъ (Мильтона). Клопштокъ († 1803), произведенія котораго являються какъ бы преддверіемъ нѣмецкой классической литературы, находится подъ свѣлымъ вліяніемъ названнаго теченія. Крупнѣйшее значеніе принадлежитъ теоретическимъ и поэтическимъ сочиненіямъ Лессинга († 1781). Онъ особенно важенъ тѣмъ, что указалъ драмѣ новые пути развитія, оторвавъ ее отъ французскаго классицизма и направивъ къ Шекспиру. Виландъ († 1813) вноситъ остроуміе, элегантность, грацію и мягкость въ нѣмецкую эпическую литературу. Дѣятели эпохи «бури и натиска» (Клингеръ, Ленцъ и др.) отрекаются отъ всякихъ правилъ, подчеркивая значеніе содержанія, въ противоположность увлеченію формою,—природы, страсти, дарованія, силы, оригинальности, въ противовѣсъ господствующему наклону къ разсудочности. Поворотъ къ народничеству поэзія дѣлаетъ у «геттингенцевъ» («Hainbund») и у Бюргера († 1794), написавшаго первыя нѣмецкія баллады. Гердеръ († 1803) съ ббольшою осторожностью, нежели писатели «бури и натиска», спускается на дно народной словесности, какъ къ первоисточнику, къ

стинному роднику всякой поэзии, тогда какъ своими переводами лучшихъ народныхъ пѣсень на нѣмецкій языкъ онъ вообще раздвигаетъ литературный горизонтъ нѣмцевъ. Гёте († 1832) и Шиллеръ († 1805) сочетали въ себѣ личность, умъ и идеаль. Они воплотили глубокое и живое чувство, благородную форму, совершеннѣйшее и гармоническое соединеніе природы съ искусствомъ въ рядѣ безсмертныхъ произведеній, проникнутыхъ истинною человѣчностью и пріобрѣтшихъ, благодаря тому, что они возвышались надъ духомъ времени, непреодолимое, классическое значеніе.

Господствовавшій сперва въ архитектурѣ XVIII вѣка стиль бароко, въ отношеніи декоративной отдѣлки, особенно внутри зданія, переходитъ въ рококо, въ которомъ блескъ, жизнерадостность, изящество, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и манерность времени находятъ себѣ полное выраженіе. Прямая линія совершенно вытѣсняется извилиною, все приурочено къ достиженію живописнаго эффекта, имѣетъ плоскій видъ; характернымъ является сочетаніе раковинъ съ вьющимися растеніями, изящные багеты и аморетки, комбинація бѣлаго съ золотомъ. Позднѣе наступаетъ реакція въ смыслѣ бѣлой простоты и однообразія, вырабатывается такъ называемый стиль эпохи париковъ и мушекъ, во Франціи носящій названіе style Louis XVI, но не менѣе извѣстный и въ Италиі, и въ Германіи, гдѣ бароко нашло себѣ монументальное воплощеніе въ сооруженіяхъ Андрея Шлютера († 1714), и въ Австріи, гдѣ, какъ архитекторъ, прославился Фишеръ фонъ Эрлахъ.

Пластика сначала тоже одушевлена духомъ бароко; она мягка, слащава и вычурна. Невзирая на это, нѣкоторые художники, въ предѣлахъ даннаго, уклоняющагося отъ природы, направленія, достигаютъ выюкаго совершенства. Къ числу ихъ принадлежатъ: французъ Пигалле († 1785), нѣмецъ Шлютеръ, австріецъ Рафаиль Доннеръ († 1741). Во второй половинѣ вѣка зарождается новое, классическое направленіе, въ значительной степени обязанное изслѣдованіямъ Винкельмана по исторіи искусства. Оно заимствуетъ свои импульсы или у античныхъ формъ искусства, или непосредственно у самой природы. Самыми крупными ея представителями были итальянецъ Канова († 1822), нѣмецъ Даниелеръ († 1841), въ особенности же датчанинъ Торвальдсенъ († 1844). Относящіяся, однако, всѣ уже къ XIX столѣтію.

Живописи XVIII вѣка недостаетъ силы и величавости; она преимущественно декоративна; ясность, изящество, грація, нерѣдко привольность были ея характеристичными чертами. Таковы, въ особенности картины французовъ Бушэ († 1770), Ватто († 1721), Грѣзъ († 1805). Изъ итальянскихъ живописцевъ этой эпохи заслу-

живаютъ упоминанія: Тьеполо († 1770), Капалетто († 1788); въ Англіи выдается Гогартъ († 1764). Классицизмъ во второй половинѣ вѣка захватываетъ и живопись, но послѣдняя большею частью не шла дальше простого подражанія. Наиболѣе выдающимися были Р. Менгсъ († 1779), Тишбейнъ († 1829), Анжелика Кауфманъ († 1807); самобытнѣ всѣхъ Ходовѣцкій († 1801). Непосредственно къ античности обращается Карстенсъ († 1798), во Франціи Давидъ († 1825), въ твореніяхъ котораго даетъ себѣ непріятно чувствовать извѣстная театральность.

На долю музыки въ XVIII столѣтіи выпадаетъ необыкновенный расцвѣтъ. Впереди всѣхъ шествуютъ нѣмцы. Въ духовной музыкѣ (ораторія, месса, кантата) І. С. Бахъ († 1750) обнаруживаетъ недосыгаемую глубину чувства, силу и богатство формъ, тогда какъ Гендель († 1759) замѣчательнѣ высокимъ драматическимъ подъемомъ настроенія въ своихъ произведеніяхъ. Затѣмъ очередь за оперою, для которой Глюкъ († 1787) создаетъ совершенно новое направленіе, продолжаемое Моцартомъ († 1791), который подымается до высшей степени мелодичности и драматической выразительности. Въ отношеніи оркестровки Гайднъ († 1809) достигаетъ высшей точки совершенства, которая была по силамъ его времени.

В. Культура девятнадцатаго вѣка.

§ 40. Государство и общество. Послѣ бури французской революціи наступила реакція. Много времени ушло, пока непреходящія завоеванія ея получили общее признаніе и внѣ предѣловъ Франціи; но побѣда идеи участія совокупности въ дѣлахъ государственныхъ надъ абсолютизмомъ была все-таки неминуема. Путемъ открытаго возмущенія (революціи 1830, 1848 гг.) или вслѣдствіе благоразумной уступчивости самихъ правительствъ былъ положенъ конецъ полицейскому государству съ его системою опеки, враждебною всякому прогрессу. Образовалось современное правовое государство, охватывающее всѣ сословія и классы правящихъ и управляемыхъ подъ сѣнью единого законодательства и въ корнѣ упраздняющее всякій произволь со стороны монарха и подвластнаго ему чиновничества. Почти повсемѣстно торжествуютъ конституціонализмъ и парламентаризмъ въ монархической или республиканской, демократической или тимократической формѣ. Изъ продолжительной борьбы за конституціонный строй, наполняющей собою политическую

историю XIX вѣка, командующимъ сословіемъ вышла буржуазія, смѣнившая собою владычество аристократіи прежнихъ вѣковъ. Затѣмъ, въ зависимости отъ того, преобладала ли тенденція къ прогрессу или къ упроченію разъ достигнутыхъ соціально-политическихъ отношеній, а также на почвѣ опредѣлившихся различныхъ національныхъ, вѣроисповѣдныхъ, хозяйственныхъ и профессиональныхъ интересовъ, образовался цѣлый рядъ партій, которыя, вступая въ оппозицію другъ къ другу или къ правительству, нерѣдко путемъ «обструкціи» парализуютъ дѣятельность законодательныхъ учрежденій. Этимъ и объясняется, что не разъ уже возвышались голоса, считающіе парламентаризмъ отжившимъ свое время. Но такъ какъ до сихъ поръ нѣтъ ничего лучшаго, что можно было поставить на его мѣсто, то онъ и останется въ ближайшемъ будущемъ, — быть-можетъ, съ поворотомъ въ сторону прежняго, но облеченнаго въ соотвѣтственно новую форму, словнаго принципа.

Расширяя кругъ своей дѣятельности, государство XIX вѣка преобразовывается въ «государство культурное». Оно стремится не только къ тому, чтобы обезпечить за всѣми внутреннюю и внѣшнюю безопасность, но и къ тому, чтобы содѣйствовать улучшенію жизни гражданъ на всемъ ея протяженіи, поскольку это въ его власти и не ослабляетъ самостоятельности лицъ и корпорацій. Но при этомъ государство выступаетъ не какъ чей-либо органъ, а какъ организациія совокупности и при непремѣнномъ участіи самихъ гражданъ, въ отличіе отъ «просвѣщеннаго деспотизма». Въ союзѣ съ общинами оно устраиваетъ общественные пути сообщенія (желѣзныя дороги, почта, телеграфъ, телефонъ, шоссейныя дороги, каналы), организуетъ соціальную гигиену (больницы, дома для душевнобольныхъ, дезинфекція и т. д.), заботится о постановкѣ преподаванія и доставленіи средствъ образованія вообще (школы, библіотеки, музеи). Въ огражденіе и ради блага совокупности или же отдѣльныхъ классовъ населенія, легко поддающихся эксплуатаціи (охрана рабочихъ, дѣтей и пр.), государство стѣсняетъ свободу дѣйствія отдѣльнаго лица.

Государственное и общественное развитіе, повидимому, совершается въ направленіи гармоническаго сочетанія индивидуализма и коллективизма. При этомъ, вѣроятно, надо будетъ предварительно побороть двѣ крайности, стремящіяся каждая претвориться въ жизни. Одна крайность — враждебный государству, перетягивающій индивидуалистическое начало и въ принципѣ отрицающій всякое принужденіе анархизмъ, въ формѣ или революціонной («пропаганда дѣйствіемъ»), или эволюціонной («благородный анархизмъ»). Другая крайность — соціалъ-демократія, которая имѣетъ своими предшественницами въ прошломъ различныя соціальныя системы, начиная

съ Платона. Соціализмъ какъ таковой, проповѣдуемый съ XVI вѣка въ рядѣ государственныхъ романовъ: «Утопія» Т. Моруса, «Государство-солнце» Кампанеллы, далѣе, въ трудахъ Мабли, Морелли и др., въ XIX вѣкѣ беретъ на себя роль защитника рабочаго класса, а затѣмъ и всѣхъ эксплуатируемыхъ капитализмомъ вообще и стремится къ обобществленію или націонализациі, въ частичной формѣ или полномъ объемѣ, всѣхъ средствъ производства, или въ рамкахъ существующаго общественнаго строя (государственный соціализмъ), или съ измѣненіемъ всей соціальной структуры. Въ трудахъ Сениъ-Симона, Фурье, Луи-Блана, Прудона и др., соціализмъ принимаетъ отчасти фантастическія формы. Болѣе практическою является программа Лассаля, поборника всеобщаго, равнаго и прямого голосованія и производительныхъ союзовъ, создаваемыхъ съ помощью государственнаго кредита, и основателя «Всеобщаго нѣмецкаго рабочаго союза» (1863). Но соціаль-демократія признаетъ своимъ вдохновителемъ Карла Маркса, опредѣлившаго переходъ капиталистическаго способа производства въ коллективистски-соціалистическій и «экспропріацію экспропріаторовъ» неизбѣжною, естественною необходимостью. Въ настоящее время въ «марксизмѣ» наблюдаются два направленія; радикально-революціонное, признаннымъ главою котораго является Бебель, и умѣренное, «ревизионистское», родоначальникомъ котораго былъ Берпштейнъ. Программа партіи была выработана на съѣздѣ въ Готѣ въ 1875 г. Въ ожиданіи «государства будущаго» соціаль-демократія пока стремится къ завоеванію рабочимъ классомъ какъ можно большаго политическаго могущества. Во всякомъ случаѣ, рабочіе, благодаря своей планомерной и сознательной организаціи, обнаруживающей, между прочимъ, въ устройствѣ и проведеніи стачекъ и пр., достигли уже немало успѣховъ и принимали дѣятельное участіе въ воспитаніи общественной совѣсти.

Въ противоположность XVIII вѣку и первой половинѣ XIX въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ именно XIX столѣтія принципъ товаринства снова начинаетъ входить въ силу и притомъ, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ экономическихъ. Возникаютъ потребительныя и производительныя общества, различные профессиональные союзы; образуются, преимущественно въ Америкѣ, тресты, картели, синдикаты, не совсѣмъ безопасныя дѣйствія которыхъ уже привлекаютъ къ себѣ вниманіе государства.

Особенность нашего времени, по сравненію съ XVIII вѣкомъ, составляетъ также пробужденіе національной идеи. Насколько отвратителенъ ея наростъ, шовинизмъ, настолько же эта идея представляетъ собою чрезвычайно высокую культурную цѣн-

ность, если рассматривать ее какъ противовѣсъ къ слишкомъ поспѣшно и чрезмерно уравнивающему космополитизму. Болѣе сомнительнаго свойства, кажется, современная расовая борьба, направленная противъ выведеннаго въ XIX вѣкѣ изъ своего гетто еврейства; реакція противъ антисемитизма пробудила за послѣднее время еврейскій націонализмъ подъ видомъ такъ называемаго сіонизма.

Идея человѣчности, вылившись въ признаніе достоинства человѣческой личности, не могла мириться съ тѣмъ, чтобы съ этою личностью обращались какъ съ вещью, и настоянія ея, подъ вліяніемъ хозяйственныхъ интересовъ, дѣйствительно привели къ отмѣнѣ крѣпостничества. Освобожденіе крестьянъ послѣдовало во Франціи и Австріи уже въ XVIII столѣтіи, въ Пруссіи въ 1809 г., въ остальной Германіи между 1818 и 1832 гг., въ Россіи въ 1863 г.; путемъ выкупа реальныхъ повинностей, лежавшихъ на землѣ, были уничтожены послѣдніе пережитки бывшей зависимости. Отмѣна рабства въ христіанскихъ государствахъ и ихъ колоніяхъ, позже всего (1880) на островѣ Кубѣ, была тоже завоеваніемъ XIX вѣка.

Въ связи съ индивидуалистическими, а также социалистическими тенденціями вѣка стоитъ женскій вопросъ и женское движеніе, пріобрѣтающіе съ конца XVIII столѣтія все болѣе и болѣе острый характеръ. Это движеніе направлено къ достиженію женщиною политическаго и экономическаго равноправія, вообще болѣе самостоятельности въ обществѣ и законодательствѣ. Вслѣдствіе организаціонной (женскія общества) и публицистической дѣятельности женщинъ и мужчинъ уже достигнуты кое-какіе благопріятные результаты. Однако, нельзя скрывать, что безмѣрная «эманципація», не желающая считаться съ особенностями женской природы, наталкивается на ожесточенное противодѣйствіе даже въ рядахъ самого женскаго общества.

Въ правосудіи, въ смыслѣ унификаціи и приспособленія къ измѣнившимся социальнымъ отношеніямъ, независимости судей и упрощенія судопроизводства, замѣтенъ безусловный прогрессъ. Важно учрежденіе суда присяжныхъ въ дѣлахъ уголовныхъ, возобновляющаго собою только древне-германскія установленія. Международное право лишь намѣчается, но развитіе его совершалось въ XIX столѣтіи вполне цѣлесообразно, давъ, на примѣръ, Женевское соглашеніе, преслѣдующее охрану раненыхъ на войнѣ (1864; Брюссельскій конгрессъ 1874).

XIX вѣкъ возродилъ въ большинствѣ государствъ прежнее установленіе народнаго войска (всеобщая воинская повинность). Высоко развитая военная техника возвела войну на

степень настоящего искусства; но она же сдѣлала ее ужаснѣйшимъ явленіемъ и, вслѣдствіе громадныхъ затратъ на пріобрѣтеніе выработанныхъ ею средствъ, взвалила «вооруженный міръ» страшнымъ бременемъ на плечи всѣхъ народовъ; поэтому понятно, что пропаганда, иррегулярная уже въ XVIII вѣкѣ. (С. - Пьеромъ и Кантомъ) идея «вѣчнаго міра» въ наше время опять встрѣчаетъ сильное сочувствіе (союзы мира). Если намъ до полного «разоруженія» еще далеко, то фактъ неоднократнаго обращенія къ третейскому суду при международныхъ спорахъ такъ же, какъ и Гаагское соглашеніе, вполне свидѣтельствуетъ о томъ, что мы, по крайней мѣрѣ, начинаемъ приближаться къ моменту осуществленія идеи мира.

Несмотря на всѣ уступки государству («культурная борьба» въ Германіи) и на потерю свѣтской власти папою (утрата церковной области), католическая церковь сохранила свое могущество въ XIX вѣкѣ. Однако, борьба противъ ультрамонтанства ведется въ разныхъ странахъ успѣшно, особенно во Франціи. Въ связи съ провозглашеніемъ догмата папской непогрѣшимости (1870) и въ видѣ протеста противъ этого акта возникъ старокатолицизмъ. Замѣчаются тенденціи къ реформѣ католицизма (Деллингеръ, Шель, Эргардтъ), но пока безуспѣшно. Болѣе посчастливилось свободному направленію въ протестантизмѣ (Гарнакъ и др.). Религіозное сектантство въ XIX вѣкѣ дало новые ростки (мормоны; армія спасенія). Религіозное чувство, очень живое въ первой трети XIX вѣка (романтизмъ), затѣмъ слабѣетъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ матеріализма, а нынѣ, повидимому, снова усиливается, какъ вообще замѣчается нарожденіе извѣстнаго «неоромантизма».

Въ области морали существуетъ безусловное стремленіе къ этической индивидуализаціи, къ предоставленію личности болѣе свободы въ устройствѣ своей жизни, къ «переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей» (Штирнеръ, Ницше, Ибсенъ и др.), на ряду съ чѣмъ наблюдается также тенденція къ «соціальной этикѣ», преодолевающей односторонности классовой морали, съ одной стороны, и этического скептицизма — съ другой. Въ практическомъ отношеніи мораль потерпѣла немалый уронъ отъ жизни въ большихъ городскихъ центрахъ, отъ безпощадной конкуренціи, стремленія къ наживѣ и т. д. Потребность въ томъ, чтобы углубить и облагородить этико-соціальные отношенія, вполне созрѣла.

§ 41. Хозяйство, техника, общеніе. Въ отношеніи обогащенія матеріальной культуры XIX вѣкъ превзошелъ всѣ предыдущія времена. Причины къ тому заключаются въ чрезвычайномъ ростѣ населенія и въ обусловленной имъ потребности къ расширенію производства, далѣе, въ отбѣнѣ всѣхъ стѣснительныхъ для

промышленности и торговли установленій и преградъ (внутреннія таможи и т. д.), наконецъ, не въ послѣдней степени, въ многочисленныхъ научныхъ и техническихъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, допускающихъ наибольшую эксплуатацію продуктовъ и силъ природы. Съ формальной стороны этимъ чрезвычайнымъ подъемомъ хозяйственнаго производства мы обязаны строжайшему и тончайшему проведенію раздѣленія и расчлененія труда въ связи съ соединеніемъ труда, другими словами, введенію коллективистскаго принципа въ производство. Денежное и кредитное хозяйство, банки и биржи, широкая постановка вывоза, приведшая къ установленію міровой системы торговли,— все это сыграло не послѣднюю роль въ данномъ процессѣ. Это—вѣкъ предпринимателей, силы капитализма, рискованной финансовой спекуляціи, массоваго производства, такъ какъ потребленіе за производствомъ не поспѣваетъ, затяжныхъ торговыхъ кризисовъ. Страстная погоня за наживою въ связи съ жаждою соціальнаго могущества и наслажденій создали въ XIX вѣкѣ громадныя капиталы, которымъ, однако, противостоитъ ужасный пауперизмъ, вызываемый различными обстоятельствами, какъ-то: возрастающимъ отливомъ населенія въ крупныя городскіе центры, массовымъ предложеніемъ рабочихъ силъ, конкуренціею и т. д. Такимъ образомъ, все настоятельно требуетъ разрѣшенія «соціального вопроса»,—болѣе справедливаго распредѣленія жизненныхъ благъ, имѣющихся въ достаточномъ количествѣ,—поднятія общаго уровня матеріальнаго и духовнаго быта широкихъ народныхъ массъ.

Промышленность и сельское хозяйство XIX вѣка черпали новые импульсы изъ великолѣпно поставленной, непрерывно развивающейся и чрезвычайно изобрѣтательной техники этого времени. Мы живемъ въ вѣкѣ машинъ, когда господствуетъ тенденція по возможности замѣнять человѣческую рабочую силу сберегающею энергію и время и быстро и ровно работающею машиною; даже ремесленный трудъ, часто оттѣсняемый фабрично-заводскимъ производствомъ на задній планъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ вновь оживаетъ благодаря примѣненію къ нему машинъ. Наибольшая рациональность въ постановкѣ и веденіи производства—вотъ общій лозунгъ; паръ и электричество состязаются; конструируются самыя замысловатыя машины, отчасти служащія, въ свою очередь, для производства другихъ машинъ. Изъ числа изобрѣтеній, получившихъ значеніе для хозяйственной техники, упомянемъ: паровой молотъ (1842), паровой плугъ (1833), паровая турбина, динамо-электрическія машины, желѣзный книгопечатный станокъ (Стенгопъ,

1800), цилиндрическая печатная машина (Кенигъ, 1811), электрическое воспламенение, свѣчки, стеариновые и параффиновые свѣчи, газовое, ацетиленовое и электрическое освѣщеніе, предохранительная лампа (Дэви, 1816), пироксилинъ, нитроглицеринъ, динамитъ (1864), гальванопластика (1837), цементъ, сталь для орудій, корабельный винтъ (Рессель 1829), Бессемеровъ способъ производства стали, дагерротипія (1838), фотографія, гелиографюра, ткацкій станокъ Жакара (1801, 1808), свекловичное сахарное производство (1801). Высоко развитыя техника и промышленность дѣлаютъ возможнымъ распространеніе жизненныхъ удобствъ въ самыхъ широкихъ кругахъ населенія; отъ этого увеличиваются и совершенствуются человѣческія потребности, что, въ свою очередь, вызываетъ все новыя усилія къ ихъ удовлетворенію; такимъ образомъ, одно изобрѣтеніе обуславливаетъ другое.

Быстрое развитіе и совершенствованіе разныхъ путей и средствъ сообщенія не только важны съ экономической точки зрѣнія, они имѣютъ также въ высшей степени важное социализирующее значеніе, сближая другъ съ другомъ отдѣльные народы, города и страны, объединяя культуру и цивилизацію, распространяя новѣйшія завоеванія человѣческаго духа въ кратчайшій срокъ и на самыя отдаленныя разстоянія и широко раздвигая его горизонты. Современная техника блистаетъ устройствомъ шоссейныхъ и горныхъ дорогъ, гигантскихъ каменныхъ и желѣзныхъ мостовъ, каналовъ и туннелей. Почта, большею частью перешедшая въ вѣдѣніе государства, испытала въ XIX вѣкѣ чрезвычайный подъемъ, особенно со времени установленія низкаго порто (марки, 1837 или 1840) и основанія всемірнаго почтоваго союза (1874). Разстоянія все болѣе и болѣе сокращаются, благодаря увеличивающейся сѣти желѣзныхъ дорогъ; въ 1814 г. былъ пущенъ первый локомотивъ Стефенсономъ; въ 1829 г. открыта первая желѣзная дорога между Ливерпулемъ и Манчестеромъ. Исполинскіе пароходы бороздятъ океаны, сближая другъ съ другомъ отдѣльныя части свѣта. Въ 1807 г. первый пароходъ совершилъ продолжительное морское путешествіе (Фультонъ); въ 1819 г. совершенъ былъ первый рейсъ по океану. Затѣмъ пришлось поработать надъ устройствомъ электрическихъ дорогъ, автомобиля, явившагося вслѣдъ за велосипедомъ, управляемаго аэростата, подводнаго судоходства и пр. Трудями Земмеринга (1809), Гауса и Вебера (1833), Штейнгейля (1837), Уэтстона (1840), Морзе (1844) былъ изобрѣтенъ и усовершенствованъ электромагнитный телеграфъ, послѣ чего Марconi положилъ начало безпроводной телеграфіи; первый океанскій кабель былъ проведенъ въ 1858 г. Изобрѣтенный Рейсомъ (1861) телефонъ былъ Грэхомомъ Беллемъ (1877) и Эдисономъ приспо-

собленъ къ практическому употребленію. послѣдній изобрѣлъ также фонографъ.

§ 42. Наука. Научная работа въ XIX вѣкѣ подвинулась сильно впередъ. Подъемъ ея за этотъ вѣкъ превышаетъ усиѣхи, сдѣланные науками въ предыдущія времена. Масса новыхъ явленій открыта, и установлено много законовъ, складываются разныя новыя дисциплины (сравнительное языкознаніе, египтологія, ассириологія, исторія литературы, этиологія, соціологія, сравнительное правовѣдѣніе, политическая экономія, экспериментальная психологія и др.), и раздѣленіе труда внутри отдѣльныхъ наукъ неустанно продолжается. Естественное познание, послѣ спекулятивнаго на правленія, совпавшаго для него съ первою третью XIX столѣтія, вступаетъ въ періодъ строго методической и точной работы. Благодаря усовершенствованнымъ способамъ экспериментальнаго изслѣдованія и широкому примѣненію математики, количественному пониманію природы, были достигнуты прекрасныя и значительныя результаты. Разработка гуманитарныхъ наукъ; находившихся сначала подъ вліяніемъ философіи, которая затѣмъ уступаетъ свое мѣсто переживающимъ пышный расцвѣтъ естественнымъ наукамъ, тоже идетъ съ большимъ успѣхомъ. Въ противоположность XVIII вѣку, въ XIX господствуетъ сильный историческій духъ, рассматривающій всѣ явленія какъ нѣчто развивающееся во времени и коренящееся въ его условіяхъ. Критика старается все поставить на прочныя основанія. Хотя просвѣтительныя тенденціи не угасли и въ наше время, тѣмъ не менѣе, онѣ имѣютъ своимъ противовѣсомъ тѣ направленія, которыя отстаиваютъ права чувства, фантазіи и вѣры, а также историзмъ и эволюціонизмъ, раскрывающіе естественно-историческую необходимость идей и учрежденій и постоянное ядро ихъ.

Суевѣрность, конечно, до сихъ поръ еще не искоренена; мало того, она дала разныя новыя ростки, на примѣръ, спиритизмъ; но все-таки она стала несравненно слабѣе и безобиднѣе, по крайней мѣрѣ, среди людей образованныхъ. Характерной для нашего времени чертой является широко распространенная склонность къ скептицизму въ теоретико-практическомъ отношеніи, къ мистицизму и къ теософіи.

Обозримъ самыя важныя дисциплины. Богословіе XIX вѣка сдѣлала наукѣ много частныхъ уступокъ; она стала доступной критическому духу, историзму, философіи и психологіи. Для протестантскаго богословія, главнымъ образомъ, важны труды Шлейермахера, Баура, Д. Фр. Штрауса, Ритшля, Кафтана, Гарнака. Философія первой трети XIX вѣка оказывала значительное

вліяніе на отдѣльныя науки, на культурную жизнь въ ея цѣломъ. Это вѣкъ великихъ идеалистическихъ системъ, которыя возводятъ духовное начало какъ «я» (И. Г. Фихте, † 1814), какъ абсолютъ (Шеллингъ, † 1854), какъ разумъ (Гегель, † 1831), какъ воля (Шопенгауэръ, † 1860), въ міровой принципъ, — вѣкъ интенсивно-діалектическаго, чисто-спекулятивнаго способа разсужденія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безграничнаго довѣрія къ абсолютной познавательной способности человѣка. Въ качествѣ реакціи затѣмъ появляется позитивизмъ (О. Кантъ, † 1857) и матеріализмъ (К. Фогтъ; Молешоттъ, Бюхнеръ), нѣкоторое время господствовавшій въ естественно-научныхъ кружкахъ и въ широкихъ слояхъ публики, — соотвѣтственно отрезвленію, наступившему послѣ чрезмѣрно спекулятивнаго періода философіи, и громадному подъему естествознанія и техники и практическому характеру духа времени вообще. Постепенно философія, однако, опять входитъ въ милость, начиная снова вліять на отдѣльныя науки, послѣ того какъ она сама стала на научную почву, съ сохраненіемъ своего специфически-философскаго характера. Съ шестидесятыхъ годовъ неоднократно раздавался кличъ: «Назадъ къ Канту», и стали придавать громадное значеніе теоріи познанія. Рядомъ съ позитивистскими мыслителями (Милль, Фейербахъ, Дюрингъ, Авенаріусъ, Махъ и др.) мы встрѣчаемъ философовъ, не чуждыхъ метафизики, какъ, напримѣръ, Лотце, Фехнеръ, Э. Ф. Гартманъ, Вундтъ; послѣдній въ особенности съ успѣхомъ установилъ связь между философскою и научно-ислѣдовательскою работою. Эволюціонная теорія обрѣла своего философскаго систематизатора въ Гербертъ Спенсеръ. Гносеологическій и эническій скептицизмъ, вылившійся въ философію «стремленія къ власти», проповѣдуется Фр. Нитцше, провозгласившимъ «переоцѣнку всѣхъ цѣнностей», «господскую мораль и «сверхъ-человѣка» и противопоставившимъ свой «діонисскій», утверждающій жизнь оптимизмъ нессимизму Шопенгауэра и Э. Ф. Гартмана. Существоють рядомъ реалистическія, идеалистическія, критическія, эмпиристическія и другія направленія, представителями которыхъ выступаютъ нѣмецкіе и иностранные мыслители. Э. Г. Веберъ, Фехнеръ и др. положили основаніе психофизикѣ и экспериментальной психологіи, постоянно совершенствуемыхъ Вундтомъ и др.; Вундтъ является также основателемъ первой психологической лабораторіи въ Лейпцигѣ, послѣ чего таковыя открыты были еще и въ другихъ мѣстахъ.

Историческая наука въ XIX вѣкѣ выросла въ отношеніи строгости метода и критики (Нибуръ, Ранке), раздвинула свои рамки до міровой исторіи (Шлоссеръ, Веберъ, Ранке,

Линднеръ и др.), отчасти подчинилась эволюціонизму, установила свои отношенія къ соціологіи и къ культурной исторіи, поставила на мѣсто историческаго индивидуализма «коллективистскую концепцію исторіи» (Бокль, Лампрехтъ и др.) и, наконецъ, стала задумываться надъ своими принципами и своимъ отношеніемъ къ естественнымъ наукамъ (Бернгеймъ, Риккертъ, Виндельбандтъ и др.). Соціологія, возведенная О. Контомъ въ особую науку, за послѣднее время сосредоточила на себѣ вниманіе многихъ ученыхъ (Спенсеръ, Шеффле, Лиліенфельдъ, Гумпловичъ, Тардъ, Морганъ, Гиддингсъ, Л. Ф. Уордъ). Статистика, благодаря Кетлэ и другимъ, стала важной вспомогательной дисциплиной. Въ политической экономіи, противъ «манчестерской теоріи» (Рикардо и т. д.), была выдвинута протекціонистская система (Фр. Листъ и т. д.), а полемику съ экономическимъ индивидуализмомъ ведутъ разныя соціалистическія направленія; крупное имя составили себѣ въ экономической наукѣ Родбертусъ, Шеффле, Л. Брентано, А. Вагнеръ, Шмоллеръ, Кэри, Рошеръ, Менгеръ и др. Сравнительное языковѣдѣ (Боппъ, Гриммъ, Шлейхеръ и т. д.) вновь оживило философію. Зародились санскритологія, египтологія (открытіе Россеттской надписи въ 1799, разборъ іероглифовъ Шампольономъ, Лепсіусомъ, Бругномъ и т. д.), ассириологія (разборъ клинописи Г. Ф. Гротендомъ, изслѣдованія Раулинсона, Лайарда, Ботты, Опперта, Э. Шрадера, Фр. Делича). Раскопки въ Месопотаміи, Малой Азіи, Троѣ (Шлиманъ, Дерпфельдтъ), Греціи сильно подвинули впередъ археологію. Богатыя находки, свидѣтельствующія о бытѣ до-историческаго человѣка, имѣли самое важное значеніе для развитія антропологіи и первобытной исторіи (Буше де Пертъ, Мортилье, Лебокъ, Гернесъ и др.). Труды Бастіана, Ратцеля, Поста и др. положили основаніе къ еще незаконченному до сихъ поръ зданію этнологіи; дополненіемъ къ этой наукѣ служатъ основанная Штейнталемъ и Лацаруссомъ и пересмотрѣнная до своихъ основаній Вундтомъ коллективная или народная психологія, сравнительныя науки о правѣ и о религіи. Юриспруденція сначала находилась подъ вліяніемъ исторической школы (Савиньи), противъ которой выступило философско-правовое направленіе (Тибо); обѣ односторонности старались затѣмъ примирить. Изъ естественныхъ наукъ астрономія достигла значительныхъ успѣховъ, благодаря усовершенствованіямъ телескопа и другихъ аппаратовъ, также спектральному анализу (1815 г. линія Фраунгофера;

1860: Кирхгофъ и Бунзенъ). Были открыты Нептунъ (Галле 1846) и множество другихъ звѣздъ, главнымъ образомъ, съ помощью звѣздныхъ картъ; устраивается большое число обсерваторій. Вернеръ († 1817), поборникъ нептунизма, возвелъ геологію на степень науки, успѣшно разрабатываемой далѣе Л. Ф. Бухомъ († 1853), самымъ крупнымъ защитникомъ вулканизма. Въ противовѣсъ теоріи катаклизмовъ, Ш. Лейль выдвинулъ ученіе о непрерывной трансформациі; послѣднее время, однако, стали опять дѣлать уступки старой теоріи. Громадные успѣхи въ XIX вѣкѣ сдѣлала географія трудами К. Риттера, А. фонъ Гумбольдта, Гейки, Рихтгофена, Ратцеля (антропогеографія) и благодаря многочисленнымъ научнымъ экспедиціямъ, особенно въ полярныя моря и внутрь Африки; правда, земные полюсы, несмотря на чрезвычайныя усилія, до сихъ поръ остались не открытыми, хотя къ нимъ уже подходили очень близко (Наansenъ). Блестящіе результаты дала физика: разработаны ученіе о теплотѣ и теорія газовъ (Р. Майеръ, Клаузиусъ и др.); открыты поляризація (1808 г.), спектральный анализъ, электромагнетизмъ (Эрштедтъ. 1820), индукція (Фарадей, 1831); обосновано ученіе о земномъ магнетизмѣ (Гаусъ, 1833). Недавно были открыты катоды (Круксъ), лучи Рентгена (1895), радиоактивныя вещества (Беккерель, Кюри) и теорія электроновъ. Фундаментальное значеніе имѣетъ обоснованіе положенія о сохраненіи энергіи въ изслѣдованіяхъ Р. Майера, Жуля, Гельмгольца; этимъ самымъ былъ упроченъ взглядъ о единствѣ всѣхъ явленій природы. Наконецъ. В. Оствальдъ пытался вообще замѣнить понятіе матеріи энергіею. Химія широко развернулась, давъ обиліе теоретическихъ и практическихъ результатовъ. Рихтеръ, Дальтонъ, Гей-Люссакъ, Берцелиусъ и др. основали химическую теорію атомовъ, развившуюся въ стереохимію; Менделѣевъ открылъ періодическую систему элементовъ. Количественный анализъ блестящимъ образомъ оправдалъ себя и на почвѣ органической химіи; въ 1829 г. былъ произведенъ первый органический синтезъ (моча—Велеромъ), за которымъ послѣдовали и другіе. Открываются все новые элементы. Оствальдъ разработалъ физическую химію.

Біологическія науки, находившіяся сначала всецѣло во власти натурфилософіи, извлекли громадную пользу изъ квантитативнаго взгляда на природу; послѣднее время, правда, противъ «механизма» выступаетъ своего рода «неовитализмъ», обновляющій ученіе о жизненномъ принципѣ въ новой формѣ («доминанты»: І. Рейнке). Ученіе о развитіи видовъ, проповѣдуемое уже Эразмомъ Дарвиномъ, Гете, Ламаркомъ, Сентъ-Илеромъ, Океномъ и др., было подкрѣ-

влено Ч. Дарвиномъ (1859) новой плодотворной теоріею, которая главнымъ факторомъ біологической эволюціи считаетъ проявляющійся въ «борьбѣ за существованіе» «естественный подборъ» (natural selection). Дарвинизмъ подчеркиваетъ взаимное родство видовъ, каковая мысль оказалась чрезвычайно плодотворной для науки (Э. Геккель и др.); крайности односторонняго дарвинизма вызвали недавно появленіе своего рода—«неоламаркизма». Значительное вліяніе эволюціонная идея оказывала и продолжаетъ оказывать на гуманитарныя науки, на философію, соціологію, этику, эстетику и т. д. Для зоологіи особенно важно разработанное Шлейденомъ и Шванномъ ученіе о клѣткахъ, а также изслѣдованія по сравнительной анатоміи (морфологіи) и по эмбриологіи (К. Э. Ф. Беръ и др.; Геккель: «Основной біогенетическій законъ»). И. Мюллеръ († 1858) возвелъ физиологію на степень точной науки; крупныя вклады въ эту науку сдѣлали еще Флурансъ, Клодъ Бернаръ, Брюкке, Дюбуа-Реймонъ, Людвигъ, Гельмгольцъ, Либихъ (ученіе объ обмѣнѣ веществъ). Надъ медициною въ первую треть XIX вѣка тяготѣетъ натурфилософія; въ это время возникаетъ также (основанная Ганеманномъ) гомеопатія. Но затѣмъ въ медицину проникаетъ точное мышленіе передового естествознанія; физическая діагностика (выслушиваніе посредствомъ стетоскопа) и патологическая анатомія получаютъ всеобщее признаніе (Скода, Рокитанскій). Вирховъ основываетъ целлюлярную патологию, Пастеръ открываетъ нахожденіе животныхъ зародышей въ воздухѣ, Кохъ—бациллы, какъ возбудители болѣзней; Листеръ вводитъ антисептическое лѣченіе, дополненное позднѣе асептизмомъ, что, въ свою очередь, вызываетъ сильный прогрессъ хирургіи. Прививка, пущенная въ концѣ XVIII вѣка въ обращеніе Дженнеромъ, въ XIX столѣтіи развивается въ лѣченіе сывороткой. На совершенно новыя основанія ставится психіатрія; гигиена разрастается въ чрезвычайно важную самостоятельную дисциплину. Изобрѣтенія, подобно главному и горловому зеркаламъ, далѣе, гальваническое травленіе, наркозъ и др., весьма содѣйствовали успѣхамъ врачебнаго искусства.

Современная педагогика основана на Песталоцци († 1827), взгляды котораго на естественный ходъ умственнаго развитія и на пріоритетъ нагляднаго знанія, долженствующаго предшествовать отвлеченному обученію, никогда не устарѣютъ. Большое значеніе имѣетъ тоже Фребель († 1852), основатель дѣтскихъ садовъ; Гербартъ основываетъ педагогику на психологіи, а въ настоящее время возникла особая «педагогическая психологія», пользующаяся результатами экспериментальнаго изслѣдованія душевной

жизни. Школа въ XIX вѣкѣ непрерывно росла и дифференцировалась; во многихъ странахъ было введено всеобщее обязательное обученіе. Рядомъ съ гимназіями возникло большое количество равноправныхъ съ ними реальныхъ училищъ, къ которымъ присоединилось еще много профессиональныхъ и техническихъ учебныхъ заведеній; женскіе лицеи и гимназіи даютъ женщинамъ возможность получить серьезное образованіе и этимъ открываютъ имъ широкій доступъ къ научнымъ занятіямъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ цѣляхъ распространенія образованія въ широкихъ кругахъ общества въ послѣдніе годы дѣлается очень много, путемъ изданія громадной популярно-научной литературы, устройства лекцій, открытія вольныхъ университетовъ и т. д. Периодическая, особенно ежедневная печать получила въ XIX вѣкѣ небывалое развитіе; она стала не только живымъ отраженіемъ, но и настоящею руководительницею общественнаго мнѣнія.

§ 43. Литература и искусство. Литература конца XVIII и первой трети XIX вѣка носитъ характеръ «романтизма». Онъ воодушевленъ духомъ реакціи противъ просвѣтительнаго раціонализма и всего нормативнаго въ классицизмѣ, посвящая себя зато культу фантазіи, чувства и индивидуальности, причемъ стремленіе къ естественности нерѣдко переходитъ въ противоестественность, а фантазія въ фантастичность. Поэзія и жизнь должны по возможности составлять одно цѣлое; всюду въ жизни должно проявлять себя искусство. Но, тяготясь къ фантазии и къ чувству, добиваясь національнаго и религіознаго настроенія, міросозерцаніе романтизма какъ бы отрѣшается отъ современной ему жизни, удаляется въ прошлое среднихъ вѣковъ, идеи которыхъ,—феодализмъ, правдивость и благочестіе—, вмѣстѣ съ параллельно совершающеюся политическою реакціею, проводятся, главнымъ образомъ, нѣмецкими романтиками. Средніе вѣка для романтизма являются идеаломъ жизни.

Въ Германіи романтическая поэзія, руководимая братьями Шлегелями, Тикомъ, Брентано и др., выступаетъ сперва подъ вліяніемъ философскихъ ученій Фихте и Шеллинга; сильнымъ драматическимъ талантомъ среди нѣмецкихъ романтиковъ заявляетъ себя Г. Ф. Клейстъ. Военственная лирика поэтовъ эпохи освободительныхъ войнъ (Ардтъ, Кернеръ, Шенкендорфъ и др.) имѣетъ также культурно-историческое значеніе. Французскій романтизмъ направленъ противъ неоклассицизма наполеоновской эпохи; В. Гюго, Ламартинъ и Мюссе считаются его главными

представителями; первыми глашатаями его были Шенье и Шато-брианъ, а главными представителями—В. Гюго, Ламартинъ и Мюссэ. Въ романтическомъ духѣ писали: въ Англии—Вальтеръ Скоттъ, Байронъ, Шелли; въ Италиі—Манцони, Леопарди; въ Испаниі—Бретонъ-де-лосъ-Герреросъ; въ Голландіи—Бильдердейкъ, фанъ Леннепъ; въ Бельгіи—Консъянсъ; въ Даниі—Эленшлегеръ, Г. Герцъ, Андерсенъ; въ Швеціи—Э. Г. Гейеръ, Тенъе; въ Россіи—Пушкинъ и Лермонтовъ; въ Польшѣ—Мицкевичъ; въ Венгріи—Петефи.

Романтизмъ былъ подлинною литературою эпохи политической реставраціи и реакціи. Если онъ тщательно избѣгалъ всякаго соприкосновенія съ текущею жизнью, то, съ развитіемъ революціонныхъ тенденцій, жизнь все-таки стала неудержимо врываться въ поэзію; послѣдняя принимала политическую окраску или такъ или иначе откликалась на теченіе времени, впадая нерѣдко въ тенденціозность. Это—періодъ «молодой Германіи» (Гейне, Берне, Гутцковъ, Ляубе и др.), вѣкъ Скриба, Бальзака, Дизраэли, Кингслея, изобразителей общественныхъ нравовъ Таккера, Диккенса, Ж. Эллиота.

Возникаетъ социальный романъ (Бальзакъ, Ж. Зандъ), смѣненный романомъ культурно-историческимъ. Противъ «эпигоновъ» классицизма вооружается натурализмъ. Зародившись во Франціи и оттуда распространившись по другимъ странамъ, онъ овладѣваетъ романомъ, драмою и лирикою. Онъ иногда преступаетъ границы искусства, но большею частью остается вѣренъ умѣренному реализму, стремящемуся воспроизвести, съ помощью психологическаго анализа и тончайшаго изображенія окружающей среды, индивидуальную и социальную жизнь со всѣмъ многообразіемъ наполняющихъ ея отношений, столкновений, тенденцій и идеаловъ; во Франціи (Золя), Скандинавіи (Ибсенъ), Россіи (Достоевскій, Толстой), а также въ Германіи (Г. Келлеръ и др.) реалистическое направленіе даетъ прекрасные цвѣты въ художественной литературѣ. Реалистическая тенденція вызвала противъ себя за послѣднее время реакцію идеалистически-символистическаго направленія, которое технику натурализма думаетъ сочетать съ богатствомъ идей и глубиною настроенія (Метерлинкъ и др.); въ настоящее время различныя направленія и противоположности въ литературѣ существуютъ, такъ-сказать, бокъ-о-бокъ, что особенно замѣтно въ драмѣ, въ значительной мѣрѣ тяготеющей къ социальнымъ проблемамъ (Ибсенъ, Зудерманъ, Гауптманъ и др.; изъ нихъ послѣдній является одновременно представителемъ неосимволизма). Въ нѣмецкой лирикѣ чередуются политическіе (Гервегъ), «класси-

ческіе» (Гейбель и др.), натуралистическіе, импрессионистскіе и реалистическіе (Лиліенкронъ и др.) писатели. Повсюду литература зависитъ отъ смѣны культурныхъ (соціально-политическихъ) отношеній; отражая ихъ, она оказываетъ и обратное воздѣйствіе на нихъ; первое мѣсто занимаетъ романъ, а еще важнѣе драма. Театръ въ техническомъ отношеніи очень совершенствовался; сценическое искусство, превращаясь нерѣдко въ виртуозность и погоню за внѣшними эффектами, достигло въ смыслѣ правдивости и осмысленности исполненія, а также цѣльности ансамбля (мейнингенцы) очень высокаго уровня.

Въ искусствѣ наблюдается тоже чередованіе: классицизмъ, романтизмъ, реализмъ, натурализмъ, неоидеализмъ (символизмъ).

Архитектура сначала слѣдуетъ античнымъ образцамъ (Шинкель, Л. фонъ Кленце), затѣмъ ударяется въ романтизмъ, возвращаясь къ романскому и готическому стилямъ (Гершнеръ, Вюла-ле-Дюкъ и др.), наконецъ, вновь подчиняется ренессансу, не пренебрегая, однако, и другими стилями, особенно въ церковномъ строительствѣ. Характерными для вѣка машинъ являются еще громадныя постройки изъ желѣза. Въ послѣднее время замѣтно стремленіе создать новый архитектурный стиль (sécession), воспринимая древневосточные элементы и отдающій предпочтеніе плоскостямъ, живописной манерѣ. Скульптура также сперва подражаетъ античности (Торвальдсенъ), отдаетъ нѣкоторую дань романтизму (Шванталіеръ), но потомъ въ ней обнаруживается извѣстная противоположность между обѣими теченіями классицизма и «натурализма» (Родэнъ, Менье, Клиггеръ). Въ отдѣльныхъ произведеніяхъ достигнута исключительная степень жизненной правды и задушевности выраженія. Во всякомъ случаѣ, доказано, что и въ отношеніи пластики греки еще могутъ быть превзойдены.

За классицизмомъ въ живописи (Карстенсъ, Давидъ) слѣдуетъ живописный романтизмъ, стремящійся къ совершенству въ воспроизведеніи душевнаго міра (Овербекъ, Шноръ фонъ Карольсфельдтъ, Корнеліусъ, Морицъ фонъ Швиндъ, Ингресъ, Герико и др.). Реалистическая живопись, подчеркивающая важность естественной правды, колорита, техники вообще (Курбэ, Коро, Пилоти, Ахенбахъ, Менцель), развилась въ импрессионизмъ (Plein air: Манэ, Мона, Писсаро) и натурализмъ (Бастьенъ-Лепажъ, Уде, Либермапъ); противоположностью къ нему служитъ неоидеализмъ (символизмъ) въ живописи, у Пюви де-Шава-нъ, прерафаэлитовъ (Миллесъ, Россети, Бернъ-Джонсъ, В. Крентъ), отчасти тоже у Беклина, который связываетъ его съ большимъ реализмомъ

изображенія. Современная сецессионистская живопись часто отодвигаетъ рисунокъ на задній планъ, въ сравненіи съ колоритомъ и настроеніемъ; портретная живопись, въ которой особенно выдѣляются Вистлеръ и Ленбахъ, тоже часто прибѣгаетъ къ длиннымъ, эфирнымъ образамъ средневѣковой живописи.

Послѣдніе годы вдохнули новую жизнь въ художественную промышленность. Въ теченіе XIX вѣка интересъ къ искусству и пониманіе его были въ общемъ мало распространены; теперь всѣ признаки налицо, что въ эстетическомъ отношеніи дѣло идетъ на поправленіе; уже пробивается тенденція сочетать въ домашнемъ очагѣ красоту съ цѣлесообразностью; это и есть то, чѣмъ характеризуется современная художественная промышленность. Тутъ, и въ отношеніи костюма замѣтна склонность къ позаимствованіямъ у «старого добраго времени».

Музыка XIX вѣка, въ великолѣпныхъ произведеніяхъ (сонатахъ, симфоніяхъ, камерной музыки) Л. фонъ Бетховена († 1827) достигла высшаго совершенства: въ нихъ сказываются мощная личность геніальнаго творца, глубина чувствъ и величіе міросозерцанія. Въ пѣсняхъ Шуберта († 1828) поражаютъ изумительная теплота и искренность настроенія. Наступаетъ чередъ романтической музыки Шнора, К. М. фонъ Вебера, давшего въ своемъ «Волшебномъ стрѣлкѣ» истинно-національную оперу, Мендельсона, Шумана и т. д., затѣмъ программной музыки Берліоза, Листа до Рихарда Штрауса и др. современныхъ композиторовъ включительно; къ этому присоединяется новый музыкальный «веризмъ» итальянцевъ и ихъ подражателей. Область оперной музыки обогащается великолѣпными произведеніями Мейербера, Обера, Гуно, Бизе, Россини, Верди; въ болѣе легкомъ жанрѣ, опереттѣ, съ выдающимся успѣхомъ подвизались Оффенбахъ, Г. Штраусъ, Миллекеръ. Р. Вагнеръ идеаломъ («музыкою будущаго») выставляетъ соединеніе всѣхъ искусствъ въ музыкальной драмѣ; ему мы обязаны, между прочимъ, значительнымъ увеличеніемъ оркестровыхъ средствъ и могучимъ и потрясающимъ воспроизведеніемъ германскихъ мѣровъ и сказаній, отражающимъ, однако, на себѣ вліяніе шопенгауэровской философіи. Высокая оцѣнка техники въ современной музыкѣ подтверждается также появленіемъ громаднаго числа виртуозовъ-исполнителей; первоклассными артистами были Паганини, Листъ, Рубинштейнъ.

Въ общемъ, искусству недостаетъ единства и опредѣленности направленія; оно идетъ какъ бы оцупью, въ безпрестанныхъ поискахъ за новымъ, собственнымъ и ясно выработаннымъ стилемъ. Частая

смѣна настроеній и модъ, суетлив. сть и чрезвычайная подвижность современной жизни, «возбуждаемость» и быстрое утомленіе, столь присущія ей, особенно сильно и отчетливо сказываются въ области художественнаго творчества; въ той же мѣрѣ въ искусствѣ обнаруживается стремленіе художника отстоять себя, свою личность, свою индивидуальность.

Изъ всего этого можно заключить, что человѣчество опять переживаетъ «переходное время», и что накопившійся въ громадномъ количествѣ культурный матеріалъ ждетъ своей переработки и сведенія въ одно гармоническое цѣлое.

Указатель литературы по главамъ.

§§ 1, 2.

- Lamprecht: 1) «Moderne Geschichtswissenschaft», 1905; 2) «Alte u. neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft», 1896; 3) «Die historische Methode», 1899; 4) «Die kulturhistorische Methode», 1900.
- Breysig: 1) «Aufgaben und Massstäbe einer allgemeinen Geschichtsschreibung», 1900; 2) «Der Stufenbau u. die Gesetze der Weltgeschichte», 1905.
- Grottenfeld: 1) «Die Wertschätzung in der Geschichte», 1903; 2) «Geschichtliche Wertmassstäbe», 1905.
- Hartmann, «Ueber historische Entwicklung», 1905.
- Lindner, «Geschichtsphilosophie», 1900.
- Lacombe, «Histoire considerée comme science», 1894 (Лакомбъ, «Соціологическія основы исторіи»)
- Renouvier, «Introduction à la philosophie analytique de l'histoire».
- Seignobos, «La méthode historique appliquée aux sciences sociales», 1900.
- Flint, «History of the philosophy of history», 1893.
- Masaryk, «Die philosophischen u. soziologischen Grundlagen des Marxismus», 1899 (Масарикъ, «Философскія и соціологическія основы марксизма»).
- Woltmann, «Der historische Materialismus», 1900 (Вольтманъ «Историческій материализмъ»).
- Туганъ-Барановскій, «Теоретическія основы марксизма», 1905.
- Карѣвъ: 1) «Основные вопросы философіи исторіи», 3 изд.; 2) «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи», 1890; 3) «Введеніе въ изученіе соціологіи», 1897.
- Арнольди (Лавровъ), «Задачи пониманія исторіи», 1898.
- Миртовъ (Лавровъ), «Историческія письма» (изд. «Русск. Бог.», 1905).

§§ 3, 4, 5, 6, 7.

- Ammon: 1) «Die natürliche Auslese beim Menschen», 1893; 2) «Die Gesellschaftsordnung u. ihre natürlichen Grundlagen», 1895.
- Dürckheim, «Elements de sociologie», 1889.
- Vacher de Lapouge, «Les élections sociales», 1896.
- Huxlay, «Soziologische Essays», 1897.
- Kidd, «Soziale Evolution», 1895.

- Patten, «The theory of social forces»
 Fouillé: 1) «L'évolutionisme des idées forces», 1893 (Фулье, «Эволюція творческихъ идей»); 2) «Psychologie des idées forces», 1891.
 Tarde: 1) «Les lois de l'imitation», 1890; 2) «La logique sociale», 1894 (Тардъ, «Соціальная логика»);
 Gobineau, «Essai sur l'inégalité des races humaines». 4 т. 1853—55 (Gobineau, «Versuch über die Ungleichheit der Menschenrassen», 4 т., 1898—1901).
 Gumplowicz, «Der Rassenkampf», 1883.
 Woltmann: 1) «Die Darwinsche Theorie u. der Sozialismus», 1899 (Вольтманъ, «Дарвинизмъ и социализмъ»); 2) «Politische Anthropologie», 1904 (Вольтманъ, «Политическая антропология»);
 Dutoit, «Die Theorie des Milieus», 1902.

§ 8.—А. Общие обзоры.

- Helmolt, «Weltgeschichte», 9 т. (Гельмольтъ, «Всемирная исторія»);
 Lindner, «Weltgeschichte seit der Völkerwanderung», 9 т.
 Lavisse et Rambaud, «Histoire universelle», 10 т. (Лависсъ и Рамбо, «Всеобщая исторія съ IV вѣка до нашего времени»);
 Петровъ, «Лекціи по всемирной исторіи», 4 т.
 Карѣвъ, «Главные обобщенія всемирной исторіи», 1903.
 Breysig, «Kulturgeschichte der Neuzeit», пока вышли—«Altertum u. Mittelalter als Vorstufen der Neuzeit», 1901, 2 т.
 Carrière, «Die Kunst im Zusammenhange der Kulturentwicklung», 1871—74, 5 т. (Каррьеръ, «Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры»);
 Grupp, «System u. Geschichte der Kultur», 1892.
 Henne am Rhyn, «Allgemeine Kulturgeschichte», 3 т.
 Lippert, «Die Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau», 1887, 3 т. (Липпертъ, «Исторія культуры»).

Б. Национальныя исторіи.

- Ключевскій, «Курсъ русской исторіи», 1904/04—вышло пока 2 тома.
 Милюковъ, «Очерки по исторіи русской культуры», послѣдн. изд. 1900/4, 3 ч.
 Рожковъ, «Обзоръ русской исторіи съ социологической точки зрѣнія» пока 3 выпуска.
 Подъ редакціей Сторожева, «Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Смутнаго времени». 2 выпуска.
 Грушевскій, «Очеркъ исторіи украинскаго народа», 1904 (переработка и сводка его же «Исторіи України Руси», 1898—1903, пока 4 т.; перев. послѣдней—Hruševskyi, «Geschichte des ukrainischen (ruthenischen) Volkes»);
 Бобржинскій, «Очеркъ исторіи Польши», 1890, 2 т.
 Kowalewsky, «Institutions politiques de la Russie. Naissance et developpement de ces institutions, des commencements de l'histoire de Russie jusqu'à nos jours».
 Schybergson, «Finland», 1896.
 Leroya Beaulieu, «L'empire des tsars», 2 т.
 Green: 1) «A short history of England», 2 т. (Гринъ, «Краткая исторія англійскаго народа»); 2) «History of english people», 4 т. (Гринъ, «Исторія англійскаго народа»);
 Трайль, «Общественная жизнь Англии съ древнѣйшаго періода до настоящаго времени», 1896/99, 6 т.

- Lamprecht, «Deutsche Geschichte», пока вышло 8 т.+3 дополн. тома (Ergänzungsbände—«Zur jüngsten deutschen Vergangenheit»; Лампрехтъ, «Исторія германскаго народа», 3 т.)
 Kāmmel, «Geschichte des deutschen Volkes», 2 т. 1904.
 Lavisse, «Histoire de France depuis les origines jusqu'à la révolution».
 Rambaud, «Histoire de la civilisation française».

В. Монографіи по отдѣльнымъ областямъ культуры.

- «Die Kultur der Gegenwart, ihre Entwicklung u. ihre Ziele», herausg. v. Hinneberg (многотомное коллективное предприятие, распадающееся на три серии: I, II. «Die geisteswissenschaftlichen Kulturgebiete», III. «Die naturwissenschaftlichen Kulturgebiete», IV. «Die technischen Kulturgebiete»).
- L. Steln, «Die sociale Frage im Lichte der Philosophie», 2 изд. 1902 (Штейнъ, «Соціальный вопросъ философской точки зрѣнія», 1899, перев. съ перваго изданія).

1. Языкъ.

- Wundt, «Völkerpsychologie; I. Die Sprache», 1900.
 Nolré, «Der Ursprung der Sprache», 1888.
 Müller, «Das Denken im Lichte der Sprache», 1888.
 Stelntal, «Der Ursprung der Sprache im Zusammenhange mit den letzten Fragen alles Wissens», 1888.
 Lazarus, «Das Leben der Seele», 1883.

2. Письмо.

- Faulmann: 1) «Illustrierte Geschichte der Schrift», 1883; 2) «Das Buch der Schrift», 1880; 3) «Geschichte der Buchdruckerkunst». 2 т.
 Weise, «Schrift- u. Buchwesen in alter u. neuer Zeit», 1904, 2 изд.
 Wutke, «Geschichte der Schrift u. der Schriftums», 1872.

3. Техника.

- Launhardt, «Übersicht über die Wirkungen der Entwicklung der Naturwissenschaften u. der Technik auf das gesamte Kulturleben», 1900.
 Nolré, «Das Werkzeug u. seine Bedeutung für die Entwicklungsgeschichte der Menschheit», 1880.
 Kraft, «Das System der technischen Arbeit», 4 ч., 1902.
 Wendt, «Die Technik als Kulturmacht», 1906.

4. Внѣшній бытъ.

- Köhler, «Allgemeine Trachtenkunde», 1901.
 Quincke, «Handbuch der Kostümkunde», 1896.

Selenka, «Der Schmuck des Menschen», 1900.

Weiss, «Kostümkunde. Geschichte der Trachten u. des Gerätes bis auf die Gegenwart», 5 т. (Вейс, «Внѣшній бытъ народовъ», 3 т.).

5. Хозяйство.

Bücher, 1) «Die Entstehung der Volkswirtschaft», 1905 (Бюхеръ, «Происхождение народнаго хозяйства»); 2) «Arbeit u. Rhythmus», 1903.

Marx, «Das Kapital», 4 т. (Марксъ, «Капиталь»).

Kautsky, «Karl Marx oekonomische Lehren (Каутскій, «Эконом. уч. К. М.»).

Sombart, «Der moderne Kapitalismus», 1902, 2 т. (Зомбартъ, «Исторія современнаго капитализма»).

6. Общественность (семья, бракъ, собственность, классы, сословія, обычай, право, государство).

Mac Lennau, «Primitive Marriage», 1865.

Morgan, «System of consanguinity», 1871.

Mucke, «Horde u. Familie in ihrer urgeschichtlichen Entwicklung», 1895.

Starcke, «Die primitive Familie in ihrer Entstehung u. Entwicklung», 1888.

Westermarck, «History of human marriage», 1891 (нѣм. перев. «Geschichte der menschlichen Ehe»).

Letourneau, «L'évolution du mariage et de la famille.

Grosse, «Die Formen der Familie u. die Formen der Wirtschaft», 1896.

Engels, «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums u. des Staates», 1894 (Энгельс, «Возникновение семьи, частной собственности и государства»).

Ковалевскій, «Очеркъ происхожденія семьи и собственности», 1895.

Felix, «Entwicklungsgeschichte des Eigentums», 1893.

Laveleye, «De la propriété et des ses formes primitives», 1874 (нѣм. перев.).

Letourneau, «L'évolution de la propriété», 1889 (Летурно, «Эволюція частной собственности»).

Czobel, «Die Entwicklung der sozialen Verhältnisse», 1902.

Simmel, «Über soziale Differenzierung», 1902.

Schurtz, «Altersklassen u. Männerbunde».

Ratzenhofer, «Soziologische Erkenntnis».

Zenker, «Die Gesellschaft», 1899—1903, 2 т.

Гамбаровъ, «Политическія партіи», 1904.

Maln: 1) «Ancient Law», 1871 (Мэнъ, «Древнее право»); «Lectures on the early history of institution», 1875 (Мэнъ, «Древнѣйшая исторія учрежденій»).

Letourneau: 1) «L'évolution juridique»; 2) «L'évolution de l'esclavage»; 3) «L'évolution politique».

Hildebrand, «Recht u. Sitte», 1896.

Post: 1) «Der Ursprung des Rechts», 1876; 2) «Die Anfänge des Staats- u. Rechtslebens», 1878.

Ihering: 1) «Der Zweck im Recht»; 2) «Der Kampf ums Recht» (Герингъ, «Борьба за право»).

Ковалевскій, «Современный обычай и древній законъ», 1886.

Fustel des Coulanges, «La cité antique» (Фюстель де Куланжъ, «Античная община»).

Izoulet, «La cité moderne». 1902.

- «Die Grossstadt», Vorträge u. Aufsätze, 1904 («Большие города»; сборн. ст.).
 Humboldt, «Ueber die Grenzen der Wirksamkeit des Staates».
 Gumplovicz, «Geschichte der Staatstheorien», 1905.
 Menger, «Neue Staatslehre», 1904 (Менгеръ, «Новое учение о государствѣ»).

7. *Духовная жизнь (религія, мораль, наука, фило офія, искусство).*

- Chantepie de la Saussaye, «Lehrbuch der Religionsgeschichte» (Шантепи-де-ля-Соссэ, «Исторія религіи»).
- Caird, «The evolution of Religion», 1893.
- Lippert: 1) «Die Religionen der europäischen Kulturvölker», 1881; 2) «Allgemeine Geschichte des Priestertums», 1883.
- Breysig, «Die Entstehung der Gottesgedanken», 1905.
- Eucken, «Der Wahrheitsgehalt der Religion», 1903.
- Mack, «Die Krisis in der Religion», 1905.
- Baldwin, «Das soziale u. das sittliche Leben», 1900.
- Ratzenhofer, «Positive Ethik», 1901.
- Simmel, «Einleitung in die Moralwissenschaft», 2 т., 1900.
- Woltmann, «System des moralischen Bewusstseins», 1898.
- Draper, «Geschichte der geistigen Entwicklung Europas», 2 т., (Дрэперъ, «Исторія умственнаго развитія Европы»).
- Whewell, «History of the inductive sciences» (Уевель, «Исторія индуктивныхъ наукъ»).
- Windelband, «Geschichte der Philosophie in ihrem Zusammenhange mit der allgemeinen Kultur», 3 т. (Виндельбандъ, «Исторія философіи въ связи съ общимъ развитіемъ культуры»).
- Stein, «Der Sinn des Daseins», 1904.
- Groos: 1) «Die Spiele der Menschen», 1899; 2) «Der aesthetische Genuss», 1901.
- Grosse, «Die Anfänge der Kunst», 1899.
- Burckhardt, «Aesthetik u. Sozialwissenschaft», 1895.
- Reich, «Kunst u. Moral», 1901.
- Lange, «Das Wesen der Kunst», 1901.
- Gugau, «L'art au point de vue soziologique», 1889 (Гюо, «Искусство съ соціологической точки зрѣнія»).
- Taine, «Philosophie de l'art», 1862 (Тэнь, «Чтеніе объ искусствѣ», 1897).
- Woermann, «Geschichte der Kunst aller Zeiten u. Völker», 3 т.
- Riemann, «Musikgeschichte».

§ 9.

- Hoernes: 1) «Die Urgeschichte des Menschen nach dem heutigen Stande der Wissenschaft», 1892; 2) «Die Urgeschichte der Menschheit», 1905 (Гернесъ, «Первобытная исторія человѣчества», 1906).
- Mortillet, «Le préhistorique. Antiquité de l'homme», 1900.
- Morgan, «Ancient Society», 1877 (нѣм. перев. «Die Urgesellschaft»).
- Schurtz, «Urgeschichte der Kultur», 1900 (Шурцъ, «Первобытная исторія культуры»).
- Stein, «Die Anfänge der menschlichen Kultur», 1905.
- Hehn, «Kulturpflanzen u. Haustiere in ihrem Uebergange aus Asien nach Griechenland und Italien, sowie in das übrige Europa», 6 изд., 1894.
- Tylor, «Early history of mankind», 1873 (нѣм. пер. «Die Anfänge der Kultur» (Тэйлоръ, «Первобытная культура», 2 т.).

Харузинъ, «Этнографія».

Корелинъ, «Иллюстрированное чтеніе по культурной исторіи», вып. V.—«Кѣмъ были наши предки, и гдѣ и какъ они жили», 1899.

§ 10.

Brehm, «Das Inkareich», 1887.

Cunow, «Die soziale Verfassung des Inkareiches».

Strebel, «Alt-Mexico», 1885—89.

Seler, «Peruanische Altertümer», 1892.

Фиске, «Открытие Америки съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія», 1892—93, 2 т.

§ 11.

Nachod, «Geschichte von Japan» I, 1906.

Rein, «Japan nach Reisen und Studien», 2 т., 1905 (Рейнъ, «Японія»).

Rathgen, «Die Japaner u. ihr Wirtschaftsleben», 1905.

Dumolard, «Le Japon politique, économique et social», 1900 (Дюмоларъ, «Японія»).

Weulersesse, «Le Japon d'aujourd'hui», 1904.

Hearn, «Japan, an attempt at interpretation», 1904.

«Unser Vaterland Japan», 1904 («Японцы о Японіи», 1905).

Brinckley, «Japan and China», 1903—4.

Graul, «Die ostasiatische Kunst u. ihre Einwirkungen auf Europa».

Haberlandt, «Die Litteraturen des Orients».

§ 12.

Hommel, «Geschichte des alten Morgenlandes» (Гоммель, «Исторія древняго востока», 1906).

Maspéro, «Histoire ancienne des peuples de l'Orient», 1878 (Масперо, «Исторія народовъ древняго востока»).

Meyer, «Geschichte des Altertums», 5 т., 1885 ff.

Winckler, «Die Weltanschauung des alten Orients», 1904.

Rawlinson, «The five great monarchies of the eastern world».

Delltsch: 1) «Bibel u. Babel».—нѣскольکو книж. (Деличъ, «Библия и Вавилонъ», 1906); 2) «Wo lag das Paradies», 1881; 3) «Im Laude des Paradieses».

Максутовъ, «Исторія древняго востока». I, 1905.

Карѣвъ, «Монархіи древняго востока и греко-римскаго міра», 1904.

Корелинъ, Иллюстр. чтенія вып. III. «Ассирійскій народъ и его боги-покровители», 1904.

Рагозина, «Исторія Ассиріи», 2 изд.

Череванскій, «Исчезнувшее царство» (Эпоха Семирамиды), 1906.

§§ 13, 14

Landau, «Die Bedeutung der Phönizier im Volkerleben», 1905.

Pietschmann, «Geschichte der Phönizier».

Корелинъ, Иллюстр. чт., II «Финикійскіе мореплаватели и ихъ культъ», 1904.

- Gretz, «Geschichte der Juden von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart».
 Giesebrecht, «Die Grundzüge der israelitischen Religionsgeschichte», 1904.
 Meyer, «Die Entstehung des Judentums», 1896.
 Renan, «Histoire du peuple d'Israël», 1887/93 (нѣм. пер.).
 Wellhausen, «Israelitische u. jüdische Geschichte», 4 изд. 1901.

§ 15.

- Корелинъ, Иллюстрир. чтенія. вып. I. «Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія», 1902

§ 16.

- Hardy, «Buddha» (Гарди, «Будда»);
 Dutt, «History of Civilisation in ancient India», 1889/90.
 Much, «Die Heimat der Indogermanen», 1904.
 Рагозина, «Исторія Индіи» (временъ «Ригъ-Веды»).

§ 17.

- Рагозина, «Исторія Мидіи, второго Вавилонскаго царства и возникновеніе Персидской державы».

§ 18.

- Holm, «Kulturgeschichte des klassischen Altertums».
 Beloch, «Griechische Geschichte», 4 т. (Белохъ, «Исторія Греціи», 2 т.).
 Baumgarten, Poland u. Wagner, «Die hellenische Kultur», 1905 («Эллинская культура» подъ ред. проф. О. Ф. Зѣлинскаго, изд. Брокгаузъ-Ефронъ).
 Карѣвъ, «Государство-городъ», 1903.
 Таннери, «Первые шаги древне-греческой науки», 1902.

§ 19.

- Mommsen, «Römische Geschichte», 4 т. (Моммсенъ, «Римская исторія» 1877/85).
 Friedländer, «Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms», 6 изд.
 Lecky, «Sittengeschichte Europas von Augustus bis auf Karl den Grossen».
 Sœck, «Der Untergang der antiken Welt». 2 т.
 Bolssler, «La fin du paganisme», 1894 (Буассье, «Паденіе язычества»);
 Корелинъ, «Паденіе античнаго міросозерцанія», 1901.
 Зѣлинскій, «Язычество» («Энциклоп. Словарь» Брокгаузъ Ефрона).

§ 20.

- Schrader, «Sprachvergleichung u. Urgeschichte».
 Grupp, «Kultur der alten Germanen u. Kelten».
 Steinhausen, «Germanische Kultur in der Urzeit».

Boguslawski, «Einführung in die Geschichte der Slawen».
Krek, «Einleitung in die slawische Litteraturgeschichte».

§ 21.

Geffken, «Aus der Werdezeit Christentums», 1904.
Pfleiderer, «Die Entstehung des Christentums», 1905.
Braasch, «Die religiösen Strömungen der Gegenwart», 1905.
Harnack, «Das Wesen des Christentums», 1904.
Strauss, «Das Leben Jesu».
Renan: 1) «La vie de Jésus»; 2) «Les apôtres»; 3) «L'antichriste» (всѣ три кн. въ переводѣ на русскій яз.).
Зѣлинскій, «Христіанство» («Энциклоп. словарь» Брокгаузъ-Ефрона).

§§ 22, 25, 26, 27, 28, 29.

Eiken, «Geschichte u. System der mittelalterlichen Weltanschauung», 1878.
Gruppe, «Kulturgeschichte des Mittelalters», 1894.
Henne am Rhyn: 1) «Geschichte des Rittertums», 1893; 2) «Kulturgeschichte der Kreuzzüge», 1894.
Prutz, «Kulturgeschichte der Kreuzzüge», 1888.
Döllinger, «Das Papsttum».
Hoensbröck, «Geschichte des Papsttums», 3 т.
Корелинъ, «Основные моменты въ исторіи средневѣкового папства», 1902.
Дживелеговъ: 1) «Исторія средневѣкового города»; 2) «Исторія средневѣковой торговли».
Карѣвъ, «Государство-помѣстье» («феодалъная и сословная монархія»), 1905.
Otto, «Das deutsche Handwerk in seiner kulturgesch. Bedeutung».
Schultz, «Das häussliche Leben der europäischen Kulturvölker vom Mittelalter bis zur zweiten Hälfte des 18 Jahrhunderts», 1905.
Babeau, «La vie privée d'autrefois».

§ 23.

Roth, «Geschichte des byzantinischen Reiches».
Gibbon, «History of decline and the fall of the Roman Empire», 1782 (Гиббонъ, «Исторія упадка и разрушенія римской имперіи», 1883/86, 7 т.)

§ 24.

Le Bon, «La civilisation des Arabes», 1884.
Grimme, «Mohammed. Die Weltgeschichtliche Bedeutung Arabiens», 1904.
Kremer, «Kulturgeschichte des Orients unter den Kalifen», 1875.
Schaack, «Die Kultur der Araber in Spanien», 2 т.
Соловьевъ, «Магометъ».
Череванскій, «Міръ ислама и его пробужденіе».

§ 30.

Карѣвъ, «Исторія Западной Европы въ новое время», 5 т.

- Випперъ, «Учебникъ по Новой исторіи», 1906.
 Коганъ, «Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ», 2 т., 1905.
 Arnold, «Die Kultur der Renaissance», 1904.
 Burckhardt: 1) «Die Kultur der Renaissance in Italien». 1901, 2 т. (Буркгардтъ, «Культура ренессанса въ Италиі», 1906); 2) «Geschichte der Renaissance in Italien», 1891.
 Brandi, «Die Renaissance in Florenz u. Rom».
 Gebhardt: 1) «L'Italie mystique» (Жебаръ, «Мистическая Италиа»); 2) «La renaissance en Italie» (Жебаръ, «Начало возрожденія въ Италиі»);
 Geiger, «Geschichte des Humanismus in Italien u. Deutschland» (Гейгеръ, «Исторія нѣмецкаго гуманизма»);
 Strauss, «Ulrich v. Hutten» (Штраусъ, «Ульрихъ фонъ Гуттенъ»);
 Корелинъ: 1) «Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія», 2 т.; 2) «Очерки по исторіи итальянскаго возрожденія»; 3) «Гуманизмъ» («Энциклоп. Словарь» Брокгаузъ-Ефрона).
 Гревсъ, «Флоренція» («Энциклопед. словарь» Брокгаузъ-Ефрона).

§ 31.

- Berger, «Die Kulturaufgaben der Reformation» (Бергеръ, «Культурныя задачи реформациі»);
 Bezold, «Geschichte der deutschen Reformation» (Бецольдъ, «Исторія нѣмецкой реформациі»);
 Maurenbrecher, «Geschichte der katholischen Reformation».
 Philippson, «Les origines du catholicisme moderne. La centrerévolution religieuse».
 Beard, «Die Reformation des sechzehnten Jahrhunderts in ihrem Verhältnis zum modernen Denken u. Wissen», 1884 (Бирдъ, «Реформациа 16 вѣка въ ея отношеніи къ современному знанію и мышленію»);
 Böhmer-Romundt, «Die Jesuiten», 1904.
 Grün: 1) «Kulturgeschichte des 16 Jahrhunderts»; 2) «Kulturgeschichte des 17 Jahrhunderts».

§ 36.

- Hettner, «Geschichte der Litteratur des 18 Jahrhunderts», 5 т. (Геттнеръ, «Исторія всеобщей литературы 18 вѣка»);
 Lecky, «Geschichte des Einflusses u. des Ursprunges der Aufklärung in Europa» (Лекки, «Исторія рационализма»);
 Випперъ, «Общественныя ученія и историческая теорія XVIII и XIX в.», 1900.

§ 40.

- Taine, «Les origines de la France contemporaine», 7 т. (Тэнь, «Происхожденіе современной Франціи»);
 Sorel, «L'Europe et la révolution française», 8 т. (Сорель, «Европа и французская революціа», 4 т.);
 Aulard, «La révolution française» (Оларъ, «Исторія французской революціи»);
 Ковалевскій, «Происхожденіе современной демократіи», 4 т., 2 изд.

- Honegger, «Grundsteine einer allgemeinen Geschichte der neusten Zeit» 5 т., 1868—74.
- Hallier, «Kulturgeschichte des 19 Jahrhunderts», 1899.
- Krämer, «Das XIX Jahrhundert», 4 т.
- Ziegler, «Die geistigen u sozialen Strömungen des 19 Jahrhunderts», 1899 (Циглеръ, «Умственныя и социальныя теченія девятнадцатаго вѣка»).
- Rimbaud, «Histoire de la civilisation contemporaine», 1888.
- Pelissier, «Le mouvement litteraire au XIX siècle» (Пелисье, «Литературное движеніе въ XIX в.»).
- Brandes, «Die Hauptströmungen der Litteratur des XIX Jahrh.» 2 т. (Брандесъ, «Главные теченія въ европейской литературѣ XIX вѣка»).
- Taine, «Histoire de la litterature en Angleterre» (Тэнъ, «Исторія англійской литературы»).
- Frank, «Geschichte der deutschen Litteratur» (Франкъ, «Исторія нѣмецкой литературы»).
- Sombart, 1) «Sozialismus u. soziale Bewegung im 19 Jahrhundert» 1905 (Зомбартъ, «Соціализмъ и социальное движеніе въ 19 вѣкѣ»); 2) «Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert» 1903.
- Diehl, «Sozialismus, Anarchismus, Kommunismus», 1903 (Диль, «Соціализмъ, анархизмъ, коммунизмъ»).
- Эндрюсъ, «Историческое развитіе современной Европы», 2 т., 1899.
- Файфъ, «Исторія Европы XIX в.», 1905.
- Сеньобось, «Политическая исторія современной Европы», 1899.
- Ковалевскій, «Экономическое развитіе Западной Европы», 1899.
- Туганъ-Барановскій, «Очерки изъ исторіи новѣйшей политической экономіи», 3 изд., 1905.
- «Конституціонная монархія», 2 изд., 1905, ред. журн. «Право».
- «Политическій строй соврем. Европы», 2 т., 1905/6, ред. журн. «Право».

Содержаніе.

Предисловіе къ русскому изданію	Стр. 3
---	--------

Часть I. Основные понятія культурной исторіи.

§ 1. Сущность культуры. Задача культурной исторіи	5
2. Происхожденіе культуры	8
3. Созидательныя силы культуры	11
4. Ростъ и упадокъ культуры	14
5. Духовные факторы культуры	19
6. Дарвинизмъ и культура	23
7. Раса и среда	28
8. Обзоръ отдѣльныхъ областей культуры	32

Часть II. Очерки развитія культуры.

§ 9. Доисторическое время	57
-------------------------------------	----

I. Древнее время.

§ 10. Мексика и Перу (древнеамериканскія культуры)	59
11. Китай и Японія	61
12. Ассиро-вавилонская культура	67
13. Финикійцы	69
14. Евреи	71
15. Египтяне	76
16. Индія	80
17. Персы	86
18. Греція	88
19. Этрусски. Римляне	101
20. Кельты, германцы, славяне	109
21. Христіанство	114

II. Средніе вѣка.

22.	Общій взглядъ на средневѣковье	117
23.	Византійская культура	118
24.	Арабская культура	120
25.	Религіозная культура христіанскаго средневѣковья	124
26.	Государство и общество въ средніе вѣка	128
27.	Промышленность и торговля. Частный бытъ	133
28.	Наука. Образованіе	135
29.	Литература и искусство	139

III. Новое время.

А. Отъ эпохи ренессанса до эпохи просвѣщенія.

30.	Сущность ренессанса	143
31.	Реформація и контръ-реформація	146
32.	Государство и общество въ XVI и XVII вѣкахъ	148
33.	Наука. Преподаваніе	153
34.	Литература	157
35.	Искусство. Музыка	160

Б. Культура эпохи просвѣщенія.

36.	Эпоха просвѣщенія	164
37.	Государство, общество и хозяйство въ XVIII вѣкѣ	167
38.	Наука. Преподаваніе	170
39.	Литература и искусство. Музыка	173

В. Культура девятнадцатаю вѣка.

40.	Государство и общество	176
41.	Хозяйство, техника, общеніе	179
42.	Наука	183
43.	Литература и искусство	188

Указатель литературы по главамъ	193
---	-----
